

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Star 382.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Книга XXIII.

КАВКАЗСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 11.

Ноябрь.

1901 г.

ТИФЛИСЪ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій пр., домъ № 81.
1901

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 30-го октября 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СЕМЬ СТАРЦЕВЪ,—горская легенда.— <i>А. Яценко.</i>	1
II. ВСЕГО СЕБЯ,—разсказъ.— <i>К. Роговскаго.</i>	7
III. АННА САРОЯНЪ, этюдъ, съ арм. (окончаніе)— <i>Нардоса</i>	29
IV. БЪГЛЕЦЪ, разсказъ (окончаніе).— <i>В. К-на.</i>	45
V. РАЗВИТІЕ УЧЕБНАГО ДѢЛА НА КАВКАЗѢ И ВЪ БЫВШЕМЪ ЦАРСТВѢ ГРУЗИНСКОМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ (окончаніе)— <i>В. Романовскаго.</i>	1
VI. ЗАМѢТКА ОБЪ АРМЯНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ВЪ ВЕНЕЦІИ НА О-ВѢ СВ. ЛАЗАРЯ И КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АРМЕНІИ И ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ (къ 200 лѣтію основанія Конгрегаціи мхитаристовъ).— <i>В. Лангмю</i> (окончаніе). — Перев. съ фр. <i>А. Сипяшина</i>	14
VII. ВЗГЛЯДЪ И НѢЧТО.—О кавказской музыкѣ.— <i>В. Д. К.</i>	35
VIII. МЕМУАРЫ КОРОЛЕВЫ СЕРБСКОЙ НАТАЛІИ (продолженіе).—съ фр. перев. <i>Е. Бахутовой</i>	59
IX. ЭМИЛЬ ЗОЛЯ О ТРУДѢ И ЛЮБВИ.— <i>В. Т.</i>	81
X. КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ГОРНАГО ДѢЛА НА КАВКАЗѢ.— <i>О. Карапетяна.</i>	92
XI. КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА. Съѣздъ представителей кавказской печати.— <i>В-ій.</i> —Обиліе съѣздовъ. Второй съѣздъ кавказскихъ врачей.—Юридическая безпомощность населенія: консультація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ при Тифлисскомъ окружномъ судѣ.—Двѣ школы.—† <i>Г. Г. Евангуловъ.</i> — <i>И. Д.</i>	109
XII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. <i>Турція.</i> —Розыски похищенной американки миссъ Стоунъ.—Безпорядки въ Арменіи и представленія державъ. — Постановленіе „международнаго конгресса мира“ въ Глазговѣ и телеграмма Общества мира въ Америкѣ. — Франко-турецкій конфликтъ —	

Персія. — Развитие торговых сношений между Россіей и Персіей.—*Аванистанъ.*—Новый эмиръ и старая политика.
Г. М.—Каракозовъ. 119

- XIII. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. Beitrage zur Volks-und Völker kunde. VII Band. Anthologie aus der asiatischen Volks litteratur. Herausgegeben von A. Seidel, herausgeber der Zeitschrift für afrikanische und ozeanische Sprachen. Weimar. Verlag von Emil Feiber. — *Антонинъ.* — Grundriss der Iranischen Philologie, herausgegeben von Wilh. Geiger und Ernst Kuhn. I Band, I Abtheilung, 3 Lieferung. Strassburg. 1901.—*Антонинъ.*—„Въ Барсовой кожѣ“ (картины для сцены) по грузинской поэмѣ того-же названія Шота Руставели, составилъ Р. Кинвари. Съ портретомъ Ш. Руставели и 5-ю иллюстраціями въ текстѣ. — *А. В.*—Николай Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве.—*И. К. Мурза.*—„Время“. Арм. научно-литературный журналъ. Парижъ. № 1.—*А. Х.*—Чума, Д-ра Н. Теръ-Саакяна. Александрополь.—*А. Х.* — „Юбилейный сборникъ къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи 1801—1901“.—*.*—*А. Луговой.* „Тенета“, ром. въ 3 частяхъ.—*П. Я.*—М. С. Бетановъ. „О кавказскомъ мраморномъ ониксѣ“.—*П. Я.* 125
- XIV. СМѢСЬ. Эль-Азаръ, мусульманскій университетъ въ Египтѣ. 133
- XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЕМЬ СТАРЦЕВЪ.

(Горская легенда).

Казбекъ—страшная гора. Не было смѣльчака, который могъ-бы взобраться на его вершину. Острыя скалы и бездонныя пропасти заграждаютъ туда дорогу. Ледники, угрюмые и коварные, какъ змѣи, сползаютъ внизъ и раскрываютъ свои черныя пасти.

На вершинѣ стоятъ ясли Спасителя и шатеръ Авраама. Въ этомъ шатрѣ отдыхалъ Авраамъ, когда пасъ стада въ землѣ Ханаанской. Правда, ихъ никто не видѣлъ, такъ какъ никто не былъ наверху. Но это вѣрно,—тамъ стоятъ и ясли, и шатеръ.

Вонъ тамъ, высоко, въ вѣчныхъ снѣгахъ, около самой вершины можно увидѣть черныя щели. Если ихъ пересчитать, то насчитаешь ровно семь. Когда-то,—трудно сказать, когда это было,—тамъ жило семь старцевъ. Это были святые старцы, монахи. Тамъ они молились Богу. Внизу, въ долинѣ—шумно; и люди своими вѣчными жалобами и мелкими заботами мѣшаютъ думать о Богѣ. А наверху, тамъ только звѣзды. Онѣ не такъ болтливы, какъ люди. Молчаливо бродятъ онѣ по небу, хотя могли-бы многое поразсказать изъ того, что видѣли, больше даже, чѣмъ люди, и не жалуются онѣ, что наверху имъ холодно. Вѣдь, около нихъ небо, и онѣ все думаютъ о немъ и не обращаютъ вниманія на землю.

Старцы спокойно жили въ своихъ кельяхъ. Далеко вокругъ оворили объ ихъ святой жизни, и благочестивые богомольцы приходили отовсюду къ старцамъ, чтобы поговорить о божественномъ. Теперь не проберешься туда, а тогда не зіяли пропастей, и пройти къ старцамъ было не такъ трудно. Благочестивые богомольцы приносили старцамъ хлѣба и вина. Мяса стар-

цы, говорятъ, не ѣли, но вино любили. Всѣ старцы вообще любятъ вино.

Старцы ѣли хлѣбъ, пили вино и молились Богу. Иногда въ ущелье дѣлали набѣгъ дикіе персы и убивали мирныхъ грузинъ, а ихъ дѣвушекъ, красивыхъ и гибкихъ, какъ лани, уводили съ собой.

Старцы жили высоко и не боялись дикихъ персовъ. Въ такое время они получали меньше хлѣба и вина, и приходилось больше молиться Богу. Но старцы не роптали: на то, вѣдь, они были святые.

Внизу, въ долинѣ лежалъ аулъ Гилетъ. А въ этомъ аулѣ жила дѣвушка-красавица. Звали ее Маро. Глаза у Маро были веселые, какъ у ласточки, а губы совсѣмъ красныя, почти малиновыя. Она была веселая дѣвушка, настоящая сорви-голова. Лазила по скаламъ и ничего на свѣтѣ не боялась. Весною и лѣтомъ пасла козъ, умѣла прыгать чрезъ пропасти, пожалуй, лучше серны. Часто забиралась высоко-высоко въ горы, чтобы посмотреть, куда это прячется солнце, и нарвать цвѣтовъ: внизу, вѣдь, не растутъ такіе пахучіе синіе и бѣлые цвѣты, какъ тамъ, наверху. А то сидитъ Маро на лужку съ козами и поетъ, и тѣмъ, кто бывалъ ниже, нельзя было различить: поетъ-ли это Маро, или звенитъ колокольчикъ на козѣ.

Маро часто слышала про старцевъ, про ихъ святую жизнь, но сама старцевъ не видала.

Разъ вечеромъ, когда Маро пригнала своихъ козъ домой, она спросила у одного старика съ сѣдою длинною, какъ хвостъ, бородою, сидѣвшаго около своей сакли:

— Дѣдушка! Ты бывалъ тамъ,—у святыхъ?

— Бывалъ, моя красавица, часто бывалъ.—Надо-же подумать и о своихъ грѣхахъ.

— А тамъ хорошо, у святыхъ?

— Хорошо, милая, хорошо. Все разукрашено. Травки пахучія по стѣнамъ висятъ. Богъ любитъ старцевъ: онъ имъ далъ и солнечный лучъ.

— Солнечный лучъ, дѣдушка? Какой такой солнечный лучъ? А я не слышала. Расскажи, милый дѣдушка.

— Какъ же ты не знаешь... Они живутъ въ пещерахъ, пещеры—то эти глубокія, а входъ въ нихъ узенькій, и туда никогда не заглядываетъ солнце, потому имъ было бы темно да днемъ. Вотъ старцы и вымолили у Бога, чтобы Онъ послалъ имъ солнечный лучъ. Въ каждой пещерѣ,—а пещеръ то всего семь

есть по селнечному лучу, а отъ него свѣтло бываетъ и днемъ и ночью.

— Ахъ, какъ это забавно, дѣдушка. Надо къ нимъ сходить, посмотрѣть.

— Тебѣ нельзя, козочка.

— Отчего нельзя? Тебѣ можно, а мнѣ нельзя?

— Тебя старцы не пустятъ.

— Отчего же они не пустятъ? Развѣ они такіе злые.

— Нѣтъ, они святые. Оттого они никогда не пускаютъ къ себѣ молоденькихъ дѣвушекъ.

— Даже если онѣ умѣютъ такъ пѣть и плясать, какъ я?

— Такихъ-то они больше всего и боятся.

— Дѣдушка, чего же они боятся,—вѣдь я не кусаюсь?

— Глупенькая! Они увидятъ тебя, и у нихъ могутъ родиться грѣшныя мысли.

— Какъ смѣшно, какъ смѣшно! И это всегда приходятъ старцамъ грѣшныя мысли, когда они видятъ молоденькихъ дѣвушекъ?.. Ты, дѣдушка, сейчасъ тоже грѣшное думаешь?

Но старикъ притворился, что не слышитъ Маро, всталъ и началъ шептать молитву. Маро вскочила и, какъ птичка, вползнула къ себѣ въ саклю.

Всѣ дѣвушки красивы и любопытны, но Маро была красивѣе и любопытнѣе ихъ всѣхъ. Она забыла о снѣ и ѣдѣ, все мечтала побывать въ пещерахъ у старцевъ, посмотрѣть на солнечный лучъ и узнать: правду ли сказали старикъ съ длинной, какъ хвостъ, бородой, что у святыхъ могутъ быть на умѣ грѣшныя мысли. Когда она говорила другимъ, что хочетъ пойти къ старцамъ, то всѣ смѣялись и утверждали, что старцы ее прогонятъ. Звала она съ собой дѣвушекъ, но онѣ тоже смѣялись надъ нею.

— Что это ты, Маро, выдумала итти къ старикамъ? Развѣ тебѣ скучно съ нашими лихими джигитами? Да святые все равно тебя и не пустятъ къ себѣ.

Тогда Маро надумала пойти одна.

Пришла Троица. На лугахъ вездѣ пораспустились лиліи, азаліи и колокольчики. Въ стадахъ у каждой овечки уже были маленькіе ягнята. Въ аулахъ дѣвушки и юноши собирались веррами на поляны, плели вѣнки, пѣли, убѣгали за кусты и тамъ ювались. Играли свадьбы. Ласточки таскали червячковъ възда своимъ голымъ птенчикамъ. Всѣ смѣялись, любились. Только у семи старцевъ не было грѣшныхъ мыслей на умѣ.

Подъ самую Троицу отправилась Маро къ вершинѣ. Далекъ

ко было до пещеръ, но Маро привыкла лазить по горамъ. Она хотѣла притти туда ночью, потому что ночью интереснѣе видѣть солнечный лучъ.

Стало уже совсѣмъ темно, а до пещеръ было еще далеко. Нужно было лѣзть по скаламъ. А ничего не видно. Маро исцарапала свои бѣленькія ручки; съ ея хорошенькихъ глазокъ по временамъ капали свѣтлыя слезинки а сердце трепетало, какъ пойманная маленькая птичка. Она жалѣла уже, что пошла къ этимъ противнымъ старцамъ, но назадъ возвращаться было темно и еще опаснѣй.

Наконецъ, видить она впереди, что-то свѣтится. Подошла ближе,—оказывается, это кельи святыхъ. Вотъ темныя пещеры. Входъ въ нихъ снизу чѣмъ-то закрытъ, а сверху, изъ-подъ свода, пробивается свѣтъ.

Вотъ Маро подходитъ къ первой пещерѣ и стучится въ дверь. Слышитъ она оттуда сладкій голосъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Что за грѣшникъ стучится тамъ въ такую позднюю пору?

— Это я—Маро, пастушка изъ аула Гилеть. Я устала. Пусти меня къ себѣ въ пещеру, святой дѣдушка, отдохнуть.

— Спаси Господи и помилуй насъ грѣшныхъ. Иди себѣ, грѣшница, дальше. Да минуешь насъ искушеніе твое, Господи.

— Пусти, святой.

— Ты развѣ не знаешь, что святые не могутъ впускать къ себѣ дѣвушки? Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Тогда Маро подошла къ другой пещерѣ и постучалась.

— Святой старецъ, пусти меня къ себѣ отдохнуть. У меня болятъ ноги. Я поцарапала себѣ руки о скалы... Я—Маро, изъ аула Гилеть.

— А сколько тебѣ лѣтъ, благочестивая Маро?

— 16, старичокъ.

— О-о! Такъ иди себѣ дальше. Я не могу тебя впустить. Да будетъ благословено имя Господне!

Маро пошла къ третьей пещерѣ и опять постучалась.

— Отвори свою келью, старецъ. Мнѣ страшно стоять здѣсь одной. Тамъ два злыхъ дѣда не хотѣли впустить меня къ себѣ. Они злые и говорятъ, что не отворятъ дверей молоденькимъ дѣвушкамъ.

— Если ты молоденькая дѣвушка, то и я не могу впустить тебя въ сіе обиталище воздержанія и святости.

Маро заплакала и пошла къ четвертой пещерѣ.

— Кто тамъ плачетъ у моихъ дверей и прерываетъ теченіе моихъ святыхъ молитвъ?

— Это я—пастушка. Пусти меня къ себѣ. Я принесу тебѣ дѣдушка, за это завтра цвѣтовъ.

— Мы не приедемъ дара цвѣтами. Удались отъ моей кельи и не прерывай моихъ молитвъ.

Маро заплакала еще горше и пошла къ пятой пещерѣ.

— Святой старецъ! Неужели и ты непустишь меня къ себѣ?

— А ты молода?

— Мнѣ 16 лѣтъ.

— Я не могу впустить тебя.

— Я принесу тебѣ завтра козленка.

— Всякое даваніе благо. Только пошли козленка съ братомъ, а сама да не преступишь черезъ порогъ кельи святого.

Поплакала—поплакала Маро и пошла къ шестой пещерѣ.

— Благочестивый старецъ! Впусти во имя Господне къ себѣ въ свою святую келью бѣдную старушку, больную.

— Я слышу голосъ звонкій и чистый. Такъ не говорятъ старухи. Какъ могъ врагъ человѣческаго рода вложить тебѣ въ сердце мысль обмануть святого, который бесѣдуетъ съ самимъ Богомъ!

Долго сидѣла Маро около этой пещеры и плакала, но старецъ не впустилъ ее. Осталась всего одна келья; Маро думала цѣлый часъ, какъ упросить седьмого старца отворить ей дверь. Потомъ подошла, постучалась и сказала веселымъ голосомъ:

— Эй, хозяинъ. Пусти меня къ себѣ переночевать.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его! Кто это нарушаетъ ночную тишину?

— Это я—Маро, пастушка.

— Мы не пускаемъ къ себѣ дѣвушекъ.

— Пусти. У меня, всѣ говорятъ, веселые глаза и бѣлые зубы. Я умѣю звонко смѣяться.

— Маро, ты знаешь, святые должны бѣжать отъ искушеній.

— Я буду пѣть и плясать. Я пропляшу лезгинку.

— Но, вѣдь, если я введу тебя, то грѣшныя мысли родятся въ моемъ умѣ.

— Ни у одной дѣвушки въ аулѣ Гилетъ нѣтъ такой тонкой талии, какъ у меня. Пусти меня.

— Не проси, не искушай меня, Маро.

— Я поцѣлую тебя.

— Да проститъ Господь мою слабость и прегрѣшеніе!

Но какъ только старецъ отворилъ дверь и увидѣлъ прелестную Маро, тотчасъ же грѣшная мысль родилась въ мысляхъ его. И въ то же мгновеніе солнечный лучъ погасъ во всѣхъ кельяхъ старцевъ.

Маро забила въ уголъ и посмѣивалась. А утромъ, какъ только стало свѣтло, она выпрыгнула изъ пещеры и легкой серной побѣжала внизъ, въ свой аулъ, и всю дорогу пѣла, какъ жаворонокъ.

А старцы сидѣли въ темныхъ пещерахъ и плакали и молили Бога вернуть имъ солнечный свѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ погасъ въ пещерахъ солнечный лучъ, богомольцы почти перестали приходить къ старцамъ, и у нихъ мало было пищи. Они часто голодали и все просили Бога простить ихъ.

Когда умеръ старшій старецъ, Богъ простилъ его, обратилъ въ звѣзду и помѣстилъ на небо; со вторымъ онъ сдѣлалъ то же самое; потомъ съ третьимъ, и такъ со всѣми старцами.

Всѣ они блестятъ звѣздами на небѣ, всѣ семь, и всѣ вмѣстѣ. Если ночью посмотришь на сѣверъ, то всегда тамъ увидишь на небѣ „Семь монаховъ“.

А Маро? Можетъ быть, это сама свѣтлая луна? Пожалуй, что и такъ.

А. Яценко.

ВСЕГО СЕБЯ.

(Р а з с к а з ъ).

Господь не наложитъ на васъ бремени, котораго вынести не сможете. Если ослабѣете, призовите на помощь терпѣніе и имя Бога: Онъ дастъ вамъ силу и побѣду.

Коранъ. Глав. II, ст. 42.

Г л а в а I.

Огненный дискъ солнца только что исчезъ за горами; еще вершины ихъ были ярко освѣщены послѣдними лучами, а внизу, въ узкихъ ущельяхъ и горныхъ долинахъ уже лежала тѣнь. Потянуло прохладнымъ вѣтеркомъ, но и онъ мало освѣжалъ воздухъ: горячее солнце въ долгій лѣтній день накалило скалистые склоны горъ, каменные стѣны домовъ лезгинскаго аула, самую почву; каждый камень, каждый обломокъ скалы и все это отдавало теперь свое тепло окружающему воздуху, и, казалось, самый вѣтеръ, несущій прохладу съ снѣговыхъ вершинъ, становился теплымъ. Душно, жарко! Но эта жара, повидимому, мало дѣйствовала на двухъ молодыхъ дѣвушекъ, пріютившихся на камняхъ, недалеко отъ аула, около горнаго потока, образующаго въ этомъ мѣстѣ небольшой водопадъ, свергающійся съ отвѣсной скалы на слѣдующій уступъ, и оттуда уже безпрепятственно несущійся по выбитому водой, крутому ложу, внизъ, въ узкую долину, гдѣ онъ смѣшивалъ свою прозрачную воду съ бурными волнами одной изъ безчисленныхъ Койсу Нагорнаго Дагестана.

Одна изъ дѣвушекъ, блѣдная брюнетка съ серьезнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, одѣтая въ бѣлое простое платье, сидѣла, прислонившись головою къ скалѣ, уронивъ руки на колѣни, и задумчиво смотрѣла вдаль; другая, моложе, съ золотистыми косами и сѣрыми, живыми глазами, въ живописномъ лезгинскомъ костюмѣ, матеріалъ и покрой котораго указывалъ на богатство и родовитость, сидѣла у ногъ подруги и, положивъ голову на ея колѣни, смотрѣла вверхъ на темно-синее, безъ единого облачка, небо.

Дѣвушки недавно только спустились съ горы и отдыхали отъ дальней прогулки, изрѣдка перебрасываясь словами; говорили онѣ по-лезгински, да и типъ лица обѣихъ выдавалъ ихъ чисто лезгинское происхожденіе, хотя одна изъ нихъ и носила европейское платье.

— Посмотри, Кумсіа,—вскричала вдругъ, послѣ долгаго молчанія, младшая,—смотри: орелъ! Какъ онъ неподвиженъ, точно стоитъ въ воздухѣ.

Кумсіа взглянула наверхъ, на крылатога хищника.

— Добычу высматриваетъ,—лѣниво проговорила она.

— Желала-бы я быть орломъ, или ласточкой, или другой какой-нибудь птицей,—мечтательно сказала блондинка, — полетѣть-бы, посмотрѣть, что дѣлается за нашими горами, въ другихъ странахъ. Счастливая ты!—вздохнула она.

— Я! О, Астанэтъ! Въ чемъ же мое счастье?

— Ты была вездѣ, и въ Россіи, и тамъ далеко, — указала она неопредѣленно рукой,—а я—нигдѣ не была; въ Шурѣ; и то одинъ разъ, совсѣмъ маленькой, не помню даже. Ничего не видала, ничего не знаю. А ты жила въ Петербургѣ!

— Развѣ въ этомъ счастье?—улыбнулась Кумсіа.

— Конечно,—убѣжденно отвѣчала Астанэтъ,—тамъ много хорошаго: дворцы, большія лавки и все! Много, много!.... Смотри,—перебила она сама себя,—смотри! Орелъ летитъ сюда, спускается.

Обѣ дѣвушки замолки, наблюдая полетъ орла. Вдругъ гдѣ-то близко грянулъ выстрѣлъ; хищникъ какъ-то вздрогнулъ въ своей воздушной выси и камнемъ полетѣлъ внизъ, въ ту бездну, куда свергался горный потокъ.

Эхо гулко повторило звукъ выстрѣла. Обѣ дѣвушки вскрикнули отъ неожиданности и вскочили на ноги.

Сзади нихъ раздался смѣхъ и изъ-за поворота тропинки появился молодой человѣкъ въ сѣрой черкескѣ, въ сѣрой же, сдвинутой на затылокъ, папахѣ, изъ-подъ которой выби-

вались на лобъ темные кудри; въ рукахъ у него было ружье.

— Гирейка, противный! Какъ ты испугалъ насъ!—закричала Кумсія на стрѣлка, котораго, по сходству съ ней, не трудно было признать за ея брата.

— Али-Гирей, зачѣмъ ты *) убилъ орла! Жалко-о,—протянула Астанэтъ.

— Жалко-о,—передразнилъ ее молодой горецъ,—за то и мой, и твой отецъ меня благодарятъ: не мало барановъ таскаютъ у нихъ эти красавцы. Ну, пойдемъ домой,—прибавилъ онъ, беря сестру за руку,—сейчасъ стемнѣетъ.

— Я не пойду къ вамъ; я домой пойду,—объявила Астанэтъ.

— Отчего? Пойдемъ съ нами, у меня и ночевать будешь,—возразила Кумсія.

Астанэтъ отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ, отецъ велѣлъ приходить къ вечеру.

— А я знаю, отчего вы хотите итти непременно домой,—проговорилъ Али-Гирей по-русски, лукаво улыбаясь.

— Отецъ велѣлъ,—повторила Астанэтъ по-лезгински.

— Нѣтъ, нѣтъ! тутъ другая причина.

— Какая, какая причина?

— Отвѣчайте мнѣ по-русски, вѣдь вы умѣете; тогда скажу...

— Немного умѣю, стыдно...—возразила Астанэтъ по-русски, старательно выговаривая плохо дававшіеся ей звуки чуждаго языка,—почему домой хочу? Почему?

— У вашего отца гость.

— Гость? Не знаю. Кто-же?

— Не знаете? Будто? Такъ и быть, скажу: Амиръ-Адамъ, сынъ кадія.

— Фу! Гадкій, маленькій! Не люблю!—и не найдя русскихъ словъ для выраженія своего отвращенія, Астанэтъ перешла на родной языкъ,—рыжій, противный, нось на сторону!

— Ну, это неправда,—смѣялся Али-Гирей,—нось у него прямой и онъ самъ совсѣмъ не маленькій, да и офицеръ! Выйдете за него замужъ, онъ и повезетъ васъ въ Петербургъ, куда вамъ такъ хочется.

— Не хочу, не хочу! И Петербурга не хочу. Прощай, Кумсія, завтра приду. Прощай, Али-Гирей!

Она быстро поцѣловала Кумсію, кивнула головой Али-Ги-

*) Въ лезгинскомъ языкѣ „вы“, при обращеніи къ одну лицу — не употребляется.

рею и помчалась бѣгомъ по направленію аула; только бѣлые, широкіе рукава рубашки развѣвались, да красный платочекъ на головѣ мелькалъ между скалами.

Братъ и сестра стали подниматься на пригорокъ къ большому дому, стоящему нѣсколько въ сторонѣ отъ аула.

— Зачѣмъ ты опять дразнишь Астанэтъ Амиръ-Адамомъ? — сказала дѣвушка. — Она его терпѣть не можетъ.

— Такъ себѣ! Да Амиръ-Адамъ, кажется, вовсе и не у нихъ.

— Такъ себѣ! — съ упрекомъ возразила Кумсія, — дѣлать непріятности такъ себѣ. Странное удовольствіе.

— Что за вздоръ! Какая тутъ можетъ быть непріятность?

— Очень большая! Вѣдь Астанэтъ все принимаетъ за чистую монету. Гирей, ты слишкомъ долго жилъ въ другомъ обществѣ и позабылъ наши нравы и понятія.

Али-Гирей разсмѣялся.

— О, моя строгая сестрица! — воскликнулъ онъ, — ты, кажется, тоже выросла въ другихъ понятіяхъ и не въ обществѣ нашихъ одно-аульцевъ.

— Я ужъ почти годъ живу здѣсь.

— И этотъ годъ не послужилъ тебѣ на пользу, — серьезно проговорилъ Али-Гирей, нагибаясь заглянуть въ глаза сестрѣ, — ты похудѣла и поблѣднѣла такъ, что тебя узнать нельзя. Скажешь-ли ты мнѣ, наконецъ, что съ тобой.

— Ровно ничего, — отвѣтила Кумсія, отворачиваясь отъ его пытливаго взгляда, — я тебѣ уже говорила. Вѣроятно, слишкомъ разсѣянная жизнь мнѣ не въ прокъ: заграничная поѣздка съ массой впечатлѣній, потомъ зима въ Петербургѣ со всякими удовольствіями: балами, вечерами, театрами утомили меня.

— На столько, что въ цѣлый годъ тихой жизни здѣсь ты не отдохнула? Странно, — покачалъ онъ недовѣрчиво головой.

— Идемъ скорѣе, — перебила его сестра, — дома, навѣрное, уже поданъ самоваръ и папа ждетъ чаю.

Она опередила брата, быстро вбѣжала по тропинкѣ въ ворота дома и вошла на широкій балконъ, гдѣ у накрытаго къ чаю стола, сидѣлъ, съ газетой въ рукахъ, Мехти-Измаилъ Уладдаевъ, отецъ молодыхъ людей, прослужившій тридцать сличкомъ лѣтъ въ рядахъ русской арміи и недавно, по выходѣ въ отставку, поселившійся на родинѣ. Ему было уже далеко: пятьдесятъ, но на видъ онъ былъ моложе: въ черныхъ волосахъ, такихъ же густыхъ и вившихся крупными кудрями, как и у сына, только кое-гдѣ проглядывали серебряныя нити, а те

ные глаза смотрѣли почти также молодо, какъ и у дѣтей его.

— А Астанэтъ не съ вами?—спросилъ старикъ у дочери, принявшей хозяйничать у чайнаго стола.

— Она убѣжала домой.

Али-Гирей прошелъ въ комнаты, оставилъ тамъ ружье и, вернувшись, занялъ свое мѣсто.

— Какъ ты находишь Астанэтъ?—спросилъ его отецъ,—не правда-ли, она прехорошенькая.

— Да,—равнодушно отвѣтилъ Али-Гирей,—она очень хороша за послѣдніе два года, какъ я не былъ здѣсь.

— И она не глупа,—сказалъ Мехти-Измаилъ, исподлобья взглядывая на сына.

— Этого не знаю,—отвѣтилъ тотъ;—она все дичится меня, хотя было время, когда я носилъ ее на рукахъ. Она еще совсѣмъ ребенокъ.

— Ну-у,—протянулъ старикъ,—ей—шестнадцать лѣтъ.

— Ровно на десять лѣтъ моложе меня!—засмѣялся Али-Гирей.—Я не могу на нее смотрѣть иначе, какъ на ребенка. Мнѣ искренно жаль, если ее скоро выдадутъ замужъ, ей еще въ куклы играть.

Отецъ ничего не отвѣтилъ и снова углубился въ чтеніе газеты, которымъ занимался до прихода молодыхъ людей.

Г л а в а II.

Время уже близилось къ полуночи, огни въ аулѣ давно погасли. Али-Гирей ходилъ по балкону, не слышно ступая въ своей мягкой туземной обуви. Онъ любилъ ходить такъ позднимъ вечеромъ, когда въ домѣ всѣ спали. Иногда онъ оставался, прислонясь къ массивному столбу, поддерживающему крышу и долго стоялъ, всматриваясь вдаль, гдѣ чуть мелькали рѣдкіе огоньки въ окнахъ домиковъ форштадта, лѣпившихся по склонамъ холма, на вершинѣ котораго высились башни крѣпости, бывшей когда-то оплотомъ русскихъ противъ безпокойныхъ сосѣдей-лезгинъ, а теперь служившей мирной сторожкой ротѣ солдатъ и полсотнѣ казаковъ.

Али-Гирей смотрѣлъ на эти огоньки, но не видѣлъ ихъ, къ не видѣлъ и темнаго звѣзднаго неба, не видѣлъ ничего ружающаго, погруженный въ свои мысли и воспоминанія, которыя неизмѣнно уносили его на сѣверъ, въ далекую Москву, гдѣ онъ провелъ пять лѣтъ университетскаго курса. Но не

университетская жизнь и товарищи вспоминались ему; едва он оставался одинъ, передъ нимъ, какъ живая, являлась свѣтло-кудрая, голубо-глазая русская дѣвушка, которой онъ отдалъ свою душу. Какъ это съ нимъ случилось, онъ и самъ не знаетъ: чувство совершенно незамѣтно опутало его и онъ созналъ это только тогда, когда борьба стала невозможной; онъ пробовалъ бороться: заставлялъ себя по недѣлямъ не бывать въ милой семьѣ; доказывалъ самъ себѣ невозможность союза съ этой дѣвушкой, союза, влекшаго за собой для него перемену религии, какъ слѣдствіе этого, разрывъ съ семьей и родиной, въ дѣви къ которой онъ былъ воспитанъ съ самаго младенчества; стыдилъ себя за недостатокъ характера; сто разъ давалъ себѣ слово быть твердымъ, но при первомъ-же взглядѣ на дорогое личико всѣ добрыя намѣренія, всѣ благоразумныя рѣшенія разлетались прахомъ и его маленькой воли хватало лишь на то, чтобы не высказать, по крайней мѣрѣ, словами, своего чувства. Такъ онъ и уѣхалъ, ничего не сказавъ ни ей, ни ея матери, но хорошо понимая, что его предложеніе не встрѣтитъ препятствія съ ихъ стороны; препятствіемъ стояла лишь воля его отца, который не могъ не возстать противъ намѣренія сына.

Когда онъ ѣхалъ сюда, то хотѣлъ сейчасъ-же, по прѣѣзѣ, объясниться съ отцомъ и зятѣмъ, что-бы изъ этого объясненія не вышло, возвратиться въ Москву и сдѣлать предложеніе любимой дѣвушкѣ.

Но вотъ уже болѣе двухъ недѣль жилъ онъ дома и все не могъ рѣшиться на разговоръ съ отцомъ. Тамъ, въ Москвѣ, это казалось такимъ легкимъ дѣломъ, тамъ онъ тѣшилъ себя мыслью, что отецъ, прожившій всю жизнь въ русскомъ обществѣ, хотя, конечно, сначала возмутится желаніемъ сына жениться на христіанкѣ, но, въ концѣ-концовъ, сдастся на его доводы и уговоры.

Теперь, когда онъ жилъ здѣсь въ постоянномъ общеніи съ отцомъ, онъ видѣлъ, что объясненіе такъ страшно трудно, что онъ малодушно откладывалъ его, назначая себѣ все новые и новые сроки, хватаясь за малѣйшій предлогъ отдалить этотъ тяжелый разговоръ. Онъ постоянно придумывалъ все болѣе и болѣе вѣскіе, какъ ему казалось, доводы для убѣжденія отца: теперь онъ думалъ все объ одномъ и томъ-же, ходя взадъ и впередъ по балкону и посматривая на освѣщенные два окна кабинета Мехти-Измаила, который, очевидно, еще не спалъ.

— Пойти теперь?—пронеслось въ головѣ Али-Гирея: онъ остановился у дверей.

Но эта рѣшимость длилась мгновение, а въ слѣдующее явилась мысль, что отецъ уже легъ и не слѣдуетъ его беспокоить.

Молодой человѣкъ вошелъ въ домъ и хотѣлъ уже направиться къ себѣ, какъ услышалъ голосъ отца, окликнувшій его.

— Гирей, это ты? Зайди ко мнѣ.

Онъ зашелъ къ отцу и засталъ его еще одѣтымъ, сидящимъ у письменнаго стола.

— Мнѣ-бы хотѣлось потолковать съ тобой, присядь. Еще не поздно,—и, подождавъ минуту, старикъ продолжалъ,—ну, Гирей, я далъ тебѣ всѣ средства для того, чтобы ты получилъ возможно лучшее образованіе; если въ этомъ образованіи есть пробѣлы, то ты самъ можешь пополнить ихъ. Пора мнѣ спросить тебя: какъ думаешь ты устроить свою жизнь?

Али-Гирей не сейчасъ отвѣчалъ; онъ почувствовалъ, что теперь самое подходящее время сказать о своемъ намѣреніи, но рѣшимости опять не хватило: онъ посмотрѣлъ въ сторону и проговорилъ:

— Не знаю; не думалъ еще объ этомъ.

Брови Мехти-Измаила слегка сдвинулись.

— Странно,—сказалъ онъ,—мы съ тобой не разъ толковали о твоей дальнѣйшей дѣятельности. Ты знаешь мои желанія, знаешь, что я всегда хотѣлъ, чтобы ты остался здѣсь, жилъ пока помѣщикомъ, впослѣдствіи могъ-бы быть избраннымъ въ народный судъ, можетъ быть,—наибомъ, но во всякомъ случаѣ своими силами и своимъ образованіемъ послужилъ-бы своему народу; мнѣ не пришлось этого сдѣлать: мое время было другое, да и обстоятельства сложились неблагоприятно, но тебя, сына моего, я готовилъ къ этой дѣятельности, какъ тебѣ извѣстно.

Али-Гирейю это, дѣйствительно, было извѣстно, а прежде, не далѣе, какъ годъ тому назадъ, онъ самъ стремился къ такой именно дѣятельности, готовился къ ней, но теперь... онъ молчалъ.

Отецъ, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Мнѣ помнится, что твои желанія были согласны съ моими и ты всегда осуждалъ нашихъ родичей, которые, добившись образованія, уходили отсюда служить на государственной или ругой службѣ, гдѣ и безъ нихъ много интеллигенціи, а здѣсь ея такъ мало.

Али-Гирей, вмѣсто отвѣта, кивнулъ утвердительно головой.

— Конечно, ты долженъ согласиться съ этимъ,—подтвер-

диль старикъ,—таково было твое всегдашнее убѣжденіе; ты строилъ даже различные планы, а теперь, точно, колеблешься. Я ждалъ, что ты самъ заговоришь; думалъ, что мнѣ придется сдерживать твою молодую энергію, но, къ моему удивленію и огорченію, ты молчишь. Я не понимаю тебя. Можетъ быть тебя заботитъ, что ты встрѣтишь недовѣріе и даже вражду: тебя, хотя и знаютъ, но все-таки считаютъ какъ бы не вполне своимъ, тѣмъ болѣе, что не только ты, но и я жилъ большею частью не здѣсь.

— Еще-бы,—поспѣшно перебилъ Али-Гирей, ухватившись за эту мысль,—для того, чтобы принести дѣйствительную пользу, надо заслужить уваженіе и полное довѣріе, а какимъ путемъ этого достигнуть?

— Для этого надо только остепениться—то есть жениться.

— Жениться!—вскричалъ молодой человѣкъ.

— Да,—съ спокойной улыбкой отвѣтилъ отецъ, — такая мысль не приходила тебѣ въ голову? А это необходимо! Женись на дочери уважаемаго человѣка, породнись съ почетными семьями и ты перестанешь быть чужимъ. — Онъ помолчалъ.— Дочь наиба Джалиль-Магомы, Астанэть, вполне подходящая невѣста для тебя. Джалиль-Магома, мой старинный другъ, уважаемый, почтенный человѣкъ, имѣетъ хорошее родство; Астанэть очень хороша собой, общается, быть красавицей, у нея кромѣ отца нѣтъ близкихъ родныхъ; это тоже не лишнее; по крайней мѣрѣ никто не будетъ вмѣшиваться въ твои семейныя дѣла. Ты называлъ Астанэть—ребенкомъ; дѣйствительно, она еще ребенокъ и хорошій ребенокъ; я, нарочно, старался, чтобы она была чаще у твоей сестры и присматривался къ ней; она совсѣмъ дѣвочка, но тѣмъ лучше для тебя: ты сдѣлаешь изъ нея все, что захочешь. Вижу, что ты пораженъ; не хочу тебя торопить отвѣтомъ, время терпитъ; подумай, но только знай, что меня очень огорчитъ твой отказъ: этотъ бракъ—мое заветное желаніе. Со стороны наиба ты не встрѣтишь препятствій: я знаю это навѣрное.

Молчать дольше было невозможно: минута, которой страшился Али-Гирей, настала и ее надо было пережить.

Молодой человѣкъ глубоко вздохнулъ, какъ бы собираясь съ силами, и сказалъ:

— Это невозможно!

— Почему?

— Я не люблю ее, отецъ.

— Пустое! Я не только не любилъ, но и не зналъ

матери, когда женился, а былъ совершенно счастливъ; потомъ и любовь пришла, любовь настолько сильная, что не только при жизни моей жены я не помыслилъ о другой женщинѣ, но и въ эти пятнадцать лѣтъ, послѣ ея смерти, для меня не существовало женщинъ, а мнѣ вѣдь не было и 40 лѣтъ, когда она умерла. Я тебѣ еще болѣе скажу; скажу то, чего никто не знаетъ: когда я женился на твоей матери, невѣстѣ, выбранной мнѣ моимъ отцомъ, то мнѣ очень нравилась другая дѣвушка и я мечтала о бракѣ съ нею.

Али-Гирей всталъ весь блѣдный.

— Въ такомъ случаѣ, отецъ, ты долженъ понять меня: мнѣ не только нравится, но я всею душою люблю другую дѣвушку. Я боролся съ моей любовью всѣми силами, но ничего не подѣлалъ: для меня нѣтъ жизни внѣ этой любви.

Мехти-Измаилъ также поблѣднѣлъ, но оставался спокоенъ, только рука его, лежавшая на столѣ, нервно дрожала.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ сдержанно понижая голосъ,—кто-же эта дѣвушка?

Али-Гирей быстрымъ движеніемъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и изъ нея фотографическую карточку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, протягивая карточку отцу.

Старикъ взялъ портретъ и сталъ разсматривать его. Съ фотографіи ему улыбалось прелестное личико въ ореолѣ свѣтлыхъ, рассыпанныхъ по плечамъ, локоновъ, съ большими наивными глазами. Но Мехти-Измаилъ только мелькомъ взглянулъ на эти великолѣпные глаза и на пухлыя губки, сложившіяся въ очаровательную улыбку: его вниманіе привлекла брошка, которой было приколото, у лѣваго плеча, кружево, драпировавшее лифъ; эта брошка въ формѣ мальтійскаго креста рельефно выдѣлялась своей бѣлизной на фонѣ черныхъ кружевъ.

Рука, державшая карточку, задрожала сильнѣе, лицо поблѣднѣло болѣе, но голосъ оставался спокойнымъ, когда старикъ обратился къ сыну:

— Ты хочешь жениться на этой дѣвушкѣ?

Али-Гирей, обманутый этимъ спокойствіемъ, горячо загорилъ:

— Я люблю ее, отецъ, люблю болѣе жизни; я не могу жить безъ нея; я чуть съ ума не сошелъ, когда она была больна; кажется, если бы она умерла, то и я не нашелъ бы въ себѣ силы жить!

— Ты говорилъ ей или ея роднымъ о своемъ желаніи?— перебилъ его отецъ.

— Нѣтъ! Я не считалъ себя вправѣ говорить объ этомъ прежде, чѣмъ не переговорю съ тобой.

Старикъ иронически усмѣхнулся:

— Очень благодаренъ за твою сыновнюю почтительность; но, прежде всего, замѣчу тебѣ, что эта дѣвушка, которую ты, Али-Гирей Уладдаевъ, намѣтилъ себѣ въ жены, а мнѣ въ не-вѣстки, носитъ странное украшеніе на своей груди.

— Украшеніе! Какое украшеніе?

Старикъ молча протянулъ сыну карточку и указаль на крестъ.

Блѣдное лицо Али-Гирея вспыхнуло яркимъ румянцемъ: онъ растерянно смотрѣлъ на брошку. Хотя не проходило дня, чтобы онъ не взглядывалъ на дорогой ему портретъ, но онъ ни разу не замѣтилъ этого украшенія; можетъ быть потому, что онъ смотрѣлъ только на ея лицо, не обращая вниманія на костюмъ.

— Полагаю, что она христіанка. Я тебя спрашиваю: она христіанка?—повысилъ голосъ старикъ, такъ какъ сынъ молчалъ:

— Да,—прошепталъ молодой человѣкъ.

— Слѣдовательно, чтобы жениться, ты долженъ креститься. Или ты уже сдѣлалъ это?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно?.. Не сказавъ тебѣ? Не получивъ твоего согласія?

Насмѣшливая полу-улыбка не сходила съ губъ старика; рука, продолжавшая машинально держать карточку, дрожала все сильнѣе и сильнѣе.

— На что тебѣ мое согласіе? Ты совершеннолѣтній. Ахъ! ты, можетъ быть, боишься, что я лишу тебя наслѣдства; успокойся: твоя часть, изъ материнскаго, давно выдѣлена и можешь ее получить хоть сейчасъ; а послѣ моей смерти, по завѣщанію, ты получишь половину всего моего имущества; измѣнять этого я не буду.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ?.. Будто я думалъ когданибудь о наслѣдствѣ, о завѣщаніи? Твои слова.....

Старикъ перебилъ его:

— Но вмѣстѣ съ половиной моего имѣнія, ты получишь и другое наслѣдство, уже нераздѣльно—одному тебѣ принадлежащее: мое проклятіе!

— Отецъ!—Али-Гирей такъ сжалъ спинку кресла, на ко-

торое опирался, что хрупкая рѣзба затрещала подъ его руками.

Мехти-Измаилъ поднялся съ своего мѣста: его напускное спокойствіе исчезло, глаза въ упоръ смотрѣвшіе на ны на горѣли, недобрымъ огнемъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, въ голосъ слышались гнѣвные, злобѣшіе тоны.

— Ты не хотѣлъ дѣлать ничего безъ моего согласія? И ты могъ, хоть одну минуту, разсчитывать на это? Ты, прожившій всю жизнь со мной, знающій меня такъ хорошо!

— Именно потому я и могъ надѣяться. Я знаю, что ты не чуждался христіанъ; между ними у тебя есть много друзей, которыхъ ты уважаешь; ты негодовалъ на фанатическія жестокости турокъ; ты самъ сражался противъ тѣхъ-же единовѣрцевъ — турокъ!

Старикъ большими шагами ходилъ по кабинету; теперь онъ остановился передъ сыномъ.

— Я офицеръ русской арміи и присягалъ моему Государю; не только противъ турокъ, которые мнѣ чужіе и которымъ я не могъ сочувствовать, но, если-бы это потребовалось, я пошелъ бы и противъ своихъ, исполняя долгъ свой. Я всегда былъ вѣренъ долгу. Какое-же отношеніе это имѣетъ къ твоему желанію? Ты поступаешь совершенно наоборотъ: забываешь свой долгъ по отношенію къ семьѣ и къ родинѣ.

— Сдѣлавшись христіаниномъ я не перестану любить ни семью, ни родину!

— Платонической любовью! Точно ты не понимаешь, что возврата сюда тебѣ уже не будетъ.

— Теперъ—да, но потомъ..... авось все забудется.

— Ты полагаешь? Напрасно! Ренегатство не забывается. По крайней мѣрѣ, *я никогда не забуду* и никогда не прощу!

— Боже мой! Точно христіане молятся не тому-же Богу? Точно я измѣнюсь, сдѣлавшись христіаниномъ!—Али-Гирей прикрылъ глаза рукой и отошелъ къ окну.

Мехти-Измаилъ, продолжавшій ходить по комнатѣ, остановился посреди ея.

— Да! измѣнишься и очень.

— Но чѣмъ-же? Тѣмъ, что я буду называться не Гиреемъ, а какъ нибудь иначе? Тѣмъ, что буду молиться не въ мусульманскомъ, а въ христіанскомъ храмѣ? Не все равно Богу—какъ и гдѣ Ему молятся!

Мехти-Измаилъ не сейчасъ отвѣтилъ; онъ еще раза два прошелся по комнатѣ и остановился въ двухъ шагахъ отъ сына.

— Я тебѣ сказалъ,—заговорилъ онъ спокойно, — никогда не забуду и не прощу. Забыть! да, я не забуду, простить... Можетъ-быть, я прошу, примирюсь, но въ одномъ то случаѣ.

— Какъ! Въ какомъ?—вскричалъ Али-Гирей; глаза его горѣлись и все лицо освѣтилось надеждой.

— Въ томъ случаѣ,—отвѣтилъ старикъ, медленно отчеканивая слова и пристально смотря на сына,—если ты мнѣ скажешь, что хорошо знаешь христіанское вѣроученіе, вздумаешь, что будешь искренне убѣжденъ, что оно лучше мусульманства. Если ты скажешь мнѣ, что и теперь ты духомъ христіанинъ, то я примирюсь съ твоимъ крещеніемъ, и даже постараюсь со-временемъ примирить съ этимъ и нашихъ родичей.

Али-Гирей опустилъ голову и нѣсколько минутъ молча грудь его тяжело вздымалась, лицо, на секунду вспыхнувшее, опять поблѣднѣло. Наконецъ, онъ взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ отца и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не могу сказать этого. Я совсѣмъ не знаю щности христіанства и никогда не думалъ вообще о религіи, только вѣрю въ Бога, но никогда мнѣ не приходила въ голову мысль: правильно-ли я вѣрю или нѣтъ? Мусульманство мнѣ сомнѣнно ближе, потому что я родился и выросъ въ его традиціяхъ, а христіанство—чуждо мнѣ. Но *что лучше*—я не знаю.

Старикъ облегченно вздохнулъ.

— Слава Богу,—сказалъ онъ, отходя,—не рѣшился сказать! Хотя въ этомъ, ты, пока еще, честный человѣкъ.

— Пока еще!—вскричалъ Али-Гирей, шагнувъ впередъ.

— Да!—холодно отвѣтилъ Мехти-Измаилъ, круто поверчиваясь и измѣняя взглядомъ сына,—пока ты еще не отрёпался отъ единоплеменниковъ. Ты сказалъ, что перемѣна религіи не измѣнитъ. Это ложь! Ты измѣнишься, потому что измѣнитъ тебя стнаго человѣка сдѣлаешься подлецомъ и негодяемъ!

Али-Гирей вздрогнулъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ отцу. Онъ шевелилъ губами, но не смогъ произнести ни звука. Горло его сжалось судорогой и кровь застучала въ вискахъ отъ оскорбительныхъ словъ.

— Тебѣ это не нравится?—безпощадной насмѣшкой звучалъ голосъ Мехти-Измаила.—Ничего! Привыкай! Не отъ меня ты рискуешь услышать тоже самое. Ренегатъ не убѣжденію—всегда безчестный человѣкъ, все равно, изъ за денегъ, корысти или любви онъ это дѣлаетъ. Вѣра—это такая бы она не была,—самое дорогое, что есть въ душѣ че

ба и кто продаетъ эту вѣру, тотъ не задумается продать и честь, и совѣсть, и чужое довѣріе. Это ты знаешь также хорошо, какъ и я. Какими бы софизмами ты не защищалъ свой погупокъ, въ глубинѣ души ты чувствуешь, что совершаешь подлость; не даромъ ты, живя столько времени здѣсь, только сегодня, и то по необходимости, заговорилъ со мной объ этомъ. У тебя нѣтъ недостатка въ рѣшительности, а на *это* ее не хватило. Да достаточно взглянуть на тебя теперь, чтобы сказать, что ты не вѣришь въ свою правоту; не съ такимъ видомъ защищать правое дѣло.

Мехти-Исмаилъ сѣлъ въ кресло и, взявъ опять брошеную на столъ карточку, машинально разсматривалъ ее.

Али-Гирей повернулся къ окну и, прижавшись пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу, безцѣльно всматривался въ темноту.

— Онъ правъ, правъ—стояло у него въ головѣ.

— Это подлость. Но что-же дѣлать, когда другого исхода нѣтъ, а я ее люблю, люблю.

Прошло болѣе получаса тяжелаго молчанія.

Вдругъ Али-Гирей вздрогнулъ, почувствовавъ на своемъ плечѣ руку отца и, быстро обернувшись, встрѣтилъ его взглядъ, полный не гнѣва, а такой тоски, такого горя, что сердце его сжалось; онъ, не отдавая себѣ отчета, схватилъ лежавшую на его плечѣ руку и прижался къ ней губами, точно прося прощенія за причиняемую имъ муку.

— Отложимъ нашъ разговоръ,—проговорилъ тихо Мехти-Исмаилъ,—поживи у меня, Гирей, еще два, три мѣсяца и не заговаривай больше объ этомъ; постарайся справиться съ собой. Ты любишь ее, но не найдешь счастья въ союзѣ съ ней; слишкомъ дорого онъ тебѣ будетъ стоить. Когда пройдетъ угаръ страсти—ты больно почувствуешь это. Ну, довольно, молчи; ни слова больше. Поживи здѣсь.

— Хорошо,—глухо отозвался Али Гирей,—я проживу до зимы, а такъ посмотримъ.

— Но только,—въ голосѣ Мехти-Исмаила опять послышались суровыя нотки,—не лъсти себя напрасной надеждой, что я уступлю; и теперь, и черезъ два мѣсяца, и черезъ два года я скажу тебѣ тоже самое: выбирай между твоимъ чувствомъ и моею не только любовью, но и моимъ уваженіемъ къ тебѣ. Такое дѣло я считаю позоромъ; на этотъ позоръ я никогда не соглашусь: мнѣ легче видѣть тебя мертвымъ.

Али-Гирей выпрямился и отвѣчалъ смѣло:

— Хорошо, отецъ, я останусь здѣсь три мѣсяца и поста-

раюсь заглушить свое чувство, а если не справлюсь, то можетъ быть рѣшусь сдѣлать такъ, чтобы тебѣ не пришлось переживать позоръ мой.

Старикъ слегка вздрогнулъ, понявъ страшный смыслъ этихъ словъ.

— Но помни,—сказалъ онъ,—что твою смерть я смогу, но не захочу переживать; у меня-то рѣшимости хватить: за это ручаюсь.

Онъ отошелъ къ столу, взялъ карточку и протянулъ сыну.

— Возьми это, Гирей, и оставь меня одного. Мнѣ тоже надо съ собой справиться: тяжело переносить все это въ мои годы, и ни твоя сестра, никто другой не долженъ знать ничего. Я не хочу этого.

Али-Гирей взялъ карточку и задержалъ руку отца въ своей.

— А пока еще ничто между нами не порвано, отецъ?—спросилъ онъ.

Старикъ сильно сжалъ руку сына и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Неужели, неужели что нибудь должно порваться? О, Гирей! Въдѣ въ тебѣ—вся жизнь моя!

Онъ вдругъ вырвалъ свою руку изъ рукъ сына,—ступай! ступай!—сказалъ онъ, отвернувшись.

Али-Гирей послушно вышелъ и невольно подумалъ: неужели онъ не ошибся, почуявъ слезы въ голосѣ отца. Никогда въ жизни онъ не видалъ его плачущимъ.

— Боже мой! Боже мой!—прошепталъ онъ, стискивая руками голову.

Г л а в а III.

Али-Гирей медленно спускался по горной тропѣ къ своему дому. Прошелъ почти мѣсяцъ послѣ его разговора съ отцомъ и отношенія между ними оставались самыми дружескими. Мехти-Измаилъ постоянно бесѣдовалъ съ сыномъ о дѣлахъ аула и, видимо, старался заинтересовать его ими; Али-Гирей охотно поддерживалъ эту тему, потому что дѣйствительно интересовался ею и съ удовольствіемъ входилъ во всѣ подробности аульской жизни. Онъ не могъ не сознавать, что мѣсто его здѣсь и что онъ могъ принести существенную хотя и незамѣтную, на первый взглядъ, пользу, борясь своимъ вліяніемъ противъ ди

кихъ суевѣрій и обычаевъ, причиняющихъ громаднѣй, зачастую непоправимѣй, вредъ населенію.

Мехти-Измаилъ пробовалъ доставлять ему также удовольствія: устроилъ у себя вечеринку, на которой офицерство и русскія дамы изъ крѣпости отплясывали до утра подъ звуки военной музыки, а въ другой разъ затѣялъ пикникъ въ небольшомъ лѣску, верстахъ въ пяти отъ аула, тоже съ музыкой, танцами и джигитовкой; но Али-Гирей, послѣ этихъ двухъ пиршествъ, рѣшительно объявилъ, что на третье онъ не пойдетъ.

Если-бы еще эти развлечения доставляли удовольствіе его сестрѣ, то онъ согласился-бы пересилить себя, стараясь быть любезнымъ и предупредительнымъ хозяиномъ, но онъ ясно видѣлъ, что Кумсіа тоже старается казаться веселой. Вообще онъ не узнавалъ своей сестры: она всегда была жизнерадостной хотуньей, готовой на всякія шалости, а теперь она только изрѣдка улыбается, а прежней веселости и помину нѣтъ. Онъ много разъ приставалъ къ ней съ разспросами, но она или отшучивалась или отвѣчала, что стала старше и прежнія шалости ей не къ лицу.

Али-Гирей не вѣрилъ, а сегодня окончательно убѣдился, что его сестра что-то скрываетъ отъ него.

Утромъ они сидѣли вдвоемъ съ Кумсіей на балконѣ, когда казакъ привезъ изъ крѣпости почту; дѣвушка взяла журналы, газеты и письмо. Али-Гирей слѣдилъ за нею и замѣтилъ, что при взглядѣ на письмо лицо Кумсіи вдругъ вспыхнуло и на немъ ясно отразилось волненіе, даже, какъ будто испугъ. Братъ не успѣлъ ее ничего спросить, потому что въ это время на балконѣ вышелъ Мехти-Измаилъ и она, отдавъ ему всю почту, быстро ушла въ комнату. Молодой человѣкъ успѣлъ разглядѣть на конвертѣ почеркъ; отецъ взялъ письмо и, нервно смявъ, сунулъ въ карманъ: очевидно, это письмо его также смутило.

Али-Гирей былъ озадаченъ. Почеркъ адреса онъ узналъ: это писала Марія Петровна Дольская, учительница и воспитательница его и сестры, прожившая у нихъ въ домѣ болѣе двѣнадцати лѣтъ, поступивъ къ нимъ еще при жизни матери; она была вдова учителя и ея сынъ, Викторъ, почти однихъ лѣтъ съ Али-Гиреемъ, учился съ нимъ въ гимназіи, гдѣ былъ пансіонеромъ. Всѣ праздники и каникулы мальчикъ проводилъ у нихъ и былъ своимъ въ ихъ домѣ. Викторъ и Али-Гирей очень дружили и оба были преданными друзьями Кумсіи, бывшей на семь лѣтъ моложе ихъ и заставлявшей ихъ продѣлывать всевозможныя шалости, за которыя неизмѣнно расплачивались ея ры-

цари, а вхохновительница оказывалась ни въ чемъ не повинной.

Затѣмъ Викторъ поступилъ въ Военное Училище, а Али-Гирей уѣхалъ въ университетъ и они разстались, но постоянно переписывались. Только года два назадъ, когда Викторъ уже сталъ офицеромъ и жилъ вмѣстѣ съ матерью въ одномъ городѣ съ Мехти-Измаиломъ, переписка оборвалась, и прекратилъ ее Викторъ, переставшій отвѣчать на письма Али-Гирея; послѣдній писалъ послѣ того Маріи Петровнѣ, но и отъ нея не получилъ отвѣта. Это было въ тотъ годъ, когда Кумсіа окончила гимназію и уѣхала съ отцомъ за границу.

Теперь Али-Гирей узналъ почеркъ своей старой воспитательницы и ломалъ себѣ голову надъ загадкой: отчего ея письмо могло взволновать Кумсію и отца.

Раздумывая объ этомъ странномъ обстоятельстве, онъ тихимъ шагомъ направился въ лѣсъ и на опушкѣ ея встрѣтилъ сестру, сидѣвшую на своемъ любимомъ мѣстѣ, около горнаго ручья.

Зоркіе глаза горца издали замѣтили слѣды слезъ на ея щекахъ; въ рукахъ она комкала носовой платокъ.

Кумсіа услышала его шаги, когда онъ уже подошелъ къ ней. Она отвернулась отъ брата и стала смотрѣть вдаль.

Али-Гирей сѣлъ около нея и, обнявъ ея плечи, заглянулъ въ лицо.

— Не прячься отъ меня,—сказалъ онъ;—я видѣлъ, что ты плакала.

— Женскія слезы—вода,—отвѣчала она ему лезгинской поговоркой,—взгрустнулось мнѣ что-то и я совершенно безпричинно расплакалась.

— Это неправда; у тебя есть причина; есть что-то, что гнететъ тебя.

— О да!—засмѣялась она,—влюблена безнадежно.

— Можетъ быть, я не знаю, но только сегодня я окончательно убѣдился, что у тебя есть тайна.

— Я же и не отрицаю,—продолжала она шутить, — самая романтическая тайна: безнадежная любовь, отравленіе соперницы, и.....

— Не говори этимъ тономъ, я не поддерживу его,—перебилъ онъ серьезно,—я тебѣ повторяю: ты что-то мучительное скрываешь отъ меня и я хочу знать—что.

— Отстань, пожалуйста, тебѣ вообразилось...

— Да, мнѣ дѣйствительно вообразилось,—опять перебилъ онъ,—что сегодня тебя взволновало письмо Маріи Петровны.

Она быстро обернулась къ нему и схватила его за руку.

— Тебѣ отецъ показывалъ это письмо? Ты читалъ его?

— Можетъ быть! А тебѣ развѣ это такъ интересно?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Гирей! Голубчикъ! Милый мой! Скажи, что она пишетъ; ради Бога, скажи!

— Я не знаю, Кумсія; я не читалъ....

— Ты сейчасъ сказалъ...

— Даю тебѣ слово, что я не видалъ письма, но я узналъ почеркъ на конвертѣ и видѣлъ твое волненіе.

Онъ крѣпче обнялъ ее одною рукою, а другою тихо сжалъ ея руку.

— Кумсія, вѣдь я братъ твой и лучший другъ. Помнишь, я тебѣ не разъ рассказывалъ, что наша мать передъ смертью просила меня заботиться о твоёмъ счастьи и беречь тебя; я тогда былъ мальчишкой, но серьезно клялся ей, что исполню просьбу. Какъ я могу это исполнить, какъ я могу беречь тебя, когда ты скрываешься и тайшь отъ меня свое горе. Оно есть. Открой мнѣ его и, можетъ быть, я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, не можетъ быть,—покачала Кумсія головой,—если бы я питала надежду, то давно сказала-бы тебѣ.

— Но что-же съ тобой, Кумсія? Что?

Слезы покатались по щекамъ дѣвушки.

— И какое отношеніе имѣетъ къ этому Марія Петровна?—продолжалъ онъ.

— Она—его мать,—прошептала Кумсія.

— Мать? Чья мать?

— Его, Виктор! О, Гирей,—она зарыдала, прижавшись лицомъ къ плечу брата.

Гирей поблѣднѣлъ: смутная догадка о чемъ-то ужасномъ, непоправимомъ, чему причиной былъ Викторъ, мелькнула въ его головѣ.

— Ты любишь Виктор! Кумсія?

— Да, да,—сквозь слезы прошептала дѣвушка,—и онъ меня.... Два года... Больше... Онъ упрашивалъ папу... Я... я тоже.... Онъ не соглашается... Никогда не согласится...—и она зарыдала.

Али-Гирей не спрашивалъ больше. Онъ тихо гладилъ руки сестры и далъ ей выплакаться, а самъ думалъ:

— Опять этотъ проклятый вопросъ. Пропастъ, черезъ которую такъ трудно перешагнуть.

Рыданія Кумсии наконецъ стихли и она подняла заплаканные глаза на брата.

— Ты молчишь, Гирей? О, какъ я хорошо знала, что въ *этомъ* ты не захочешь помочь мнѣ.

— Не захочу?—съ удивленіемъ переспросилъ онъ.

— Ты же понимаешь, почему папа не соглашается?

— Конечно: Викторъ—христіанинъ.

— А ты это не считаешь препятствіемъ?

— Я? Господи! Неужели ты могла думать, что я такой фанатикъ?

— Тутъ не фанатизмъ, Гирей; вѣдь есть что-то такое, очень непорядочное, въ перемѣнѣ вѣры, а это должно быть тебѣ особенно противно.

— Что же дѣлать, если нельзя иначе,—отвѣтилъ Али-Гирей, смотря куда-то въ сторону и чувствуя, что краска смущенія заливаешь его лицо; къ счастью для него сестра не поднимала глазъ, вертя въ рукахъ газыръ, который она выдернула изъ его черкески.

Г л а в а IV.

Кумсія рассказала брату всю исторію своей любви: Викторъ сдѣлалъ ей предложеніе, какъ только она окончила курсъ; Мехти-Измаилъ сейчасъ-же увезъ дочь за границу, а потомъ въ Петербургъ и не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ, чтобы доставлять дочери всевозможныя удовольствія.

Болѣе года она не только не видала Виктора, но и не слыхала ничего о немъ; прошлымъ лѣтомъ онъ разыскалъ ее на дачѣ, въ Финляндіи, гдѣ она гостила у знакомыхъ, и при встрѣчѣ имъ обоимъ показалось, что годовой разлуки точно и не было. Затѣмъ отецъ увезъ ее сюда и опять прошелъ почти годъ, какъ они не видѣлись, но она все не можетъ забыть его.

Али-Гирей понялъ, что ея любовь не мимолетное чувство, а глубокая привязанность и далъ слово сестрѣ, какъ можно скорѣе, можетъ быть даже сегодня, склонить отца къ ея браку; тѣхъ колебаній, которыя онъ переживалъ, когда собирался говорить о себѣ, онъ не испытывалъ: тогда онъ защищалъ только *свое* счастье, а теперь дѣло шло о счастья сестры, о которой онъ клялся заботиться матери.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, Мехти-Измаилъ, видимо разстроенный и не проронившій за обѣдомъ ни одного слова, позвалъ къ себѣ сына.

— Запри дверь,—отрывисто приказалъ Мехти-Измаилъ, когда сынъ вошелъ въ комнату отца.

Али-Гирей заперъ дверь и, пододвинувъ себѣ стулъ, сѣлъ противъ отца у письменнаго стола, терпѣливо ожидая, когда тотъ заговорить.

— Ты переписываешься съ Дольскимъ? — спросилъ старикъ.

— Съ Викторомъ? Нѣтъ, уже давно, года два,—отвѣтилъ Али-Гирей.

— А Кумсіа тебѣ ничего не говорила?

— О ихъ взаимной любви? Говорила, сегодня утромъ.

— Только сегодня?

— Да. Я давно приставалъ къ ней съ разспросами, замѣтивъ сильную перемѣну въ сестрѣ, но только сегодня, заставъ ее въ слезахъ, добился ея признанія.

Мехти-Измаилъ вынулъ изъ-подъ бумагъ письмо и подалъ его сыну.

— Прочти.

„Многоуважаемый Мехти-Измаилъ!“ — прочелъ Али-Гирей, — „Мой сынъ дѣлаетъ безуміе, которому я, конечно, не сочувствую: онъ перевелся въ Ваши края и будетъ жить, вѣроятно, вблизи Васъ. Я узнала объ этомъ слишкомъ поздно, чтобы помѣшать. Считаю долгомъ увѣдомить Васъ объ этомъ для того, чтобы Вы могли принять мѣры, которыя найдете нужными, для огражденія Вашей дочери.

Съ искреннимъ уваженіемъ

Марія Дольская“.

„P. S. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить Вамъ, что отъ души сожалью Кумсію, которую деспотизмъ и невѣжество дѣлаютъ несчастною“.

Али-Гирей не могъ не улыбнуться, прочитавъ этотъ любезный Post-scriptum, вслѣдъ за „искреннимъ уваженіемъ“. Онъ узнавалъ въ этомъ свою старую воспитательницу: и „уваженіе“, и „невѣжество“ были совершенно искренни; въ этомъ короткомъ письмѣ вылилась вся она: честная до педантизма, правдивая до рѣзкости; она признавала за Мехти-Измаиломъ право оградить свою дочь отъ искательства ея сына, не считала возможнымъ скрыть отъ него поступокъ сына, направленный противъ него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „не могла отказать себѣ въ удовольствіи“ высказать свой взглядъ на дѣйствія того-же Мехти-Измаила, котораго она дѣйствительно „искренно уважала“. Иначе бы она и не прожила у него 12 лѣтъ, чуть не ежедневно ссорясь съ нимъ

и ревниво оберегая дѣтей его, въ воспитаніе которыхъ вложила свою душу.

— Я узналъ: онъ здѣсь, въ крѣпости, со вчерашняго дня, — сказалъ старикъ, когда Али-Гирей положилъ на столъ письмо. — Навѣрное твое мнѣніе обо всемъ этомъ сходится съ мнѣніемъ Маріи Петровны, — съ горькой усмѣшкой закончилъ онъ.

— Мое мнѣніе, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть приятно тебѣ, — тихо отвѣтилъ Али-Гирей.

— О, я не сомнѣвался! *Теперь* болѣе, чѣмъ когда-либо, ты на ихъ сторонѣ.

— Теперь или прежде — безразлично — отвѣтилъ сынъ, понявъ намекъ, — твое согласіе на замужество сестры, еслибы ты далъ его, ни въ чемъ не можетъ измѣнить моего положенія и не можетъ мнѣ дать никакихъ надеждъ. Я, принявъ христіанство, долженъ отказаться отъ родины и отъ своего народа, въ глазахъ котораго я перестану быть даже человѣкомъ; еслибы, послѣ моего крещенія, я осмѣлился явиться сюда, то меня бы затравили, какъ собаку, а Кумсіа — дѣвушка и для нея крещеніе не влечетъ за собой ничего подобнаго: она можетъ жить здѣсь со своимъ мужемъ и никто не броситъ ей въ лицо оскорбленія. Ея поступка даже и не замѣтятъ. Я вполне понимаю тебя по отношенію ко мнѣ; можетъ быть и я, на твоемъ мѣстѣ, поступилъ бы также, но твоего противодѣйствія счастью Кумсіи я не понимаю и, прости меня, не оправдываю твоихъ дѣйствій, — онъ говорилъ тихо, но твердо, совсѣмъ не тѣмъ невѣрнымъ, неубѣдительнымъ тономъ, какъ о себѣ; онъ чувствовалъ подъ собою твердую почву, чувствовалъ, что онъ правъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того — оправдываешь ли ты мои дѣйствія, или нѣтъ, — запальчиво заговорилъ Мехти-Измаилъ. — Ты потерялъ право на то, чтобы я считался съ твоими взглядами, я призвалъ тебя не для совѣтовъ. Я хочу дать тебѣ порученіе и требую, чтобы ты его исполнилъ: ты поѣдешь къ этому господину и передашь ему отъ моего имени, что если онъ не оставитъ Кумсію въ покоѣ, сдѣлаетъ хоть малѣйшую попытку свидѣться съ нею или написать ей, если онъ не постарается поскорѣе убраться отсюда, то я сейчасъ же увезу Кумсію въ самую глушь нашихъ горъ, помѣшу ее въ семьѣ кого-нибудь изъ моихъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ ее будутъ хорошо сторожить, такъ какъ я предупрежу о причинѣ. Ты отлично знаешь, каково положеніе женщины въ нашихъ архаичныхъ семьяхъ и можешь нарисовать ему убѣдительную картину того, какъ будетъ житься Кумсіи въ такой семіи.

— Ты не можешь поступить такъ,—вскричалъ Али-Гирей, —это жестоко!

— Я на все теперь способенъ! Меня вынуждаютъ къ этому. Я употреблялъ инья средства. Она уже начала забывать его. Если-бы этотъ мальчишка не появился тогда, то она была-бы теперь замужемъ за достойнымъ человѣкомъ, инженеромъ Омаровымъ; ты знаешь его?

Али-Гирей утвердительно кивнулъ головой.

— Омаровъ ей нравился,—продолжалъ старикъ,—его искренняя любовь не могла не увлечь ее, но явился Долюскій; воровски, тайно отъ меня, видѣлся съ нею—и все пропало. Уже годъ, какъ мы живемъ здѣсь, живемъ вдвоемъ и сошлись ближе, чѣмъ когда-либо. И вотъ опять онъ! Что-же мнѣ остается дѣлать?

— Только не то, что ты задумалъ. Ты самъ во всемъ винишь его, а наказываешь ее. Гдѣ-же справедливость?

— Если онъ ее дѣйствительно любитъ, то ради того, чтобы избавить ее отъ горькой участи, онъ уступить моимъ требованіямъ, а если не уступить, то она сама увидитъ, какъ эгоистично его чувство и это оттолкнетъ ее отъ него.

— Не прощали, отецъ, вмѣсто такихъ испытаній, дать ей счастье? Подожди,—остановилъ онъ жестомъ возраженіе отца, —противъ Виктора, какъ человѣка, ты ничего не можешь имѣть: онъ выросъ у насъ въ домѣ и отчасти подъ твоимъ вліяніемъ; это вліяніе отразилось на его убѣжденіяхъ—отрицать ты этого не можешь. Бракъ сестры съ нимъ тебѣ непріятенъ, но *только* непріятенъ, не больше; тѣхъ возраженій, которыя ты имѣешь противъ моихъ собственныхъ намѣреній, неумѣстны въ этомъ случаѣ. Ты употребилъ всѣ средства, чтобы помѣшать, но теперь имѣешь полное основаніе уступить.

— *Теперь* я скорѣе не уступлю, чѣмъ прежде; еще мѣсяцъ, три недѣли тому назадъ, пока я не зналъ о твоемъ намѣреніи, можетъ быть, я уступилъ-бы, но разомъ потерять васъ обоихъ, нѣтъ! Это невозможно. Я вамъ отдалъ всю свою жизнь и хоть одного изъ васъ сохранию для себя. Передъ тобой я безсиленъ, но ее я подчиню своей волѣ!

— И для этого ты собираешься ее сослать; вѣдь это ссылка, каторга.

— Пусть ссылка! Онъ мнѣ объявилъ войну, а на войнѣ сѣ средства хороши.

— Всѣ ли, отецъ? Не думаю, но увѣренъ, что воюя въ

Турцій, ты не вѣшалъ женщинъ и не сжигалъ дѣтей, предоставляя это дѣлать туркамъ.

— Довольно,—рѣзко перебилъ Мехти-Измаилъ, — этотъ разговоръ ни къ чему не приведетъ. Исполнишь-ли ты мое порученіе?

— Я поѣду и передамъ ему твои слова.

— Но *какъ* передашь?

— Передамъ честно. Комментировать твои дѣйствія, а тѣмъ болѣе осуждать ихъ, конечно не буду. Но если ты дѣйствительно исполнишь свою угрозу по отношенію къ сестрѣ, то тебѣ придется бороться со мной. Если тебѣ удастся обмануть мою бдительность и увезти сестру, то какъ бы вы ее хорошо не упрятали, я доберусь до нея и увезу, въ случаѣ надобности, даже и противъ ея собственной воли. Клянусь, что ты увидишь свою дочь только тогда, когда она будетъ, съ твоего, конечно, согласія, невѣстой Виктора.

— Да-а?—протянулъ Мехти-Измаилъ, пристально глядя на сына.

— Да,—отвѣтилъ сынъ, выдерживая взглядъ отца,—Виктора ты надѣешься побѣдить, ну а меня—едва-ли: моя воля будетъ посильнѣе и дѣйствовать я буду энергичнѣе. Вѣдь на войнѣ всѣ средства хороши,—рѣзко произнесъ Гирей, выходя изъ комнаты.

Старикъ съ усмѣшкой глядѣлъ ему вслѣдъ; ни во взглядѣ, ни въ усмѣшкѣ не проглянуло гнѣва на дерзкія слова сына; напротивъ, онъ точно любовался его смѣлостью и энергіею.

Константинъ Роговской.

(Окончаніе будетъ).

АННА САРОЯНЪ.

ЭТЮДЪ НАРЪ-ДОСА

(съ армянскаго)

(Окончаніе *).

ПИСЬМО XI.

Тифлисъ, 10-го февраля 18... г.

Милая Рипсима!

Ты упрекаешь и обвиняешь меня въ томъ, что я слишкомъ много размышляю. То же самое говорить Григоръ. Однако ты строже относишься къ моему настроенію, чѣмъ онъ, и находишь меня атеисткой, которая отрицаетъ святую вѣру въ челока, и кстати приводишь слова Гете: „величайшее счастье разумнаго человѣка — понимать извѣстное и вѣрить въ неизвѣстное“. Представляю себѣ, что было бы со мною, если-бы я жила въ средніе вѣка. Безъ сомнѣнія, меня, какъ и Гусса, сожгли бы на кострѣ. Боже упаси!—милая сестрица—Боже упаси! Не преувеличивай! Я такъ теперь разсѣянна, что никакъ не могу разобратъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Почему не войдешь ты въ мое положеніе? Зачѣмъ насмѣхаться надъ всѣми моими поступками? Я разочарована, ставъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, о которой никакого понятія не имѣла.

Наше положеніе день отъ дня ухудшается. Опишу тебѣ нашъ образъ жизни, наше житье-бытье, и тогда только поймешь ты меня.

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 10.

Если въ настоящее время ты вошла бы въ нашъ домъ и стала бы ходить по комнатамъ, и если-бы тебѣ сказали, что здѣсь живутъ Сарояны, ни за что не повѣрила бы ты этому; все показалось-бы тебѣ смѣшнымъ—вѣрнѣе—горькой шуткой. Не буду повторять тебѣ о мрачномъ помѣщеніи и другихъ неудобствахъ нашего дома (объ этомъ, кажется, я тебѣ уже писала). Теперь не увидишь больше прежнихъ изящныхъ украшеній и комфорта въ нашихъ комнатахъ. Начиная отъ рояля—моего любимаго рояля—кончая послѣднимъ кресломъ и послѣдними занавѣсами оконъ, все, рѣшительно все, продано на аукціонѣ. О поварахъ и прислугѣ говорить нечего; теперь нѣтъ у насъ ни одного служащаго, котораго можно было-бы послать хоть за чѣмъ-нибудь. Больше всего разоряютъ насъ гонорары врачей и ихъ рецепты. Уже четвертый мѣсяцъ, какъ они посѣщаютъ насъ усердно и все же перемѣны въ здоровьи отца и Григора никакой не замѣчается. Да, такъ какъ рѣчь теперь у насъ идетъ о врачахъ, то кстати напишу тебѣ вотъ что. Недавно врачъ папы Х. (ты кажется знаешь этого господина) сказалъ намъ, что отцу ничто ужъ не поможетъ.—„Если хотите—говорить онъ—я пропишу ему такое лѣкарство, которое сразу опредѣлитъ его положеніе“. Понимаешь-ли ты, милая сестрица, что именно хотѣлъ онъ этимъ сказать?—т. е. жизнь вашего отца въ моихъ рукахъ, если хотите я его убью... Я такъ была удивлена и поражена его словами, что не знала, что отвѣтить ему. Совершенно потерявъ все свое хладнокровіе, я готова была дать ему пощечину,—и дала бы—если-бы онъ, догадавшись, во-время не отошелъ отъ меня. Вслѣдъ ему закричала я, чтобы его ноги больше не было въ нашемъ домѣ. Когда онъ ушелъ, я горько заплакала, такъ сильно оскорблены были мои святѣйшія чувства. Представь себѣ, въ дѣло убійства отца хотѣли вовлечь родную дочь его! Какъ подумаю объ этомъ, волосы дыбомъ становятся у меня и дрожу я всѣмъ тѣломъ, точно преступница... Боже мой! Неужели всѣ врачи такъ легко относятся къ жизни своихъ пациентовъ? Неужели они способны на подобныя вещи?... Они, призваніе и прямая обязанность которыхъ оказать больнымъ помощь и какъ-бы имъ дать новую жизнь, наоборотъ стараются вырвать ее у нихъ. Почему это? Потому что большинство врачей ровно ничего не понимаетъ въ медицинѣ, признавая это они все-же не отказываются лѣчить. Да, у разбойника, челоуѣ коубійцы совѣсть чище, чѣмъ у нихъ.

Мои оба брата, Аршакъ и Гарегинъ, безъ всякихъ занятій и тяжелымъ ярмомъ гнетутъ нашу шею. Только и знаютъ

что цѣлыми днями сидятъ дома и дармоѣдничаютъ. Аршака изъ-за пьянство никуда больше не принимаютъ, а Гарегинъ самъ никакимъ дѣломъ заняться не хочетъ. Несмотря на всѣ наши увѣщанія, мольбы и порицанія, ни Аршакъ своего пьянства, ни Гарегинъ своей лѣности оставить не думаютъ. Ахъ, отецъ, отецъ! Зачѣмъ причинилъ ты намъ столько бѣдъ и горя?... Когда онъ былъ здоровъ, всѣ мы любили и боялись его. Въ подобныхъ случаяхъ, оставляя свои остроты и шутку, говорилъ онъ съ нами серьезно и читалъ наставленія. Во избѣжаніе его порицаній, мы старались себя сдерживать во всемъ и ничего плохого не дѣлать. Могли развѣ Григоръ, я или Гарегинъ, хотя-бы разъ, безъ основательной причины, не пойти въ школу? Позволилъ-бы себѣ Аршакъ въ его присутствіи выпить лишнюю рюмку за обѣдомъ? А теперь, нѣтъ ужъ больше у насъ отца, навѣкъ утихли его упреки и наставленія, да, навѣкъ, „что было, того не будетъ вновь“—прошедшаго не воротишь. Горе тому, у кого нѣтъ главы въ семьѣ.

Братья мои, въ такое несчастное для насъ время, сидятъ безъ всякаго занятія, и это очень мучить насъ, особенно Григора. Сколько-бы онъ ихъ ни бранилъ, ни порицалъ, они на это никакого вниманія не обращаютъ; меня и маму также не слушаютъ, когда начинаемъ бранить, увѣщевать и просить ихъ, чтобы они взялись хоть за какое-нибудь дѣло.

Вчера, когда вошла я въ комнату Григора, его тамъ не оказалось, но изъ сосѣдней комнаты слышенъ былъ его голосъ онъ говорилъ съ Аршакомъ и Гарегиномъ.

— ... Неужели у васъ нѣтъ стыда и совѣсти?—говорилъ онъ.—До какихъ поръ думаете вы такъ бездѣльничать?... Вѣдь вы сами видите каково наше житіе, наступить день, тогда и куска хлѣба не будетъ... Хотя-бы для своего существованія поработали вы... И на что вы надѣетесь?...

— Не бойся, на свѣтѣ никто не умираетъ съ голоду—услышала я голосъ старшаго брата, который сталъ зѣвать.

— Безстыдники!—замѣтилъ Григоръ... Неужели ты склоненъ протягивать руку и просить милостыню?.. да?..

— Ну, долго-ли ты еще будешь надоедать мнѣ?—сердито закричалъ Аршакъ—если очень заботишься объ отцѣ, о матери, о сестрѣ, то самъ можешь работать.

Наступила небольшая пауза, затѣмъ раздался сухой кашель Григора.

Вѣдь ты и не подумаешь о томъ, что если-бы я хоть немного—а не такъ, какъ ты,—былъ здоровъ, то не дошло-бы

до того, что ты напомнилъ мнѣ о моей обязанности—спокойно отвѣтилъ онъ, когда пересталъ кашлять.—Но къ несчастью, да, къ несчастью, долженъ я поневолѣ выслушивать отъ тебя подобныя слова, какъ-бы тяжелы онѣ для меня не были.

— Пусть сестра твоя зарабатываетъ.

— Для тебя?—тотчасъ-же закричалъ Григоръ, и такимъ тономъ, въ которомъ замѣтно было, что онъ никогда не ожидалъ услышать отъ Аршака подобныхъ вещей.

Спустя нѣкоторое время я услышала, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, вошелъ въ свою комнату, сердито захлопнулъ за собою дверь, заперся на ключъ. Я, какъ статуя, стояла среди комнаты и не знала, что со мною происходитъ; слова старшаго брата: „пустъ сестра твоя зарабатываетъ“ оказали на меня сильное вліяніе.

— Анна!—удивленно и нѣсколько смутившись произнесъ онъ—внезапно увидѣвъ меня. Онъ не ожидалъ, что я здѣсь. Ни слова не говоря, неподвижно стояла я на своемъ мѣстѣ.

Тихо подошелъ онъ ко мнѣ, молча взялъ меня за руку и съ невыразимымъ состраданіемъ и нѣжностью посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и съ трепетомъ въ голосѣ сказалъ.

— Милая сестрица моя, видишь-ли? видишь, до чего они безсердечны?...

— Ничего, я буду зарабатывать—хладнокровно отвѣтила я.

По его лицу замѣтно было, что онъ очень страдаетъ.

— Анна, милая—шепталъ онъ точно голосомъ умирающаго. Глаза его наполнились слезами. Онъ нагнулся и сталъ цѣловать мои руки. Я ничего рѣшительно не чувствовала и долго стояла въ той-же позѣ.

Вдругъ оставилъ онъ мои руки и направился къ своей кровати.

— Ахъ!.. зачѣмъ эта болѣзнь?—бросившись на постель и уткнувъ свое лицо въ подушку, завопилъ онъ. Я подошла къ нему.

Вздрагивая всѣмъ тѣломъ, онъ рыдалъ. Въ первый разъ видѣла я его плачущимъ и въ такомъ отчаяніи. До сихъ поръ ничего подобнаго не случалось съ нимъ; всегда поощрялъ онъ насъ, какъ отважный полководецъ своихъ слабыхъ воиновъ на полѣ битвы; всегда бранилъ насъ, когда замѣчалъ, что теряемъ бодрость духа, словомъ, онъ имѣлъ на насъ сильное вліяніе. А, теперь!.. Его стонъ и рыданіе показали, до чего было разбита его могучая воля подъ тяжестью обстоятельствъ... „Ахъ зачѣмъ эта болѣзнь?..“ жалостно произнесъ онъ, когда я сказала, что

готова сама зарабатывать. Этихъ словъ никогда въ жизни не забуду я; съ какимъ страданіемъ и какой сердечной искренностью сказаны были онѣ; какъ ясно выражалось въ нихъ, насколько безпредѣльна его братская любовь ко мнѣ...

Я всячески старалась успокоить его, но онъ до того былъ возмущенъ, что не въ состояніи былъ говорить со мною больше. Я сочла лучше оставить его одного, и вышла изъ комнаты въ удрученномъ настроеніи... Слова „пусть сестра твоя зарабатываетъ“ какъ эхо раздавались въ моимъ ушахъ. Но больше всего мучило меня то обстоятельство, что разстройство Григора не можетъ безслѣдно пройти для его здоровья. Къ несчастью, такъ и было. Состояніе его сегодня очень плохо.

Сердце мое растерзано. Хочу съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ, а кромѣ тебя у меня никого нѣтъ?... Ахъ! если-бы ты была теперь со мною, съ какой горячностью прижала-бы я тебя къ своей груди, такъ переполненной скорбью...

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XII.

Дорогая Рипсима!

Братъ мой, Григоръ, скончался... Слезы душатъ меня... не въ силахъ продолжать...

ПИСЬМО XIII.

Тифлисъ, 30-го апрѣля 18... г.

Милая Рипсима!

Искренно сочувственное твое письмо я получила. Очень тронута твоимъ вниманіемъ ко мнѣ. Никогда я не нуждалась въ чьей-либо поддержкѣ такъ, какъ теперь, потому что послѣдній ударъ подавилъ мой нравственный міръ. Я сражена подобно тому человѣку, который, перенеся много сильныхъ ударовъ, получаетъ послѣдній, ужаснѣйшій, прямо въ сердце. Но я все-таки не ропщу. Слава и благодарность Тому, у кого въ рукахъ человѣческая судьба. Когда видишь и чувствуешь, что силы из-

мѣняютъ тебѣ, то должна подчиняться высшимъ неисповѣдимымъ законамъ, установленнымъ самимъ Провидѣніемъ. Я подчиняюсь. Страданія мои удвоились. Я пала побѣжденной, и гордая моя голова не смѣетъ уже больше подняться вверхъ; она наклонена и навсегда останется поникшею. Пусть все идетъ своимъ чередомъ, примирилась я уже со всѣми невзгодами.

Я точно истуканъ и потому безъ содраганья, спокойно могу описать тебѣ послѣднія минуты и кончину брата. Пусть изъ твоихъ глазъ прольется также нѣсколько слезъ—онъ былъ достоинъ того.

Скончался онъ ровно двѣ недѣли тому назадъ, 16-го числа текущаго мѣсяца, въ пять часовъ вечера. Этотъ знаменательный для меня день я очень хорошо запомнила. Погода была настолько хороша и тепла, что мы даже отворили окна. За все время нашего переѣзда, въ первый разъ дышали мы свѣжимъ воздухомъ. Григоръ лежалъ у окна, куда два дня передъ тѣмъ просилъ перенести кровать. Въ послѣдній разъ, видно, захотѣлось ему поглядѣть на весеннее ясное солнышко, синее небо, рѣзвыхъ ласточекъ, которыя прилетали пощebetать на привязанной во дворѣ веревкѣ и, покачавшись на ней, снова улетали. Былъ уже пятый день, какъ не могъ онъ вставать съ кровати. Мы вовсе не рассчитывали, что онъ умретъ въ тотъ-же день, такъ какъ состояніе его тогда было гораздо лучше, чѣмъ нѣсколько дней передъ смертью. Но онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ, что скоро умретъ и какъ-то особенно просилъ меня не отходить отъ него тогда. Необыкновенно милъ онъ былъ со мною и мамой, которая ежеминутно подходила то къ нему, то къ папѣ. Говорилъ онъ со мною болѣе обыкновеннаго; настроеніе его часто мѣнялось. Послѣ оживленнаго разговора со мною онъ вдругъ замолкъ, повернулся опять къ окну и, глядя на дворъ, о чемъ-то глубоко задумался. Я не хотѣла мѣшать ему, а только наклонилась и стала разглядывать его лицо. Боже мой! до чего измѣнился этотъ красивый, женственный ликъ; какъ худо, истощено и безкровно было это лицо. Маленькій, красивый носикъ, который всегда давалъ его лицу гармоническую красоту, теперь какъ бы увеличился и со сжатыми ноздрями высунулся. Въ глубокихъ впадинахъ глаза увеличились, и чистый широкий лобъ будто-бы больше расширился. Мнѣ казалось, что въ первый разъ вижу его такъ измѣнившимся. Какое-то нѣопредѣленное чувство не позволяло мнѣ нарушить его дум. Молча, съ глубокою скорбью все еще глядѣла я на него, какъ

вдругъ губы его пошевелились, и онъ какъ бы про себя прошепталъ.

— Какъ хороша, какъ красива весна!.. поневолѣ полюбишь жизнь, какъ бы тяжела она не была... поневолѣ захочешь жить, любить и хочешь...

Онъ умолкъ и лицомъ обратился ко мнѣ.

— Скажи мнѣ правду, сестрица—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ—попрежнему-ли опять ты много размышляешь?..

— Нѣтъ, Григоръ, я молюсь,—отвѣтила я съ чувствомъ. Я замѣтила, какъ лицо его просіяло. Затѣмъ взялъ онъ мою руку и пожалъ ее.

— Молись, милая сестрица,—произнесъ онъ какъ бы съ новой силой въ голосъ. Молитва, только молитва можетъ спасти тебя въ тяжелую минуту жизни... Вѣрь мнѣ, что ты никогда не раскаешься въ томъ, если будешь помнить мой искренній совѣтъ. Вѣрь мнѣ, что неудачи и несчастья въ жизни также, какъ и удачи и счастья, имѣютъ свою особую прелесть... Этому научила меня сама жизнь.

Къ его словамъ прислушивалась я съ благоговѣніемъ, точно онъ былъ не двадцатичетырехлѣтній юноша, а опытный старый мыслитель-проповѣдникъ и пророкъ, повсюду разносящій Божій гласъ... Но въ то же время охватилъ меня какой-то страхъ: „какъ это онъ говоритъ сегодня?“ невольно задала я себѣ вопросъ. И дѣйствительно, говорилъ онъ тогда какъ-то особенно, а не какъ всегда. Хотя грустно, но въ то же время воодушевленіемъ звучалъ его голосъ. Смотрѣлъ онъ на меня также особенно, разгоряченнымъ взоромъ, этимъ будто хотѣлъ онъ усилить впечатлѣніе своихъ словъ...

— Григоръ, почему ты сегодня такъ говоришь—не выдержишь, спросила я послѣ небольшой паузы.

— Почему?!—произнесъ онъ странно улыбаясь и ласково посмотрѣлъ на меня,—потому что я умираю,—прибавилъ онъ спокойнымъ голосомъ, но послѣднее слово такъ слабо выговорилъ, что я едва разслышала его.

— Григоръ, конечно ты шутишь!—прошептала я испуганнымъ голосомъ.

Опять взглянулъ онъ на меня и сразу исчезла улыбка на его губахъ, а лицо приняло грустное и полное скорби выраженіе. Онъ ничего не отвѣчалъ, только долго и пристально смотрѣлъ на меня и опять повернулъ лицо къ окну. Я не спускала глазъ съ него; хотѣлось бѣжать отъ него и въ то же время не выпускать его изъ своихъ объятій...

Спустя нѣкоторое время, тихимъ голосомъ началъ шептать онъ.

— Помнишь-ли, сестрица? Мы были еще дѣтьми, тебѣ десять, а мнѣ семь лѣтъ было тогда. Пошли мы покупать тетради и возвращались домой; на пути намъ встрѣтился бѣшеный быкъ. Отъ страха всѣ бросались бѣжать и спѣшили укрыться отъ него. Мы находились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни дворовъ, ни лавокъ, гдѣ бы можно было спрятаться. Не зная что дѣлать, остановились мы у какой-то стѣны. Быкъ приблизился къ намъ. Блѣдная отъ сильнаго испуга ты крѣпко прижалась ко мнѣ, и, чтобы защитить тебя, сталъ я лицомъ къ быку. Съ глазами наполненными кровью, онъ бросился прямо на насъ и вдругъ остановился передъ нами. Отъ ужаснаго испуга не могъ я ни кричать, ни двигаться. Быкъ постоялъ, посмотрѣлъ, вдругъ фыркнулъ, замахнувъ хвостомъ, повернулся и побѣжалъ. Мы спаслись. Еще до сихъ поръ не могу забыть выраженія твоего лица: блѣдная, съ широко раскрытыми глазами и дрожа всѣмъ тѣломъ, все еще не выпускающая меня, смотрѣла ты вслѣдъ волу, который, какъ тебѣ казалось, опять вернется и подойдетъ къ намъ. Но онъ свернулъ въ другую улицу и совсѣмъ исчезъ изъ нашихъ глазъ. Затѣмъ свободно вздохнула ты, молча посмотрѣла на меня, странно какъ-то улыбнулась, вѣрнѣе сказать—сгримасничала и заплакала. Хотя, конечно, не я спасъ тебя отъ быка, но все-таки, ради твоего спасенія, я готовъ былъ тогда пожертвовать собой, даже несмотря на то, что не меньше твоего дрожалъ за свою шкуру. Съ какимъ восторгомъ и гордостью вспоминалъ я потомъ это событіе, въ моемъ умѣ запечатлѣлось то, что спасъ тебя только я...

Онъ замолкъ и опять началъ смотрѣть въ окно. Такъ пріятно, казалось, ему было это воспоминаніе. Въ самомъ дѣлѣ, какая была эта чудная пора жизни...

Дни дѣтства, подобно сновидѣнію,
Промчались вы и не вернетесь вновь *)...

промолвилъ онъ, тихо вздыхая, и посмотрѣлъ на меня.

— Григоръ, почему напомнилъ ты мнѣ это событіе?—спросила я.

*) Двѣ первыя строки чуднаго элегическаго стихотворенія армянскаго поэта Налбандяна.

Прим. перев.

— Почему?—произнесъ онъ съ отчаяніемъ,—потому, что не могу теперь спасти тебя отъ кое-чего...

Такую ужасную боль почувствовала я при этихъ словахъ, что невольно головой припала къ его груди и горько зарыдала. Въ ту-же минуту почувствовала я, что какая-то невидимая сила начала удалять его отъ меня навѣки...

За часъ до смерти онъ захотѣлъ видѣть отца. Мама, которая повидимому поняла въ чемъ дѣло, исполнила его желаніе тотчасъ. Держа папу за руку, привела его и осторожно посадила его на стулъ у кровати больного. Отецъ и сынъ смотрѣли другъ на друга; у отца былъ тотъ-же безумный и безсознательный взглядъ, но однако на этотъ разъ въ немъ замѣтно было и нѣкоторое любопытство; а взглядъ сына... сколько любви, страданія, горя и отчаянія выражалось въ этомъ безмолвномъ, послѣднемъ и прощальномъ взглядѣ на отца... Онъ держалъ папу за руку, хотѣлъ что-то сказать, но не въ состояніи былъ издать звука. Наклонился и только губами прижался къ его рукѣ.

— Кто онъ такой?—тихо спросилъ отецъ маму.

— Это Григоръ... не узнаешь?..—едва могла произнести мама, сдерживаясь отъ душившихъ слезъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ папа и, послѣ краткой паузы, спросилъ—онъ боленъ?

— Да.

— И я боленъ, бѣдное дитя, и я боленъ—едва выговорилъ отецъ, какъ бы съ глубокимъ страданіемъ въ голосѣ и, освобождая свою руку отъ губъ Григора, началъ гладить его по головѣ.

Сердце мое такъ сжалось, что не въ силахъ была устоять, тотчасъ-же вышла вонъ изъ комнаты, чтобы ничего больше не видѣть и не слышать...

Черезъ четверть часа, когда я опять вошла въ комнату Григора, отца не было уже тамъ, мама увела его оттуда. Закрывъ лицо рукою лежалъ Григоръ на спинѣ. Когда подошла я къ нему, онъ снялъ руку съ лица. Умоляющимъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на меня и взялъ меня за руку.

— Анна,—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ,—знаешь, вѣдь тебѣ придется заботиться о папѣ и мамѣ. Кромѣ тебя у нихъ, вѣдь, никого нѣтъ; помоги имъ, какъ можешь...

При его смерти находились: я, мама и Томасъ Гаспарычъ. (Братъ, по случаю прекрасной погоды въ этотъ день, ушли, и Богъ вѣсть гдѣ они пропадали). Онъ попросилъ, чтобы позвали

священника. Томасъ Гаспарычъ пошелъ за нимъ. Пришелъ священникъ. Съ какою богобоязненностью причастился онъ!...

Передъ смертью цѣловаль руки у мамы, у меня и Томаса Гаспарыча, который не въ силахъ былъ сдержать себя, и зарыдалъ какъ ребенокъ. Затѣмъ послѣдній, умоляющій и полный скорбью взглядъ онъ бросилъ на меня и въ ту-же минуту испустилъ духъ... Нѣтъ, не испустилъ духъ. Говорятъ, что при испусканіи духа человѣкъ дѣлается страшнымъ, но я ничего страшнаго въ немъ не замѣтила; онъ закрылъ глаза и уснулъ, чтобы никогда больше ужъ не вставать.

У меня потемнѣло въ глазахъ и чувствовала я, что ноги мои подкашиваются, а что было потомъ, не помню. Когда пришла въ себя, то замѣтила, что лежу на кровати въ своей комнатѣ; съ блѣдно-изнуреннымъ лицомъ сидитъ возлѣ меня мама, а напротивъ нея, на стулѣ, Томасъ Гаспарычъ. Сперва показалось мнѣ, что было утро, и я только что встаю, но когда посмотрѣла на маму, на Томаса Гаспарыча, осмотрѣлась вокругъ себя, затѣмъ опять на маму и Томаса Гаспарыча — тогда только все ясно стало для меня. Я и до сихъ поръ удивляюсь, какъ была я тогда такой спокойной: ни одной слезинки не проронила я; ни страданія, ни горя не было во мнѣ. Если бы ты меня спросила, какъ хоронили брата, кто былъ на похоронахъ и т. д. — рѣшительно ничего не могла бы тебѣ отвѣтить на это. Смутно, точно сквозь сонъ, помнится мнѣ только то, какъ одѣли меня въ траурное платье, дали въ руку носовой платокъ (хотя вовсе не нуждалась въ немъ), взяли меня за руку и повели съ церковь и опять привели домой. Помню еще то, что въ церкви поцѣловала Григора въ лобъ... А теперь, послѣ двухъ недѣль, когда вхожу въ его комнату и цѣлыми часами просиживаю на его кровати, что, что я теперь чувствую?... Слава и благодарность Тому, въ чьихъ рукахъ наша судьба. „Молитва, только молитва можетъ спасти тебя въ тяжелую минуту жизни“—говорилъ онъ.

Да благословлена будетъ память о тебѣ, мой любезный и дорогой братъ!

Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XIV.

Тифлисъ, 25 іюля 18.. г.

Милая Рипсима!

Ты требуешь отъ меня письма; что мнѣ писать? О чемъ?..

Смерть брата, особенно въ такое несчастное время для насъ, не могли пройти безслѣдно какъ для меня, такъ и для мамы. Она тогда-же слегла въ постель и проболѣла почти цѣлый мѣсяцъ. Какъ только мама встала съ постели, слегла я, точно заранѣе условились мы смѣнить другъ друга. Болѣзнь моя продолжалась не долго и вотъ уже недѣля, какъ я опять на ногахъ. И теперь еще чувствую себя очень слабой: не въ состояніи долго ходить и заниматься чѣмъ-либо, тотчасъ-же устаю. Словомъ, настолько слаба, что и сейчасъ перо въ рукѣ моей дрожить.

Третьяго дня, взглянувъ въ зеркало, я испугалась себя. Взяла фотографическую карточку прошлаго года и сравнила. Боже! Какая перемена?!... На карточкѣ снята рѣзвая дѣвица, глаза ея счастливо и кокетливо улыбаются, а въ зеркалѣ отражается блѣдная, истощенная, точно состарѣвшаяся дѣва, тупое и полумертвое выраженіе которой говорить... что говорить?—ничего опредѣленнаго, но однако говорить то, чего ни она сама, ни другіе понять не могутъ.

У насъ теперь стоитъ невыносимо жаркая погода. Привыкнувъ постоянно жить лѣтомъ на дачѣ, съ трудомъ переносу я теперь эти жары въ городѣ. Почти цѣлыми днями просиживаю дома, только по утрамъ и ночамъ дышу я свѣжимъ воздухомъ. Прости, милая, очень устала и не могу больше писать.

Прими мой тоскливый поцѣлуй.

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XV.

Тифлисъ, 27-го іюля 18... г.

Милая Рипсима!

Теперь слава Богу чувствую себя довольно хорошо, только жара мучить меня ужасно. Ты спрашиваешь, неужели мои братья опять бездѣльничаютъ? Нѣтъ; одинъ изъ нашихъ богатыхъ „благодѣтелей“ наконецъ сжалился надъ нами, и обоихъ принялъ въ свой магазинъ, но, конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они вели себя прилично. И слава Богу, пока ведутъ они себя довольно хорошо.

Прощай, милая сестрица, до слѣдующаго письма.

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XVI

Тифлисъ, 16-го августа 18... г.

Милая Рипсима!

Ты совѣтуешь мнѣ не волноваться и просишь прислать тебѣ дневникъ брата, чтобы онъ не служилъ причиной моего безпокойства. Сама прекрасно понимаю, что при моемъ теперешнемъ состояніи волненіе очень вредно для меня, но не бойся. Правда, въ первые дни, когда нашла я дневникъ, я очень волновалась, но теперь сама себя сдерживаю. Итакъ, дорогая, дневникъ остается у меня, не разлучусь съ нимъ до конца своей жизни только потому, что онъ для меня дорогъ и навсегда останется дорогимъ.

Нѣкоторое спокойствіе въ нашемъ домѣ опять нарушилось: старшій братъ снова взялся за старое. Нашъ „благодѣтель“ прогналъ его, впрочемъ имѣлъ на то полное право, такъ какъ братъ снова началъ пьянствовать и ни одной копейки изъ своего жалованья не давалъ семьѣ. Что касается младшаго брата, то онъ въ должности, и надо отдать справедливость ему въ томъ, что преодолѣлъ свою лѣнь и работаетъ. Но какое значеніе можетъ имѣть его жалованье хотя и для нашихъ столь умѣренныхъ потребностей? Что крайняя нищета скоро овладѣетъ нами,—это ясно какъ день... Мать хочетъ продать домъ, но я не допущу.. Нѣтъ, по моему въ тысячу разъ лучше умереть голодной смертію, но въ собственномъ домѣ, подъ своей собственной кровлей. Мама хочетъ взяться за какую-нибудь работу. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XVII.

Тифлисъ, 24-го августа 18... г.

Въ крайнемъ волненіи пишу тебѣ эти строки. Теперь я въ конецъ уничтожена. Мама взялась за шитье и я хотѣла помочь ей, но... ничего не могла сдѣлать; не то что не могла, а просто не сумѣла и испортила платье. Заказчица набросилась на меня со словами: „какъ не стыдно такой большой дѣвицѣ не имѣть никакого понятія о самомъ простомъ шитьѣ“. Дѣйствительно, такъ было стыдно, что я готова была провалиться сквозь землю.

Я даже подумала о самоубійствѣ, и покончила бы съ собой, ей Богу покончила-бы, если... Мнѣ кажется, что со всѣхъ концовъ свѣта, все человѣчество, даже и четыре стѣны нашего дома, (изъ котораго я не выхожу ужъ больше) также смѣются надо мной, показываютъ на меня пальцами, говоря: посмотрите, такая взрослая и не умѣетъ сшить самага простого платья... Какъ велика была моя самонадѣянность; думала, что стоитъ только мнѣ захотѣть и все сумѣю сдѣлать... А вѣдь какъ гордо говорила я однажды покойному брату, что „сама буду зарабатывать“... Бѣдная, несчастная Анна... И онъ также думалъ, что буду зарабатывать... О, какъ невыносимо мое положеніе... Я сама себя страшусь. О, если бы не было у меня вкоренившейся съ дѣтства гордости и могла бы я сносить справедливыя упреки, тогда бы... а теперь?... Ахъ! дорогая сестрица, если бы ты только знала, какой сумбуръ въ головѣ и сердцѣ у меня.

Твоя А. С.

ПИСЬМО XVIII.

Тифлисъ, 9-го сентября 18... г.

Милая Рипсима!

Хотя ты сама очень нуждаешься, но прислала мнѣ двадцать рублей, и просишь еще извиненія за то, что до сего времени не могла прислать и что теперь только получила жалованье... Къ чему?... зачѣмъ ты это сдѣлала?... Что побудило тебя? Какая цѣль?... Чтобы посмѣяться надо мной? упрекнуть меня? Развѣ не достаточно того, что сама себя браню и смѣюсь надъ собой. Также просишь не благодарить тебя. За что-же, скажи, пожалуйста, буду я тебя благодарить? За что? За то, что еще больше увеличила мое страданіе?... За то, что дала поводъ ненавидѣть себя еще больше?... За то, что доказала этимъ какъ ничтожна я въ сравненіи съ тобою?... Да? Когда распечатала твое письмо и вынула изъ него кредитныя билеты, то была очень поражена твоимъ необдуманномъ поступкомъ. Отъ чванства, стыда и безсилія я горько заплакала... Боже мой! какія были эти слезы? Во всю свою жизнь я такъ не плакала, какъ тогда; каждая капля слезы казалась мнѣ ядомъ... О, дорогая сестрица, что происходитъ со мною?..

Твоя Анна Сароянъ.

Р. С. При семъ посылаю тебѣ обратно полученные мною двадцать рублей. Надѣюсь, поймешь меня и не обидишься, что не приняла отъ тебя этихъ денегъ.

А. С.

ПИСЬМО XIX.

Тифлисъ, 15-го сентября 18... года.

Опять, опять прислала и вмѣстѣ съ ними длинныя истрогія наставленія. Да, да, вѣрно, милая Рипсима, согласна съ тобою, что я очень горда, малодушна и глупа... Повѣрь, было-бы гораздо лучше, если-бы совсѣмъ ты не прислала ихъ мнѣ. Ты себѣ представить не можешь, какъ мучаюсь я, когда смотрю на эти деньги... Приму ихъ, но лишь съ тѣмъ условіемъ, если будешь считать долгомъ за мною; и чтобы я не сегодня, такъ завтра, или, можетъ быть, когда-нибудь, могла отдать тебѣ ихъ обратно. Если напишешь, что согласна на такое условіе,—хорошо; а если нѣтъ, то не взыщи—какъ поступлю я. Пока не получу отъ тебя отвѣта, ни одной копейки изъ этихъ денегъ не истрачу.

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XX.

Тифлисъ, 19-го сентября 18... года.

Моя милая Рипсима!

Спасибо!

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XXI.

Тифлисъ, 4-го октября 18... года.

Милая Рипсима!

Что писать-то? Какъ провожу я время, да? Опершись ладонью съ утра до вечера сижу я у окна; муха пролетитъ мимо меня, съ радостью ловлю ее, срываю ей голову или крылья и отбрасываю въ сторону. Что можетъ быть лучше этого занятія!

Вѣдь надо-же какъ-нибудь проводить время, ну что-жъ? и провожу. Вѣдь, въ концѣ концовъ, все-равно смерть...

Твоя А. С.

ПИСЬМО XXII.

Тифлисъ, 18-го октября 18... года.

Милая!

Напрасно читаешь ты мнѣ разныя наставленія; напрасны твои доказательства, что при моемъ умѣ и понятливости, не должна я падать духомъ, и напиралась на то, что сама на себя злословлю. Вѣрно! И я такъ думаю, но дѣло въ томъ, что проклятая дѣйствительность не требуетъ ни ума, ни понятливости, а подготовку для жизни, чего у меня, къ великому сожалѣнію, и не хватаетъ; а почему не хватаетъ?—это ты сама поймешь, если хорошенько разберешь мое прошедшее и мое воспитаніе. И тогда только убѣдишься ты, что ничего не стою я. Повторяю --я не готова, и не забудь этого никогда. А начинать привыкать теперь къ этому, очень трудно. Все равно, не жду я никакихъ чудесъ и сама не въ состояніи что-либо подобное совершить. Я такое уродливое созданіе, въ ротъ котораго надо класть разжеванный мякишъ хлѣба. Словомъ, такъ ненавижу себя, что чувствую какое-то отвращеніе къ самой себѣ. Если бы возможно было избѣгнуть грѣха, то...

Твоя Анна Сароянъ.

ПИСЬМО XXIII.

Тифлисъ, 31-го октября 18... года.

Моя дорогая Рипсима!

Я отравилась ядомъ и пишу тебѣ мои послѣднія строки; когда будешь читать ихъ, то меня въ живыхъ не будетъ. Прощай.. на вѣки... не увидишь меня больше. Проклинай меня, но плачь, быть можетъ твои слезы облегчатъ мою преступную душу... Боже! какъ страшенъ ядъ... но жизнь еще страшнѣе, конечно не

для тебя, не для другихъ, а для меня. Да, я думаю, что ты уже получила посланныя мною нѣсколько дней тому назадъ деньги— двадцать рублей, которые я должна была тебѣ. Прости, гордость побѣдила. Та же гордость и сводить меня въ могилу. Развѣ только Богъ и духъ Григора простятъ меня... Жить больше не могу... Помолись за мою преступную душу и еще разъ прости, моя чудная сестрица!

Твоя несчастная Анна.

БѢГЛЕЦЪ.*)

(Разсказъ).

(Окончаніе).

ХІІІ.

Ахметъ сдержалъ слово, подѣхавъ въ субботу, около пяти часовъ вечера, къ дому своего друга.

Самъ Мамедъ былъ въ сараѣ и сколачивалъ какой-то ящикъ.

— А вотъ и ты! Хвалю за исправность!—сказалъ онъ, помогая пріятелю сойти съ сѣдла.

— Поневолѣ будешь исправенъ: на хуторѣ такая скука!

— Отца развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ. Онъ въ Шулаверахъ и до завтра не вернется.

— При тебѣ онъ уѣхалъ?

— При мнѣ.

— Не сердился ли онъ на то, что мы въ тотъ разъ уѣхали, не сказавъ ему ни слова?

— Поворчалъ немного, да потомъ успокоился, когда я разсказалъ ему, какъ провелъ здѣсь время. Онъ боялся того, что меня могутъ узнать здѣсь.

— И о Сатинѣ говорилъ?

— Нѣтъ, объ этомъ ему вовсе не слѣдуетъ знать. Да и ты какъ нибудь не проговорись.

— А я тебѣ новость скажу.

—Какую?

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 10.

— Ея мужъ прѣхалъ.

— Чей мужъ?

— Сатины.

— Неужели?

— Да.

— Когда это?

— Сегодня утромъ.

— И теперь онъ дома?

— Надо полагать.

— Ну что-жь! Оно мнѣ не нуженъ.

— Да я тебѣ говорю такъ, на всякій случай, что-бы ты опять не вздумалъ видѣться съ его женой.

— Не безпокойся, мы уже обо всемъ переговорили и тревожить тебя больше не станемъ.

— Что ты, помилуй, что за тревога? Я душой радъ слушать тебѣ.

— Ну, не сердись! Вѣрю и благодарю.

— Вотъ такъ-то лучше... Теперь ступай въ домъ и отдохни, а я еще поработаю немного... Надо докончить для фасоли ящикъ.

Войдя въ кунацкую, Ахметъ распоясался, снялъ черкеску и, оставшись въ одномъ архалукѣ, сѣлъ къ окну, изъ котораго виденъ былъ весь дворъ.

— „Чтобъ васъ всѣхъ шайтаны изжарили!“—вдругъ донеслось до него изъ сосѣдскаго сада.

— „Ого! кто это такъ ругается?“—подумалъ Ахметъ и высунулся изъ окна.

Въ сосѣднемъ саду онъ замѣтилъ, за низенькимъ плетнемъ, спину человѣка, ставившаго подпорку подъ вѣтку яблони. Человѣкъ этотъ былъ въ бѣломъ архалукѣ и тяжелой бараньей шапкѣ.

— „Должно быть это и есть самъ хозяинъ“—подумалъ Ахметъ, продолжая слѣдить за движеніями бѣлаго архалука.

Вдругъ Ахметъ вскочилъ съ мѣста точно ужаленный и уставился на бѣлый архалукъ.

— Это онъ!—вырвалось у него восклицаніе и въ ту-же минуту онъ закрылъ рукою глаза, какъ бы припоминая что-то.

— Да, это онъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія!—повторилъ онъ, снова заглядывая въ садъ.

Оба эти восклицанія вырвались у него въ то именно время, когда низенькій человѣкъ повернулъ свое лицо въ его сторону. Лицо это было сухое, худощавое, съ сѣрыми глазами, крючковатымъ носомъ и рѣденькой, рыжей бородкой—то самое ли-

цо, которое мерещилось Ахмету всегда, когда онъ припоминалъ обстоятельства, предшествовавшія его аресту.

— Что ты тамъ видишь?—спросилъ его подошедшій къ окну Мамедъ.

— Кто это тамъ въ бѣломъ архалукѣ?

— Да это самъ хозяинъ, Аббасъ-Кули!

— Такъ вотъ онъ какой!

— А какимъ-же ты его себѣ представлялъ?

— Я?... Да никакимъ.

— Самовара еще нѣтъ... Не хочешь-ли пока кислаго молока?—спросилъ гостепріимный хозяинъ.

— Давай хоть молока.

Мамедъ вышелъ, чему Ахметъ несказанно обрадовался. Ему нужно было остаться въ эту минуту наединѣ съ самимъ собою.

— „Такъ вотъ онъ какой!“—думалъ Ахметъ.—„Теперь мнѣ совершенно понятенъ его бредъ, рассказанный Сатиной; она не подозрѣваетъ кажется того, что мужъ ея убійца.—Слава Аллаху! розыски мои кончатся гораздо скорѣе, чѣмъ я предполагалъ!“

— Вотъ и молоко!—сказалъ вошедшій Мамедъ, ставя на столъ большую чашку кислаго молока.

Ахметъ съ жадностью выпилъ почти полчашки.

Мамедъ зажегъ лампу, такъ какъ становилось уже темно. Поставивъ лампу на столъ, онъ опять вышелъ и вскорѣ вернулся съ кипящимъ самоваромъ.

Мамедъ не любилъ чаю и пилъ его только ради приличія, въ присутствіи гостей.

— Что съ тобою?—спросилъ пріятеля Ахметъ, замѣтивъ краску на щекахъ Мамеда, когда онъ ставилъ на столъ самоваръ.

— Ничего, такъ...

— Что-нибудь случилось?

— Пустяки! Повздорилъ съ женой.

— За что-же?

— Представь себѣ! Выпытала она у Муссы, что я, вчера утромъ, посылалъ его звать Сатину и ей чортъ знаетъ что представилось!.. Будто я назначилъ Сатинѣ свиданіе, а ее умышленно удалилъ въ огородъ.

— Что-же ты отвѣтилъ на это?

— Сказалъ, что дѣйствительно посылалъ за сосѣдкой, но

только съ дѣлю ей-же помочь собирать фасоль; но что Сатина не пришла.

— Что-жъ она: повѣрила?

— Кажется, повѣрила... замолчала. Бѣда съ этими бабами! Я боюсь, чтобы она не напустилась также на сосѣдку: тогда...

— Не бойся, Сатина подтвердитъ, что не была у васъ.

— Ты ее предупредилъ?

— Да.

— Ну, очень радъ, если такъ. Теперь закусимъ, да и за чай!—пригласилъ Мамедъ.

На дворѣ давно уже стемнѣло и на селѣ стояла тишина, прерываемая изрѣдка собачьимъ лаемъ, да хрустомъ сѣна въ зубахъ лошадей, стоявшихъ подъ навѣсомъ.

Послѣ чая Мамедъ убралъ всю посуду и ушелъ на свою половину спать, пожелавъ предварительно покойной ночи Ахмету.

Послѣдній только этого и ждалъ.

Было около девяти часовъ.

Просидѣвъ еще съ полчаса, онъ уменьшилъ въ лампѣ огонь и вышелъ изъ комнаты.

Ахметъ подошелъ къ плетню и, тихо ступая по мягкой травѣ, неслышными шагами сталъ ходить вдоль него, вглядываясь повременамъ въ мракъ, царившій въ саду.

Трескъ сломаннаго сучка долетѣлъ до его слуха.

— Стой! Я здѣсь!—послышался ему полушопотъ.

Онъ остановился и сталъ всматриваться въ окружающую темноту. Наконецъ, онъ замѣтилъ силуэтъ закутанной женщины, прижавшейся къ плетню.

— Пришла?.. Благодарю!..—сказалъ онъ, ощупывая рукою плечо закутанной фигуры.

— Охъ, я только на минуту... Вѣдь мужъ мой пріѣхалъ...

— Знаю... Какъ сегодня твое здоровье?

— Сегодня лучше: не кашляю.

— Слава Богу.

— Я исполнила твое порученіе.

— На счетъ слѣпка?

— Нѣтъ, я сдѣлала больше: я принесла тебѣ всѣ его бумаги.

— Какъ же ты это сдѣлала?—спросилъ пораженный Ахметъ.

— А вотъ какъ. Я забыла тебѣ сказать, что мужъ мой, если не напивается виномъ, или водкой, то любитъ курить

терьякъ *) и только тогда, когда бываетъ дома... Вотъ и сегодня: какъ только онъ поужиналъ, такъ тотчасъ-же сталъ курить этотъ противный терьякъ. Выкурилъ четыре трубки, заснулъ и будетъ спать до утра, какъ убитый. Онъ уже больше часа спитъ. Видя его въ такомъ полумертвомъ состояніи, я рѣшила воспользоваться случаемъ и заглянуть въ его сундукъ.

— А золówki?—спросилъ Ахметъ.

— Золówki сегоднѣ ночуютъ въ другой комнатѣ... На, бери это бумаги!.. Тутъ все, что я нашла въ обѣихъ шкатулкахъ... Бери, да только, ради всего святаго, разсмотри ихъ какъ можно скорѣе и возврати мнѣ. На это, я думаю, достаточно тебѣ одного часа?

— За часъ, разумѣется, успѣю!

— Черезъ два часа я приду къ этому самому мѣсту за бумагами, прощай!

— Спасибо тебѣ, дорогая Сатина! Ты мнѣ оказала такую услугу, которой я никогда, никогда не забуду.

— Ладно, ладно... Иди скорѣе просматрѣть, а потомъ успѣемъ поговорить,—шепнула она ему и исчезла, какъ привидѣніе.

Прибѣжавъ въ комнату и усѣвшись за столъ, онъ сталъ развязывать пачки и разворачивать сложенные бумаги. Пачки были связаны толстыми шерстяными нитками и издавали запахъ плесени.

Въ первой пачкѣ были письма и счета, писанные по-татарски. Ихъ было штукъ десять и всѣ они были адресованы на имя Аббаса-Кули. Разочарованный Ахметъ сложилъ ихъ опять и, перевязавъ той-же ниткой, съ пренебреженіемъ отбросилъ въ сторону.

Развязалъ онъ другую пачку и только что развернулъ первый листъ, какъ имя Гассанъ-бека, написанное по-русски, бросилось ему въ глаза. Это было письмо, писанное тифлисскимъ адвокатомъ—вѣрнѣе частнымъ повѣреннымъ—Меликъ-Гайказовымъ. Въ немъ послѣдній увѣдомлялъ бека, что онъ выигралъ дѣло въ судѣ о взысканіи съ оруджлинца Аббаса-Кули трехъ тысячъ двухсотъ рублей и, какъ результатъ успѣшности веденія дѣла,—прилагалъ при этомъ исполнительный листъ, по которому онъ, Гассанъ-бекъ, самъ, или же че-

*) Опіумъ.

резъ мѣстнаго полицейскаго пристава, могъ получить деньги...

Вслѣдъ за письмомъ Ахметъ замѣтилъ исполнительный листъ, писанный на бланкѣ. Далѣе шли коротенькія записки, писанныя по-татарски, отъ различныхъ лицъ. Въ одной, на примѣръ, какой-то Измаиль-Юсупъ просилъ Гассанъ-бека пріѣхать къ нему въ Оруджлу и посмотреть буйволовъ, которыхъ онъ хотѣлъ прикупить для своего хозяйства. Въ другой запискѣ, сельскій писарь сел. Оруджлу увѣдомлялъ его, что просьба его о взысканіи съ какого-то оруджлинца, Муссы, сорока рублей—исполнена; что деньги уже взысканы и находятся у старшины и что ему остается только прибыть въ Оруджлу и получить ихъ. Письмо было помѣчено двумя днями ранѣе того дня, въ который былъ убитъ злополучный Гассанъ-бекъ.

Ахметъ задумался.

— „Теперь для меня ясно—думалъ онъ:—Гассанъ-бекъ былъ въ Оруджлу за полученіемъ сорока рублей, какъ и было выяснено на судѣ во время моего процесса. Вѣроятно, по прибытіи въ село, онъ показалъ исполнительный листъ Аббасу-Кули, съ цѣлью заставить его уплатить деньги добровольно, а не черезъ пристава. Весьма можетъ быть, что Аббасъ - Кули успокоилъ Гассанъ-бека обѣщаніемъ уплатить, а самъ окольными путями обогналъ его—когда тотъ возвращался въ свою усадьбу—и, скрывшись въ кустахъ, выстрѣлилъ ему въ спину. Затѣмъ онъ снялъ съ убитаго бумаги и скрылся, не успѣвъ тронуть ни бумажника съ деньгами, ни часовъ. Когда меня обвинили, никому и въ голову не пришло узнать, были ли у покойнаго, кромѣ бумажника съ деньгами, еще и другіе какіе-либо документы?... А впрочемъ, можно-ли было узнать? Гассанъ-бекъ былъ чрезвычайно скрытенъ. Даже ближайшіе родственники не знали никогда его дѣлъ. Если ужъ деньги были цѣлы въ бумажникѣ, часы и кольца найдены на своихъ мѣстахъ, то, значить, и все было цѣло. Даже адвокату, который писалъ къ Гассанъ-беку, препровождая исполнительный листъ, не пришло въ голову справиться объ участи этого документа... Впрочемъ, онъ могъ думать, что по этому листу уже сдѣлано взысканіе и дѣло было совершенно окончено. Благодаря всему этому, на Аббаса-Кули не могло пасть подозрѣніе и онъ остался въ сторонѣ“...

Ахметъ продолжалъ свои размышленія:

-- „Для меня только одно удивительно, какъ это Аббасъ Кули успѣлъ все такъ скоро обдѣлать, что даже присутствовавшій въ толпѣ во время обыска, не обращая на себя ничьего

вниманія. Гдѣ онъ могъ оставить ружье, изъ котораго стрѣлялъ? Въ тотъ день онъ не могъ унести его домой, потому что возвращался вмѣстѣ съ толпой. При томъ-же, несмотря на тщательность розысковъ, въ кустахъ рѣшительно ничего не нашли“!..

— Что-же мнѣ теперь дѣлать?—вслухъ спросилъ Ахметъ самого себя, и тотчасъ-же подумалъ:

— „Прежде всего надо возвратить эти бумаги Сатинѣ, а потомъ поѣхать въ городъ и посоветоваться со свѣдущимъ человекомъ“.

Порѣшивъ такъ, Ахметъ всталъ изъ-за стола, собралъ и связалъ всѣ бумаги. Потомъ, взявъ обѣ пачки, онъ неслышно опять прокрался къ плетню.

Тамъ уже ожидала его Сатина, вся дрожавшая, какъ въ лихорадкѣ.

— Наконецъ-то ты пришелъ!—прошептала она, стуча зубами.

— Что съ тобой? Ты дрожишь!

— Мнѣ холодно... И притомъ я боялась, что ты не успеешь сегодня просмотрѣть всѣхъ бумагъ.

— Напрасная тревога! Вотъ онѣ—его бумаги—всѣ въ цѣлости и всѣ уложены такъ, какъ были. Можешь положить ихъ на прежнее мѣсто и успокоиться.

— Теперь-то я не боюсь. Онъ еще долго будетъ спать и я ихъ успѣю еще положить въ сундукъ... Но, скажи, что ты нашелъ въ нихъ?

— Ничего!

— Значитъ, напрасно мы тревожились?

— Да.

— А я-то радовалась, предполагая, что въ бумагахъ этихъ можетъ быть разгадка твоего дѣла.

— Благодарю тебя, мой другъ, за участіе,—сказалъ Ахметъ и задумался: „открыть ли ей тайну? Не встревожитъ-ли ее преждевременно содержаніе бумагъ? Не заболѣетъ-ли она отъ этого“?

— О чемъ ты задумался?—спросила она.

— Да вотъ, долженъ сказать тебѣ, что завтра, или послѣ-завтра, я поѣду въ городъ... По дѣлу... мы около мѣсяца не увидимся.

— Я буду рада, если поѣздка эта принесетъ тебѣ пользу.

— До свиданья! Не забывай!

— Я всегда тебя помню.

— Постой! Еще одно слово...

- Говори.
- Что-бы ты сказала, если-бы твоего мужа вдругъ засади-ли въ тюрьму?
- Что за странный вопросъ! За что?
- Ну, такъ предположимъ.
- Не знаю, право.
- А если-бы его приговорили къ каторгѣ?
- Что-жъ... Но къ чему ты спрашиваешь?
- Такъ...
- Ты вѣрно что-нибудь знаешь?
- Нѣтъ, ничего... Прощай!
- Прощай! Помни, что я каждый вечеръ, по средамъ и субботамъ, буду ходить къ этому плетню...
- Хорошо, не забуду.
- А если мнѣ вздумается писать, то скажи, куда?
- Пиши Дебиру Караманъ-оглы, до востребованія, въ Тифлисъ.
- Прощай!
- И она исчезла во мракѣ.
- Ахметъ ушелъ въ свою кунацкую.
- Спать онъ не могъ и сталъ ходить изъ угла въ уголъ, долго обдумывая планъ будущихъ дѣйствій.
- Только передъ утромъ онъ легъ и вздремнулъ немного.
- Къ утру небо покрылось тучами и когда Ахметъ проснул-ся—шелъ частый, мелкій дождь.
- Я сегодня ѣду на хуторъ, а завтра въ городъ, — ска-залъ Ахметъ послѣ обычныхъ пожеланій добраго утра.
- Мамедъ былъ озадаченъ.
- Что такъ скоро?—спросилъ онъ.
- Дѣла тамъ.
- А здѣсь развѣ ты кончилъ?
- Кое что сдѣлалъ, да не все. А въ городѣ непременно надо быть.
- Надолго уѣдешь?
- Думаю, что на мѣсяцъ.
- Не проводить-ли тебя?
- Я только что хотѣлъ просить тебя о томъ-же. Одному мнѣ все какъ-то неловко кажется. Все думается: вотъ-вотъ схва-тять и уведутъ...
- Хорошо, я провожу. А когда ѣхать?
- На хуторъ сейчасъ, а въ городъ завтра!
- Сейчасъ, такъ сейчасъ!

— И Мамедъ вышелъ сѣдлать лошадей.

Черезъ полчаса пріятели уже ѣхали по знакомой намъ дорогѣ отъ Оруджлу до хутора Оруджа.

XIV.

Оруджъ-бекъ былъ дома, когда Ахметъ и Мамедъ вѣхали во дворъ хутора. Онъ былъ занятъ разборкою бумагъ и щелкалъ костяшками деревянныхъ счетовъ.

Замѣтивъ измокшихъ молодыхъ людей, онъ добродушно посмѣялся надъ ними:

— Вы мнѣ напоминаете двухъ овчарокъ, только что переплывшихъ рѣку...

— Спѣшили и бурокъ не взяли!—отвѣтилъ Ахметъ.

— Пойдите! Я велю затопить бухаръ и вы живо обсохнете!

— Не беспокойся, пожалуйста, я самъ распоряжусь!—остановилъ Ахметъ отца и вышелъ на балконъ, чтобы позвать Кязума.

Вскорѣ была принесена охалка хвороста и въ каминѣ запылало яркое пламя.

— Обсохнете, а потомъ вмѣстѣ и пообѣдаемъ!

— Ты давно возвратился?—спросилъ Ахметъ, держа мокрую полу противъ огня.

— Сегодня утромъ,—отвѣчалъ Оруджъ-бекъ.

— Что новаго въ Шулаверахъ?

— Новаго? Ничего тамъ новаго, все по старому.

— Да ты зачѣмъ туда ѣздишь?

— Уѣздный начальникъ требовалъ... Не меня одного—всѣхъ бековъ требовалъ. Все насчетъ грабежей. Онъ думаетъ, что мы потворствуемъ этимъ головорѣзамъ, которые обижаютъ мирныхъ людей на дорогахъ, и сдѣлалъ намъ замѣчаніе. Странный человѣкъ! Я ему доложилъ, что мы сами не рады тому, что у насъ творятся такія безобразія, но что мы не имѣемъ средствъ искать и ловить разбойниковъ.

— А онъ что на это?

— Да что онъ... Обѣщалъ потребовать отрядъ казаковъ, да дать человѣкъ пять своихъ земскихъ чапаровъ, чтобы сдѣлать розыски и облавы въ лѣсахъ и другихъ трушобахъ. А насъ, землевладѣльцевъ, просилъ выставить по одному надежному вооруженному всаднику отъ cadaго имѣнія, превышающаго сто десятинъ земли.

— Значить и тебѣ придется выставить?

— Да.

— А надолго ихъ выставятъ?

— На цѣлый годъ.

— Ого! Вѣдь это сопряжено съ большимъ расходомъ.

— Конечно. Я тоже самое говорилъ ему.

— Что-жъ онъ?

— Назначилъ очередь; по два мѣсяца каждому землевладѣльцу, но съ тѣмъ расчетомъ, чтобы число всадниковъ со всего уѣзда было не менѣе двадцати ежедневно.

— Ну, если по очереди, тогда другое дѣло... Два мѣсяца — не велико время и содержаніе человѣка съ лошадыю будетъ не особенно чувствительно для землевладѣльца.

— Все-таки лишній расходъ...

— Кому-же эти всадники будутъ подчинены?

— Приставамъ, разумѣется.

— А когда твоя очередь?

— Въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Найми меня.

— Что?!

— Меня найми!

Мамедъ расхохотался.

— Суши свое платье, да не болтай глупостей, — строго сказалъ Оруджъ бекъ.

— Какія-же это глупости? Да такого всадника они во всемъ уѣздѣ не найдутъ. Я живо-бы переловилъ всѣхъ разбойниковъ!

— И не сносишь-бы головы! — замѣтилъ Мамедъ.

— Голова что... Тутъ дѣло въ общественной безопасности, а не въ головѣ.

— Ну, ладно. Довольно попусту болтать. Кликни лучше Кязума, да вели подавать обѣдъ.

Ахметъ вышелъ распорядиться.

Скоро появился на столѣ подносъ, уставленный деревенской снѣдью и Оруджъ-бекъ подошелъ къ своему завѣтному шкафчику, гдѣ, скрываясь подъ защитою открытой дверцы, пропустилъ свою порцію „лѣкарства“, какъ онъ объяснилъ Мамеду.

— Для чего это лѣкарство? — наивно спросилъ Мамедъ.

— Для ускоренія пищеваренія — важно сказалъ Оруджъ, садясь за столъ и принимаясь разрѣзывать курицу.

Ахметъ усмѣхнулся, но ничего не сказалъ.

Послѣ обѣда, Оруджъ сообщилъ своимъ молодымъ собе-

сѣдникамъ, что поѣздка его не ограничилась только официальнымъ дѣломъ, но что онъ успѣлъ совершить еще и выгодную сдѣлку, продавъ на съѣмъ фрукты своего сада.

— Кто у тебя снялъ?—полюбопытствовалъ Ахметъ.

— Все тотъ-же, Багратъ... Да, впрочемъ, ты его не знаешь... Это одинъ изъ шулаверскихъ торговцевъ—Мамедъ хорошо его знаетъ.

— Знаю. Онъ исправный человекъ, сказалъ Мамедъ.

— А главное состоятельный; половину денегъ впередъ платить,—прибавилъ Оруджъ-бекъ.

Послѣ обѣда, Мамедъ собрался ѣхать домой. Ахметъ вышелъ его провожать.

— Ты завтра навѣдаешься?—спросилъ послѣдній.

— А ты развѣ раздумалъ ѣхать?

— Нѣтъ, но я еще не говорилъ съ отцомъ и не знаю, какъ мы рѣшимъ. Во всякомъ случаѣ пріѣзжай готовымъ въ путь.

— Хорошо... до свиданья!

И Мамедъ уѣхалъ.

Возвратясь въ комнату, Ахметъ засталъ отца на тахтѣ, облокотившимся на подушку и пускавшимъ клубы табачнаго дыма.

— Ну, отецъ!—сказалъ онъ.—Здѣсь я покончилъ и завтра собираюсь выѣхать въ городъ. Не дашь-ли денегъ—онѣ мнѣ нужны... И прошу у тебя уже не три сотни, а цѣлыхъ пять!

— Но почему ты такъ спѣшишь?

— Важное дѣло: на слѣдъ попалъ!

— Что ты говоришь!

— Вѣрно.

— И ясный слѣдъ?

— Такой ясный, что яснѣе и желать не нужно.

— На кого этотъ слѣдъ указываетъ?

— Объ этомъ не спрашивай—это, пока, секретъ! Когда вернусь изъ города, тогда и узнаешь.

— Но что-же ты думаешь дѣлать въ городѣ?

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ съ тобою посоветоваться.

— Изволь, я готовъ!

— Вотъ что я думаю сдѣлать. Отыщу я въ Тифлисѣ какогонибудь адвоката и расскажу ему сказку. Сказка будетъ заключать въ себѣ всю мою исторію, но съ вымышленными именами. Главное стремленіе героя этой сказки будетъ заклю-

чаться въ открытіи истиннаго виновника злодѣянія... Для меня важно знать, что посовѣтуетъ адвокатъ?

— А по моему слѣдуетъ вовсе не такъ поступить, какъ ты говоришь—замѣтилъ Оруджъ-бекъ.

— А какъ-же?

— Если ты увѣренъ, что попалъ на истинный слѣдъ, то тебѣ слѣдуетъ явиться къ тому чиновнику, который велъ судебное слѣдствіе. Ты долженъ откровенно признаться ему во всемъ и при этомъ указать, кого именно ты подозрѣваешь. Впрочемъ, я не знакомъ съ судебными порядками и говорю это по крайнему своему разумѣнію. Во всякомъ случаѣ, мнѣ думается, что повинную голову не сѣкутъ и тебѣ дадутъ, пожалуй, льготы, не въ примѣръ другимъ, за то, что ты самъ стараешься отыскать виновника преступленія.

— Пожалуй, ты правъ.

— А если ты дѣйствительно хочешь, прежде чѣмъ затѣять дѣло, посовѣтоваться съ знающими людьми, то зачѣмъ тебѣ искать другого адвоката, когда у насъ есть Крупенинъ, прежній твой защитникъ? Онъ человѣкъ хорошій... Въ этомъ я убѣдился тогда, когда онъ старался тебя оправдать... Сколько онъ, бѣдняга, страдалъ, когда тебя осудили!.. Даже отъ вознагражденія отказывался и я едва-едва уговорилъ его взять деньги, которыя ему по договору причитались.

— И въ самомъ дѣлѣ! Онъ меня вѣдь знаетъ: передъ разборомъ дѣла въ судѣ онъ часто бывалъ у меня въ тюрьмѣ... Онъ, кажется, дѣйствительно хорошій человѣкъ. Пойду къ нему.

— А денегъ тебѣ я дамъ, только зря ихъ не бросай,—у меня ихъ немного.

— Будь покоенъ, отецъ, я знаю имъ цѣну.

Доставъ изъ внутренняго кармана бумажникъ, Оруджъ-бекъ вынулъ четыре радужныхъ и вручилъ Ахмету, а затѣмъ отсчиталъ пачку болѣе мелкихъ кредитокъ и, передавая, замѣтилъ:

— Тамъ у тебя четыре сотни крупными, а эта сотня мелкими бумажками...

— Благодарю, отецъ!—съ чувствомъ сказалъ Ахметъ.

— Пошли Аллахъ успѣха!

— Аменъ!—сказалъ Ахметъ и сталъ заворачивать бумажки въ платокъ.

— Въ какое время ты завтра рассчитываешь выѣхать?—освѣдомился Оруджъ-бекъ.

— Да такъ, послѣ полудня.

— Время неудобное, да еще съ деньгами...

— Со мной будетъ Мамедъ.

— Тогда другое дѣло! Значить, и онъ имѣетъ какое-нибудь дѣло въ городѣ?

— Нѣтъ, онъ только проводить меня, а потомъ приведетъ назадъ лошадь.

— Доброе дѣло... А въ городѣ гдѣ тебя отыскать, въ случаѣ если и мнѣ вздумается тамъ быть?

— Навѣрное пока не могу сказать, но, во всякомъ случаѣ, въ первой-же почтой напишу.

— А не забудешь?

— Ну, какъ можно!

— То-то, смотри...

И сказавъ это, Оруджъ-бекъ накрылся тулупомъ и легъ отдыхать.

Ахметъ же подѣлъ къ камину и, подбросивъ нѣсколько хворостинъ, сталъ досушивать свою мокрую одежду.

XV.

Къ утру небо очистилось и солнце ярко освѣщало мокрую землю.

Мамедъ пріѣхалъ къ обѣду.

Вскорѣ пріятели отправились въ путь.

Проводивъ всадниковъ, Оруджъ-бекъ расположился на балконѣ и задумался:

— „Чего только не бываетъ на свѣтѣ!“ — думалъ онъ. — „Пріѣхалъ родной сынъ и я не могу назвать его сыномъ, изъ опасенія навлечь на него кару. Каждую минуту я долженъ ждать, что вотъ-вотъ его откроютъ, арестуютъ и ушлютъ въ далекій, негостепріимный край... Да и мнѣ тогда не миновать тюрьмы за укрывательство... А впрочемъ, на все воля милосерднаго Аллаха...“

Пріятели уже миновали Оруджу и молча направлялись къ тому лѣску, который слылъ въ народѣ подъ названіемъ „дубковъ“. Доѣхавъ до начала этого лѣсочка, Ахметъ прервалъ молчаніе:

— Мнѣ хотѣлось-бы еще разъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ нашли Гассанъ-бека убитымъ... Впрочемъ, ты не можешь его знать,

такъ какъ во время происшествія тебя не было въ Оруджу-
ты, кажется, былъ въ то время въ Джелаль-оглы?

— Да. Но мѣсто мнѣ показывали.

— Мнѣ хочется внимательнѣе осмотрѣть лошину, которая
пересѣкаетъ дубки.

— За чѣмъ-же дѣло стало? Поѣдемъ туда.

Сказавъ это, Мамедъ стегнулъ свою лошадку и прибавилъ
шагу. Не болѣе какъ черезъ четверть часа, они были уже
предъ неглубокимъ оврагомъ, обросшимъ крупнымъ кустарни-
комъ.

— Стой! Вотъ оно, это мѣсто, не правда-ли?—сказалъ Ах-
метъ.

— Да,—подтвердилъ и Мамедъ.

— Убитый лежалъ вотъ напротивъ этого пня. Выстрѣлъ
былъ ему сдѣланъ въ спину. А такъ какъ онъ шелъ туда, то
убійца долженъ былъ скрываться по сію сторону оврага.

— Иначе и не можетъ быть,—сказалъ Мамедъ.

— Спрятаться въ этихъ кустахъ можно отлично. Но какъ
уйти изъ лѣса, не будучи замѣченнымъ на окружающихъ его
поляхъ? Вѣдь обыскъ сдѣланъ въ скорости, когда трупъ еще
не успѣлъ остыть. Я помню, что тогда окружили цѣпью весь
лѣсъ, а внутри ходили люди, партіями и въ одиночку, и обы-
скали почти каждый кустъ, но ничего не нашли. — Куда могъ
скрыться убійца?

— Да, это загадка.

— Подержи, пожалуйста, коня—я еще посмотрю оврагъ,—
сказалъ Ахметъ, спѣшиваясь и передавая поводья своему то-
варищу.

Ахметъ спустился въ оврагъ и скоро исчезъ за кустами
вьющихся растений, свѣшивавшихъ свои побѣги съ краевъ о-
врага на дно.

Прошло минутъ двадцать, а онъ еще не возвращался. Ма-
меду уже надоѣло сидѣть верхомъ и онъ сошелъ съ сѣдла. Не
въ это время показался Ахметъ.

— Усталъ!—говорилъ онъ подходя и вытирая потъ со лба.

— Что ты такъ долго?—спросилъ Мамедъ.

— Трудно тамъ лазить. Ну, да ничего! по крайней мѣрѣ
не даромъ ходилъ: нашелъ тамъ одно мѣстечко, которое
яснило мнѣ загадку.

— Какое мѣстечко?

— Цѣлое убѣжище, братецъ мой! И такое странное. Если
идешь по берегу, то ничего не видишь, кромѣ кустовъ ея

ки, свѣшивающихся до самаго дна оврага, а если пойдешь по дну, то увидишь только непроницаемый плетень изъ корней. Снаружи взглянуть — кажется, будто камень обросъ, а между тѣмъ, если раздвинуть эту живую занавѣсъ, то замѣтно углубленіе въ берегу.

— Что-же ты изъ этого заключаешь?

— Что убійца Гассанъ-бека скрывался тамъ, пока его разыскивали. Вотъ тебѣ даже доказательство того, что это мѣсто кѣмъ-то уже посѣщалось, — сказалъ Ахметъ, показывая товарищу позеленѣвшую, отъ времени и сырости, стрѣленную гильзу ружейнаго патрона.

— Да, — сказалъ Мамедъ, разсматривая гильзу и прибавилъ:

— Весьма возможно, что это та самая гильза, изъ которой былъ выпущенъ зарядъ въ Гассанъ-бека.

Затѣмъ пріятели сѣли на лошадей и до Шулаверъ ѣхали молча.

Въ Шулаверахъ они переночевали, а на утро выѣхали въ Тифлисъ, куда благополучно прибыли къ вечеру того-же дня.

Остановились они въ маленькой, грязной гостиницѣ „Неаполь“, гдѣ Мамедъ только переночевалъ, а утромъ, ссылаясь на спѣшность дѣла по подряду, поторопился выѣхать, уведя и свою лошадь.

XVI.

Живетъ Ахметъ въ Тифлисѣ уже другую недѣлю и, не смотря на такое продолжительное время, все еще не можетъ ничего предпринять въ отношеніи своего дѣла. Сначала ему нужно было переменить старый, Мамедовъ, костюмъ на новый, болѣе соотвѣтствовавшій росту и складу своей худошавой фигуры а на это потребовалось цѣлыхъ три дня, потому, что купленное готовое платье пришлось отдать азіатскому портному, для передѣлки. Затѣмъ надо было подыскать подходящую квартиру, такъ какъ въ той гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, жить ему было не по карману.

Ахмету нравился Александровскій садъ, гдѣ подъ тѣнью густыхъ, хотя еще не старыхъ, липъ можно было скрываться отъ солнечныхъ лучей, которые, несмотря на вторую половину сентября, все еще были чувствительны, въ особенности въ полдень. Сидя на скамьѣ, онъ припоминалъ иногда свою прошлую тифлисскую жизнь и эти деревья связывались у него съ воспоминаніями о праздничныхъ дняхъ, когда онъ, будучи вольно

опредѣляющимся, отпрашивался изъ казармъ и ходилъ подъ этими деревьями, высматриваѣ молодыхъ горничныхъ. Сколько онъ тутъ завязывалъ легкихъ интрижекъ и какъ ему тогда было весело! Теперь ужъ не то: не видно что-то хорошенькихъ и молодыхъ, а все какія-то старухи. Не слышать звонкаго молодого смѣха, а ведется только степенный, дѣловой разговоръ. Впрочемъ, и то хорошо, что люди, сидѣвшіе рядомъ съ нимъ, нисколько не мѣшали ему своими рѣчами и онъ спокойно могъ размышлять...

Въ свободное время Ахметъ отправлялся въ Александровскій садъ, гдѣ просиживалъ цѣлые часы на одной изъ отдаленныхъ скамеекъ въ тѣни липовыхъ деревьевъ. Однажды, покуривая свою трубку, онъ невольно подслушалъ здѣсь разговоръ двухъ мастеровыхъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ.

— Только что отъ мирового—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И что-же?

— Выигралъ дѣло!

— Я тебѣ говорилъ вѣдь, что Каспаръ Иванычъ молодчина! Ужъ если онъ взялся, то дѣло непременно выгоритъ, а не берется—значить, бросай!

— Да, братъ, голова!

— И вѣдь никогда-то онъ лишняго не запросить; только выставь ему закуску, да дай цѣлковый или два, и—шабашъ! А ужъ совѣтъ дастъ такой, что мое почтенье!

— Гдѣ-же ты его отыскалъ?

— Да въ томъ-же трактирѣ.

— У Ивана Григорьевича?

— Да.

— Ужъ это его пріютъ.

— Позвольте васъ спросить: кто такой Каспаръ Иванычъ? — вѣжливо вмѣшался въ разговоръ Ахметъ...

— Отставной чиновникъ,—отвѣтилъ одинъ изъ мастеровыхъ.

— Такъ онъ адвокатскими дѣлами занимается?

— Да... Прошеніе ли написать, въ судѣ ли похлопотать, законъ ли какой отыскать, совѣтъ ли дать—все это онъ можетъ!

— А какъ его фамилія?

— Ну этого не знаю.

— А гдѣ его можно отыскать?

— Въ русскомъ трактирѣ. Онъ всегда тамъ, съ утра до ночи.

— А гдѣ этотъ трактиръ?

— Да ты Солдатскій-то базаръ знаешь?

— Знаю.

— Такъ вотъ, когда пройдешь его, тамъ на углу спросишь и тебѣ его укажутъ... А что? Видно тоже по судамъ дѣло имѣешь?

— Да... Есть у меня одно... взысканіе,—лгалъ Ахметъ.

— Вотъ, вотъ... Это по его части. Онъ живо тебѣ все об-
работаетъ, только не пожалѣй угошенья!..

— Спасибо за совѣтъ.

„Схожу въ тотъ трактиръ!“— рѣшилъ Ахметъ и поднялся съ мѣста.

По дорогѣ онъ вспомнилъ, что русскій трактиръ ему уже былъ извѣстенъ. Будучи еще въ полку, Ахметъ посѣщалъ его со своими товарищами и теперь ему не стоило никакого труда найти пріютъ Каспара Ивановича.

Войдя въ трактиръ и выбравъ одинъ изъ столиковъ, стоявшихъ въ два ряда, въ длинномъ, какъ сарай, помѣщеніи, Ахметъ потребовалъ себѣ чаю.

Въ окружающей обстановкѣ не было почти никакихъ измѣненій: тотъ-же грязный деревянный полъ, тѣ-же выкрашенные темныя стѣны, увѣшанныя потемнѣвшими олеографіями; все тотъ-же буфетъ со стойкою, за которою красовалась широкая фигура трактирщика, съ краснымъ какъ, буракъ, лицомъ и объемистымъ брюхомъ. Эта широкая фигура представляла собой какъ-бы поясной портретъ, вставленный въ буфетъ, какъ въ раму, при чемъ фономъ служилъ высокій рядъ полокъ, уставленныхъ тѣсными шеренгами водочныхъ бутылокъ.

Въ дальнемъ концѣ помѣщенія, противъ буфета, стоялъ знакомый Ахмету деревянный диванъ, а предъ нимъ голый, круглый столъ.

Посѣтителей было немного: за двумя столами сидѣли маляры въ испачканныхъ красками одеждахъ. Они пили чай. За третьимъ сидѣлъ господинъ, въ сюртучной парѣ, за тарелкою съ битками и бутылкою вина. Далѣе четверо армянъ-купцовъ играли въ нарды, а у круглаго стола возсѣдалъ маленькій человѣчекъ, лѣтъ тридцати пяти, строчившій что-то на бумагѣ, съ ожесточеніемъ водя перомъ и, по временамъ, обращаясь съ вопросами къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ пожилому человѣку, въ синей бекешѣ.

Мальчикъ подаль Ахмету два чайника, стаканъ съ блюдцемъ и съ мелко наколотымъ сахаромъ.

Поставивъ все это на столъ, онъ хотѣлъ удалиться, но Ахметъ задержалъ его:

— Кто здѣсь Каспаръ Иванычъ?—задалъ онъ ему вопросъ.

— А вотъ тотъ, что пишетъ за круглымъ столомъ—отвѣчалъ мальчуганъ.

— Какъ-бы мнѣ съ нимъ переговорить?

— Сейчасъ узнаю.

Половой подошелъ къ маленькому человѣчку и, пошептавшись съ нимъ, возвратился къ Ахмету:

— Онъ сказалъ, что самъ придетъ къ вамъ, какъ только кончитъ дѣло.

— Ну, хорошо, подождемъ,—сказалъ Ахметъ и налилъ себѣ чаю.

Минутъ черезъ десять, человѣчекъ, дѣйствительно, подошелъ къ его столу и спросилъ:

— Вы меня желали видѣть?

— А вы—Каспаръ Иванычъ?

— Да.

— Дѣйствительно, я желалъ васъ видѣть. Мнѣ-бы хотѣлось съ вами посовѣтоваться...

Онъ поклонился.

— Только здѣсь, мнѣ кажется, намъ неудобно говорить.

— Перейдемте въ сосѣдную комнату—предложилъ Каспаръ Иванычъ и, велѣвъ половому перенести чай, самъ повелъ Ахмета въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ стояли такіе же столы, но посѣтителей не было.

И эта комната была знакома Ахмету: однажды, онъ завтракалъ здѣсь съ штабными писарями и запомнилъ рядъ портретовъ грузинскихъ и армянскихъ писателей, смутно рисовавшихся на мрачныхъ, плохо освѣщенныхъ стѣнахъ.

— Ну, я къ вашимъ услугамъ!—сказалъ Каспаръ Иванычъ, сядя по другую сторону стола занятаго Ахметомъ.

— Погодите... Не пропустите-ли намъ по рюмкѣ коньяку?

— Отлично!—отвѣтилъ маленькій человѣкъ, потирая руки.

— А закусить что прикажете?

— Все равно, что хотите.

— Шашлычка развѣ?

— Согласенъ.

— А вина пьете?

— Если есть—не отказываюсь.

— Ну и отлично... Эй, бичо!—крикнулъ Ахметъ и приказалъ прибѣжавшему мальчугану приготовить завтракъ.

Выпивъ двѣ рюмки коньяку, Каспаръ Иванычъ обратился къ Ахмету:

— Въ чемъ-же дѣло?

— Я хочу съ вами посовѣтоваться на счетъ чужого дѣла.

— Извольте, слушаю.

— Я являюсь, такъ сказать, негласнымъ посредникомъ между вами и однимъ близкимъ мнѣ лицомъ, а потому я-бы желалъ, чтобы разговоръ, который мы будемъ вести, остался-бы между нами.

— О, въ этомъ отношеніи можете быть совершенно спокойны...

— Въ такомъ случаѣ, слушайте: тотъ, кого это дѣло касается, бѣжавшій изъ мѣста заключенія арестантъ, но арестантъ невинно арестованный и желающій оправдаться. Онъ открылъ настоящаго преступника, видѣлъ неопровержимыя улики, но не знаетъ, какъ дѣйствовать, потому что ему самому приходится скрываться.

— Въ чемъ-же его обвинили?

— Въ убійствѣ человѣка.

— О!

— Да... Обвинили и приговорили къ каторгѣ, отъ которой онъ бѣжалъ.

— Вы говорите, что онъ нашелъ настоящаго убійцу?

— Да.

— Какимъ-же образомъ?

— Ему случайно пришлось видѣть документъ, принадлежащій убитому.

— Ну, это, положимъ, не есть еще основаніе... Документъ могъ попасть къ нему другимъ путемъ.

— Документъ касался интересовъ убитаго.

— Какой-же это документъ?

— Исполнительный листъ, выданный убитому, не задолго до дня преступленія. Взысканіе по этому листу должно было быть совершено съ должника, но послѣдній предупредилъ взысканіе, всадивъ пулю своему кредитору.

— А кто, или что, можетъ доказать, что убитый не получалъ денегъ по исполнительному листу?

— На листѣ нѣтъ никакой надписи.

— Это не важно. Нѣтъ-ли еще другихъ какихъ документовъ?

— Есть... Письмо адвоката, писанное на печатномъ бланкѣ, съ препровожденіемъ исполнительнаго листа...

— И это не важно. Тотъ, у кого въ настоящее время находятся документы, можетъ сказать, что нашелъ ихъ гдѣ-нибудь случайно.

— Вы думаете?

— Конечно... Да сами посудите: если-бы онъ совершилъ преступленіе съ цѣлью избавить себя отъ необходимости платить долгъ, то къ чему-бы онъ берегъ этотъ листъ?—Его первой мыслью, напротивъ, было-бы скорѣе уничтожить его, а не держать у себя. Не такъ ли?

— „Тысячу дьяволовъ! Почему мнѣ въ голову не пришло такое простое соображеніе?“—мысленно выругалъ себя Ахметъ и все-же спросилъ:

— Значить, вы не считаете этихъ бумагъ за улики?

— Какія же эти улики, помилуйте! Вы-бы, напримѣръ, нашли чьи-нибудь бумаги при такихъ-же обстоятельствахъ и что-же: васъ обвинили-бы въ преступленіи?

— Но то вѣдь были-бы *чужія* бумаги, а это листъ, по которому слѣдуетъ взыскать съ самого нашедшаго...

— Понимаю! Но бываютъ, вѣдь, и такія случайности... Скажите, —человѣкъ, хранящій бумагі, грамотный?

— Только по-татарски. По-русски же ни чуть.

— А когда нашли тѣло убитаго — были при немъ деньги?

— Были.

— Много?

— Тысячи четыре съ чѣмъ-то.

— А вексель на какую сумму?

— Три тысячи двѣсти.

— Ну вотъ, видите! Человѣкъ, котораго вы считаете убійцей, можетъ сказать, что уплатилъ убитому долгъ въ тотъ-же день и что всѣ бумаги, вмѣстѣ съ исполнительнымъ листомъ, даны ему самимъ кредиторомъ; что ему неизвѣстно было, по личной безграмотности, ни содержаніе, ни значеніе бумагъ.

Каспаръ Иванычъ досталъ папиросу и закурилъ. Потомъ налилъ себѣ вина и выпилъ, дождавъ шашлыкъ. Ахметъ понялъ, что Каспаръ Иванычъ не можетъ помочь ему и потому распрощался съ нимъ, предварительно расплатившись съ половымъ и далъ маленькому человѣчку трехрублевую бумажку, чего тотъ, повидимому, вовсе не ожидалъ, такъ какъ разсыпался въ благодарностяхъ и проводилъ новаго своего кліента до дверей.

Добравшись до своего номера, Ахметъ заперся, снялъ черкеску и, шагая изъ угла въ уголъ, 'сталъ обсуждат' высказанныя маленькимъ человѣчкомъ мнѣнія.

Ахметъ былъ принужденъ признаться себѣ въ основательности послѣднихъ.

XVII.

На слѣдующій день Ахметъ вздумалъ разыскать мѣдную лавку Аббаса-Кули съ цѣлью поближе взглянуть на торговлю Мамедова сосѣда и хотъ по ней составить себѣ какое-либо понятіе о характерѣ и образѣ жизни этого загадочнаго человѣка.

Зная, что мѣдники вообще группируются въ татарской части города—будучи и сами почти исключительно татарскаго происхожденія—Ахметъ направился къ Шайтанъ-Базару, самому многочисленному и шумному мѣсту въ Тифлисѣ, послѣ Солдатскаго базара.

Здѣсь преимущественно торгуютъ мусульмане: персіяне, татары, лезгины и прочихъ восточныхъ національностей люди. Старыя улицы въ этомъ мѣстѣ настолько узки, что не пригодны для большого скопленія народа, а, между тѣмъ, по нимъ день и ночь снуютъ разноплеменная и разноязычная толпа; съ ранняго утра и до поздней ночи гремятъ колеса экипажей, звонятъ сигналы конки, ревутъ караванные верблюды, кричатъ навьюченные ослы и т. п. Въ общемъ всѣ звуки сливаются въ невообразимый шумъ, напоминающій собою что-то адское *).

Въ одномъ изъ грязныхъ переулковъ, близъ этой площади, Ахметъ нашелъ мѣдную лавку Аббаса-Кули. Хозяина въ ней не было, но за прилавкомъ стоялъ рослый малый, лѣтъ девятнадцати, ловившій мухъ на стойкѣ.

- Чья это лавка?—спросилъ Ахметъ.
- Аббаса-Кули—отвѣчалъ парень.
- А самъ гдѣ онъ?
- Самъ въ деревню уѣхалъ.
- Давно?
- Давно уже! Двѣ недѣли.
- Когда же вернется?
- Ждемъ сегодня или завтра.
- А ты его помощникъ?

*) Шайтанъ—сатана.

— Да,—осклабился парень.
— Какія у него дѣла въ деревнѣ?
— Не знаю. Должно-быть съ отцомъ повидаться захотѣлъ!
— А жены у него нѣтъ?
— Какъ нѣтъ—есть, даже двѣ.
— Ну, значитъ, не съ отцомъ, а съ женами ему захотѣлось повидаться.

— Не думается мнѣ. Его деревенская жена не любя ему. У него здѣсь другая.

— Онъ имѣетъ свой домъ?
— Нѣтъ, квартиру нанимаетъ, здѣсь-же наверху... Да на что тебѣ хозяинъ?

— Дѣло есть.
— Заходи дня черезъ два, къ тому времени онъ пріѣдетъ.
— Хорошо, найду. Прощай!
— Прощай!—отвѣтилъ парень и опять напѣлился рукою на кучку мухъ, сѣвшихъ на прилавокъ.

„Однако, онъ долго сидитъ въ Оруджлу!“—подумалъ Ахметъ, переступая порогъ и выходя на улицу.

Ахметъ окинулъ взглядомъ верхній этажъ дома. Ему почему-то захотѣлось взглянуть на квартиру Аббаса.

Какъ-разъ надъ дверью мѣдной лавки, у окна, сидѣла молодая, красивая женщина, повязанная бѣлымъ платкомъ, Она, вѣроятно, была занята шитьемъ, потому что рука ея то появлялась, то исчезала за подоконникомъ.

Съ квартиры Аббаса Ахметъ перевелъ взоръ на другія окна фасада и замѣтилъ, что домъ большой, двухъэтажный и квартиръ въ немъ не мало. Ворота были открыты. Ахметъ заглянулъ во дворъ и увидѣлъ замкнутый съ всѣхъ четырехъ сторонъ прямоугольникъ, съ непрерывными балконами въ обоихъ этажахъ.

Среди двора какой-то персіянинъ разспрашивалъ дворника о квартирахъ.

— Большихъ нѣтъ. Есть въ три, въ двѣ и въ одну комнату,—говорилъ дворникъ-татаринъ.

— А почему идетъ одна комната?
— По десяти рублей въ мѣсяцъ.
— Это дорого.
— Не знаю, дорого или нѣтъ, только хозяинъ не велитъ отдавать за меньшую цѣну...

— Тебѣ кого, почтениѣйшій?—спросилъ дворникъ, завидѣвъ Ахмета.

— Чей этотъ домъ?—спросилъ послѣдній.

— Мирзы Эффендіева.

— Хозяинъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ въ другомъ домѣ, у Банныхъ воротъ.

— Спасибо... Прощай!

— Счастливаго пути!—отвѣтилъ дворникъ и опять заговорилъ съ персіяниномъ.

— „Зачѣмъ я спросилъ хозяина? На что онъ мнѣ? Фу, чортъ возьми, какъ это глупо!“—выругался Ахметъ, опять переходя на противоположную сторону улицы.

Какъ-будто невидимая сила влекла его туда. И та-же невидимая сила заставила его еще разъ взглянуть на окна квартиры Аббаса. На этотъ разъ взглядъ его встрѣтился съ лукавымъ взглядомъ хорошенькой женщины. Она улыбнулась ему и скрылась.

— „А прехорошенькая, чортъ возьми!“—подумалъ Ахметъ и вышелъ на главную улицу, ведущую къ Шайтанъ-базару.

Потолкавшись нѣкоторое время въ шумномъ водоворотѣ толпы, онъ около полудня зашелъ въ первую попавшуюся харчевню, которая оказалась мусульманской чайной и кухмистерской.

Въ это время дня весь рабочій и мастеровой народъ на одинъ часъ освобождается отъ своихъ занятій и идетъ обѣдать или же пить чай—что для нѣкоторыхъ почти одно и тоже, потому что весь-то обѣдъ ихъ заключается въ хлѣбъ и чаѣ. Семейные идутъ къ себѣ на квартиру; но такихъ не много. Большинство-же, пришлый народъ, идетъ въ трактирные заведенія, выборъ которыхъ зависитъ отъ личнаго вкуса.

Харчевня была полна рабочими: татарами и персіянами. Заняты были всѣ столы. За каждымъ изъ нихъ сидѣло по четыре, по пяти и по шести человѣкъ. На столахъ, какъ неизбѣжная принадлежность кейфа, красовался блестящій стеклянный кальянъ, эмѣподобный чубукъ котораго переходилъ изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, благодаря двумъ десяткамъ дымящихся кальяновъ, пространство между головами посѣтителей и потолкомъ было заполнено дымомъ такъ, что потолокъ казался скрытымъ въ туманѣ.

Въ сторонѣ отъ посѣтителей стоялъ прилавокъ, уставленный чайною посудой и блюдами азіатско-европейской кухни.

Запахъ варившихся и жарившихся кушаній до того былъ силенъ, что его не могъ преодолѣть даже запахъ табачнаго дыма. Благодаря этому, у Ахмета явился такой сильный позывъ къ ѣдѣ, что онъ готовъ былъ ѣсть прямо изъ котловъ.

Утоливъ голодъ, Ахметъ досталъ свою неразлучную трубку и, набивъ ее табакомъ, сталъ курить. Въ то-же время онъ думалъ о женщинѣ, видѣнной имъ въ окнѣ Аббасовой квартиры: она какъ живая стояла въ его воображеніи и, лукаво шуясь, улыбалась.

— „А что? Не нанять-ли и себѣ комнату въ томъ дворѣ?— подумалъ онъ.—Десять рублей не большія деньги—въ гости-ницѣ вдвое выходитъ... Завтра-же найму. Врагъ мой будетъ всегда передъ глазами и можно будетъ слѣдить за каждымъ его шагомъ. Да и ее могу каждый день видѣть... И опять лицо красивой молодой женщины мелькнуло въ его воображеніи.

Жирный обѣдъ вскорѣ оказалъ свое дѣйствіе: глаза Ахмета какъ-то сами собою стали суживаться и его начинало клонить ко сну...

Стукъ трубки, выпавшей изъ рукъ, возвратилъ Ахмета къ дѣйствительности:

Получивъ сдачу, онъ рѣшилъ возвратиться въ домъ Мирзы Эфендіева и нанять тамъ себѣ квартиру.

Дворникъ его встрѣтилъ съ улыбкою, какъ стараго знакомаго и повелъ показывать квартиры. Осмотрѣвъ три помѣщенія,—въ одну комнату каждое,—Ахметъ выбралъ себѣ одно изъ нихъ, во второмъ этажѣ, ближайшее къ лѣстницѣ и какъ разъ напротивъ квартиры Аббаса.

Комната была невелика, но для невзыскательнаго жильца вполне достаточна. Нужды нѣтъ, что свѣтъ проникалъ съ полутемнаго двора и при томъ чрезъ одно окошко—освѣщенія было довольно. Довольно было также и той мебели, которая находилась въ комнатѣ—некрашеннаго деревяннаго стола, двухъ стульевъ, одного табурета и желѣзной кровати. Нужно было только позаботиться о постели, которой у Ахмета вовсе не было.

— Какъ тебя зовутъ, братъ?—спросилъ онъ у сопровождавшаго его дворника.

— Джаффаромъ—отвѣчалъ послѣдній.

— Можешь-ли ты купить мнѣ постель?

— Отчего-же!

— Такъ вотъ тебѣ деньги, купи матрацъ, одѣяло и подушку... Сколько, по твоему, это будетъ стоить?

— Не менѣе рублей двадцати.

— Тутъ двадцать пять... Ну, да ничего: пять рублей пусть пойдутъ въ задатокъ за квартиру.

- А когда переѣдешь?
- Вѣроятно, завтра.
- Хорошо, я все приготовлю.
- Ты самъ изъ какихъ мѣстъ?
- Изъ Эривани.
- Давно тутъ служишь?
- Третій годъ.
- А ты семейный?
- Нѣтъ, одинокій—вдовецъ.
- Ну, да завтра!—сказалъ Ахметъ и ушелъ.

XVIII.

Прошло шесть дней съ тѣхъ поръ, какъ Ахметъ зажилъ на новой квартирѣ. Дѣло его еще ни на шагъ не подвинулось впередъ. Точно также не двинулись впередъ и его наблюденія надъ окнами Аббасовой квартиры, потому что онъ день-деньской сидѣлъ на стулѣ, у дверей своей мѣдной лавки, и наблюдалъ за проходящими. Дня три тому назадъ онъ даже окликнулъ Ахмета и спросилъ:

— Не ты-ли меня спрашивалъ?

Ахметъ догадался, что приказчикъ не преминулъ сообщить своему хозяину о его посѣщеніи и, застигнутый врасплохъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, я спрашивалъ, да только не тебя!

— А мой подручный говоритъ, что ты Аббаса-Кули спрашивалъ, а Аббасъ-то—я!

— Мнѣ другого Аббаса-Кули нужно было.

— А развѣ есть и другой?

— Есть.

— Что-же ты—нашелъ его?

— Нашелъ.

— Тоже мѣдью торгуетъ?

— Нѣтъ, серебряными издѣліями.

— Ну это, пожалуй... Изъ мѣдниковъ-то только одинъ Аббасъ и есть, это—я!

— Честь тебѣ и слава!—насмѣшливо сказалъ Ахметъ.

— Спасибо... А самъ ты чѣмъ промышляешь?

— По судамъ хожу.

— Судисься съ кѣмъ-либо или съ тобой судятся?

— Ни то, ни другое. По векселю взыскиваю.

— А искъ-то великъ?

- Три тысячи двѣсти рублей.
- Надѣешься, значить, выиграть?
- Еще неизвѣстно.
- Ты въ этомъ дворѣ, кажется, поселился?
- Да.
- А самъ-то ты откуда?
- Изъ Ганджи.
- А имя твое?
- Дебиръ.
- Будемъ, значить, знакомы!

И Аббасъ-Кули протянулъ свою костлявую руку, которую Ахметъ съ отвращеніемъ пожалъ.

Послѣ такого знакомства, заглядывать въ окно квартиры надъ мѣдною лавкою было безразсудно, а между тѣмъ образъ молодой татарки преслѣдовалъ его даже во снѣ.

— „Чортъ знаетъ, что такое!“—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—„Мало-ли я встрѣчалъ хорошихъ женщинъ и ни одна такъ меня не волновала, какъ эта сосѣдка“.—„А Сатина?“ вдругъ мелькнулъ въ глубинѣ его сердца упрекъ.

Однажды проходилъ по балкону Джаффаръ,—неся кому-то воду.

— „Зазову его, когда онъ вернется“ — рѣшилъ Ахметъ, давно уже собиравшійся разспросить у дворника про семейство Аббаса.

Заслышавъ шаги Джаффара, онъ постучалъ въ окно.

— Сюда, зайди ко мнѣ!—крикнулъ Ахметъ.

Джаффаръ не заставилъ себя ждать и вошелъ, немилосердно стуча солдатскими сапогами.

Забавна была наружность Джаффара. Широкое, квадратное лицо; изрядной величины носъ; широкій, чуть не до ушей ротъ, съ нависшей верхней губой; вмѣсто усовъ, рыжія щетки; вмѣсто бороды — рыжій щетинистый полумѣсяцъ; глаза оловянные.

Взглянувъ на постояльца, Джаффаръ спросилъ:

- Что прикажешь, ага?
- Присядь-ка вотъ на стулъ, да поговоримъ!
- Я постою.
- Нѣтъ, садись! Такъ лучше!

Джаффаръ послушно сѣлъ и вытянулъ шею, какъ гусь.

- Ты куришь?—спросилъ Ахметъ.
- Безъ этого нельзя.

— Ну такъ вотъ—табакъ! вотъ—трубка! закуривай!

— Трубку-то ужъ позволь мнѣ свою закурить.

Джаффаръ закурилъ и, польщенный вниманіемъ постояльца, счелъ своей обязанностью начать разговоръ:

— Скучно должно-быть тебѣ?

— Очень,—отвѣтилъ Ахметъ.

— Видно, холостой?

— Да, братъ.

— Холостому трудно живется, я знаю: самъ испыталъ, когда потерялъ жену... Теперь-то обжился, ничего!..

— Значить, обходишься безъ женщины?

— Совсѣмъ безъ женщины нельзя!... тянетъ!..

— А кстати, скажи, много женщинъ живетъ въ этомъ домѣ?

— А что въ нихъ толку, хоть ихъ много? Всѣ онѣ замужнія и не для нашего брата.

— А ты всѣхъ знаешь?

— Какъ-же мнѣ не знать!

— Вотъ, напримѣръ, напротивъ — чье это семейство?— Тамъ кажется ихъ двѣ: одна старая, а другая молодая?

— Молодая, это—жена мѣдника, а старая—ея мать.

— Къ нимъ ходитъ кто-нибудь изъ женщинъ?

— Ходятъ: одна сосѣдка, тоже молодая, потомъ—гадальщица, старуха.

— Что это за гадальщица?

— Такъ,—простая старуха, но гадаетъ говорить, по картамъ, чудесно... Должно-быть съ шайтаномъ знается!

— А нельзя ее пригласить сюда, чтобы она мнѣ погадала?

— Она ко всѣмъ ходитъ, кто ее позоветъ.

— Заведи-ка ты ее завтра ко мнѣ.

— Можно!..

— Вотъ тебѣ рубль за труды, а ей я самъ заплачу.

— На что мнѣ деньги? Напрасно.

— Бери, бери!—сказалъ Ахметъ.

— Не сходить-ли мнѣ теперь за ней?

— А пожалуй... Ну что-жъ, сходи! Я буду ждать!—сказалъ Ахметъ.

Джаффаръ выколотилъ въ каминъ золу изъ своей трубки и, засунувъ ее въ голенище, вышелъ.

— „А кажется я попалъ на хорошую мысль: — пригласить гадальщицу? Она можетъ все вывѣдать, высмотрѣть и шепнуть мнѣ, при случаѣ“...

XIX.

Спустя часть, вновь скрипнула дверь и вошелъ Джаффаръ, убѣждая также войти старуху, остановившуюся у порога.

— Да войди! Чего боишься? Ага не съѣстъ тебя.

— Не бойся, бабушка!—крикнулъ Ахметъ, желая ободрить старуху.

Та, наконецъ, рѣшилась и переступила порогъ.

Это была сгорбленная женщина, закутанная съ ногъ до головы полосатою синею чадрую.

Ахметъ приставилъ къ столу стулъ и, вѣстѣ съ Джаффаромъ, почти силою усадилъ старуху.

— Да ты сними свою чадру—не сглазимъ!—сказалъ Джаффаръ.

Старуха откинула конецъ чадры и сквозь образовавшееся отверстіе выглянули ея зеленоватые глаза, окруженные безчисленными клѣтками морщинъ смугло-желтой кожи. Тонкій и сухой носъ выглядывалъ только верхнюю свою частью.

— Какъ ее зовутъ?—тихо спросилъ Ахметъ Джаффара.

— Бамбазъ-ханумъ.

— Странное имя!

— Всѣ такъ ее зовутъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Ахметъ и повернулся къ старухѣ. —Такъ вотъ, почтеннѣйшая Бамбазъ-ханумъ, я слышалъ, что ты прекрасная гадалка.

— Кто тебѣ сказалъ?—спросила хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ старуха.

— Всѣ говорятъ! Да вотъ, первый онъ, нашъ дорогой Джаффаръ.

Джаффаръ ослабилъ свои желтые зубы.

— Откуда ему знать? — съ пренебреженіемъ произнесла старуха.

— Земля слухомъ, бабушка, полна!—замѣтилъ Джаффаръ.

— Вздоръ болтаютъ! Никакихъ чудесъ я не творю, а только предсказываю иногда по картамъ.

— Не всякому, вѣдь, это доступно!

— Зачѣмъ ты меня звалъ?—спросила старуха.

— Погадай мнѣ!

— Третьему здѣсь не мѣсто.

— Онъ сейчасъ уйдетъ.

— Ухожу, ухожу, бабушка, не беспокойся!—торопливо проговорилъ Джаффаръ и вышелъ.

— Ты, бабушка, здѣшняя?—прежде всего освѣдомился Ахметъ, когда остался съ глазу на глазъ со старухою.

— Нѣтъ, я тавризская!

— А давно здѣсь?

— Давно. Еще молоденькой переѣхала сюда съ покойнымъ мужемъ, да вотъ полвѣка здѣсь и живу... Тридцать лѣтъ, какъ овдовѣла!

— Дѣтей имѣешь?

— Былъ одинъ сынъ, да и тотъ рано померъ.

— А гадаешь давно?

— Да съ тѣхъ поръ какъ овдовѣла. Надо было чѣмъ-нибудь кормиться!

— Угадай-же, о чемъ я теперь думаю?.

— Не знаю. Положи монету:

— Какую?

— Серебряную!

— А бумажку нельзя?

— Нѣтъ, на бумажкѣ я не пробовала гадать.

— Ну такъ вотъ тебѣ абазъ.

— О чемъ тебѣ погадать?

— О чемъ я теперь думаю?

— Хорошо. Сядь на тотъ конецъ стола.

Пошаривъ у себя подъ чадрой, старуха вынула колоду картъ и костлявыми руками стала ихъ раскладывать кучками, крапомъ вверхъ. Всѣ эти кучки она группировала около трефоваго короля, который лежалъ въ серединѣ, рисункомъ вверхъ. Затѣмъ онъ видѣлъ, какъ она опять собрала всѣ карты въ кучу, снова ихъ перетасовала и стала вынимать изъ середины по одной картѣ и опять укладывать около короля. Когда была вынута изъ колоды трефовая дама, старуха отложила оставшуюся часть колоды и заговорила:

— Теперь слушай!

Ахметъ превратился весь во вниманіе.

— Карты говорятъ, что король недавно встрѣтилъ женщину, которая завладѣла его вниманіемъ. Она живетъ близъ короля, но король не можетъ видѣть ее безъ посторонней помощи. Теперь онъ ищетъ этой помощи! Король, это — ты, а женщина—ближайшая сосѣдка... Такъ-ли я говорю?

— Валлахъ! Вѣрнѣе ничего не можетъ быть! Значить и вправду ты волшебница?

— Слишкомъ громкое названіе!

— Какъ хочешь, а съ этихъ поръ я тебя не буду иначе называть! А чѣмъ кончится замысль короля?

— Положи еще монету.

Ахметъ досталъ другой двугривенный и положилъ на столъ, поближе къ старухѣ.

Та во второй разъ продѣлала раскладку картъ, и стала объяснять:

— Ей скучно жить... Ей мужъ не по сердцу и король легко вызоветъ взаимность, если не будетъ скупъ на подарки... Карты говорятъ, что ты меня хочешь сдѣлать своей повѣренной... Ну, этому не бывать!

— Почему-же?—спросилъ удивленный Ахметъ?

— Не могу! Стара стала для такихъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, кредитная бумажка, вложенная Ахметомъ въ колоду картъ, вызвала иныя рѣчи.

Старуха покачала головой, вздохнула и, обративъ глаза къ небу, прохрипѣла:

— Охъ, старость, старость! Развѣ попытаться? Ну, такъ и быть, для тебя тряхну старыми косточками! Но ты долженъ мнѣ сказать: кто ты? Какъ твое имя? Кого хочешь плѣнить?

— Я—бекъ; зовутъ меня Дебиромъ; имени той, которая мнѣ нравится, я не знаю, а знаю только то, что она прехорошенькая и замужемъ за сосѣдомъ Аббасомъ.

— А, знаю! Ее зовутъ Гюльбаной.

— Какое красивое имя!.. Устрой мнѣ овиданіе съ нею.

— Какъ-же это устроить?

— Это ужъ твое дѣло! А за подарками остановки не будетъ.

— Хорошо, я подумаю и завтра приду къ тебѣ съ отвѣтомъ. Только будь дома одинъ!

— Въ какое время придешь?

— Подъ вечеръ, какъ только начнетъ смеркаться.

— Буду ждать.

— А теперь прощай,—сказала старуха и, проворно собравъ карты, вышла.

XX.

Старуха Бамбазъ-ханумъ ошиблась въ расчетѣ. Молода сосѣдка Ахмета не только не вняла ея совѣтамъ, но даже запретила гадальщицѣ бывать у нея. Такимъ образомъ, Ахметъ

долженъ былъ оставить свои намѣренія относительно молодой женщины.

Однажды, прообѣдавъ, по обыкновенію, въ трактирѣ, онъ остался тамъ-же курить свою трубку. Вдругъ, за тонкой перегородкой, оклеенной обоями, скрипнула дверь, послышались шаги и вошли какіе-то люди. Судя по голосамъ, ихъ было двое. Первый голосъ показался Ахмету знакомымъ и онъ насторожилъ уши.

— Что ты такой сердитый? Опять не везетъ?—спрашивалъ одинъ.

— Не везетъ!—отвѣчалъ другой.

— Много проигралъ?

— Все!

— Неужели!.. А во что играли?

— Въ кости.

— Фу, какое несчастье! Что-же мы теперь будемъ дѣлать? Вѣдь и у меня всего два рубля осталось!

— Спустилъ, братъ, въ одномъ мѣстѣ!..

— Должно у русскихъ красотокъ?..

— У нихъ!

— Что такъ разошелся?

— Эхъ, не то-бы я еще далъ!.. Тамъ, братъ, такая есть штучка, что ей цѣны нѣтъ! — Одна бѣда: недоступна нашему брату. Хозяинъ — жидъ и такъ и этакъ къ ней — и лаской, и угрозами, — она и ухомъ не ведетъ. Выбрала себѣ какого-то молодого чиновника и возится съ нимъ!

— Надо думать, что всѣ деньги ты жиду оставилъ?

— Не бѣда... Аббасъ найдетъ, коли напомнимъ Гассанъ-бековское дѣло.

— Едва ли! Онъ и ухомъ не ведетъ,—знаетъ, что не онъ стрѣлялъ.

— За то онъ подговаривалъ и онъ-же деньги платилъ.

— Мало-ли что.

— Да развѣ такое дѣло не стоитъ болѣе двухъсотъ рублей?.. Вѣдь если-бы не помѣшали, онъ успѣлъ-бы обшарить карманы и все-бы взялъ себѣ!

— Тогда ты и могъ-бы требовать. А теперь что съ него взять, когда и самому-то ему достались ни къ чему не нужныя бумаги?

— Захочетъ—и теперь найдетъ.

— Да вѣдь у тебя отъ Мартиросовыхъ денегъ триста руб-

лей были, ровно половина того, что намъ досталось. Неужели всѣ спустилъ?

— Нѣтъ, не всѣ! Двѣсти рублей на уплату долга, а сотня разошлась по мелочамъ...

— Досадно, право! И отыгаться нельзя!

— Продай коня...

— А потомъ? Нѣтъ ужъ, покорный слуга!..

— Что-же дѣлать?

— Да придется, пожалуй, поступить по твоему...

— То-есть какъ это?

— Прижать Аббаса-Кули!..

— Конечно. Это самое вѣрное средство...

— Сегодня-же вечеромъ отправимся къ нему, а пока перейдемъ въ общую комнату и пообедаемъ. Я съ утра не ѣлъ ничего.

Выйдя изъ номера, говорившіе прошли по балкону, мимо окна, у котораго притаился Ахметъ. Онъ узналъ въ нихъ тѣхъ двухъ татаръ, которыхъ видѣлъ у р. Храма, во время купанья и которые называли себя Ибрагимомъ и Гассаномъ.

— „Такъ вотъ они, настоящіе-то убійцы!“—думалъ Ахметъ:—„Ихъ, значить, было трое: Аббасъ, какъ зачинщикъ и эти двое, какъ исполнители... Имъ помѣшали дочиста ограбить убитаго... Кто-же помѣшалъ? Вѣроятно, тѣ ребята, изъ нашего села, которыхъ я встрѣтилъ на дорогѣ?.. А что это за Мартиросовы деньги?.. Ба! Да Мартиросомъ зовутъ ограбленнаго, оруджлинскаго духанщика... Ну, теперь, попались голубчики!...“—чуть не вскричалъ Ахметъ, но увидя вошедшаго слугу-персіянина, сдержался.

— Кто тутъ былъ сейчасъ, рядомъ?—спросилъ онъ, указывая на сосѣдній номеръ.

— Не знаю, какъ ихъ зовутъ... Они уже третій день здѣсь живутъ. Должно быть деревенскіе, потому что пріѣхали на лошадахъ.

Выйдя изъ трактира, Ахметъ встрѣтился съ Каспаромъ Ивановичемъ, куда-то спѣшившимъ.

— А, здравствуйте, почтеннѣйшій! — вскричалъ тотъ, отступая два шага назадъ.

— Здравствуйте, Каспаръ Ивановичъ, мнѣ васъ-то именни и нужно!—сказалъ Ахметъ, пожимая его руку.

— Къ вашимъ услугамъ!.. Всегда готовъ служить!

— Намъ нужно поговорить наединѣ.

— Пойдемъ въ ту комнату! Тамъ кстати никого нѣтъ.

И оба вошли въ известную уже полутемную комнату трактира.

Тутъ Ахметъ передалъ ему разговоръ двухъ татаръ, слышанный имъ за полчаса передъ этимъ, не упоминая именъ ихъ.

Каспаръ Иваннычъ внимательно выслушалъ и, потерѣвъ руки, вскричалъ:

— Вотъ это дѣло! Отлично!—Мнѣ кажется, слѣдуетъ вызвать ограбленнаго духанщика, который уличить преступниковъ. Ихъ, конечно, арестуютъ и возникнетъ дѣло о вооруженномъ нападеніи и ограбленіи. Затѣмъ можно стороной намекнуть судебному слѣдователю, что эти-же мошенники, вмѣстѣ съ третьимъ, такимъ-то, причастны къ тому убійству. Слѣдователь, прежде всего, конечно, долженъ сдѣлать обыскъ у того, у кого хранится исполнительный листъ, а затѣмъ арестовать его самого и сказать, что на него донесли эти два разбойника. Тотъ всю вину свалить на нихъ. Ну а эти, разумѣется, не замедлятъ выдать его, какъ подстрекателя.

Обсудивъ еще нѣкоторыя подробности дальнѣйшихъ дѣйствій, Ахметъ и Каспаръ Иваннычъ разстались.

XXI.

На слѣдующій день, послѣ полудня, пріѣхали въ Тифлисъ вызванные телеграммою Ахмета: Оруджъ-бекъ, Мамедъ и Мартиросъ.

Когда пріѣзжіе размѣстились по своимъ караванъ-сарайскимъ номерамъ и Ахметъ остался съ глазу на глазъ съ отцомъ, между ними произошелъ откровенный разговоръ:

— Ну, сынокъ, рассказывай-же, какъ идутъ твои дѣла?

Ахметъ передалъ подслушанный вчера разговоръ двухъ бродягъ.

— Кто-же они?

— Ты ихъ знаешь. Это Союнъ и Кяримъ, которые встрѣтили меня на Храмѣ и назвались Ибрагимомъ и Гассаномъ.

— Какъ! Эти бродяги!.. Впрочемъ, отъ нихъ можно всего ожидать!

— Откуда они родомъ?

— Изъ Казахскаго уѣзда.

— А живутъ въ нашемъ?

— Нѣтъ, они не живутъ, а только наѣзжаютъ повременамъ.

- Ты, кажется, зналъ, что они промышляютъ разбоемъ?
- Да... нѣтъ... догадывался.
- Гдѣ ты съ ними познакомился?
- На дорогѣ, случайно, а потомъ встрѣчалъ ихъ нѣсколь-
ко разъ около своего хутора, когда они прогоняли скотъ.
- И ты не могъ ихъ изловить?
- Не было причины. Скотъ гнали чужой, неизвѣстно ко-
му принадлежащій.
- Ну, теперь имъ не сдобровать! Надо только поторо-
питься и показать ихъ Мартиросу...
- Иди, иди дружокъ! А когда управишься — приходи. Я
прилягу теперь отдохнуть съ дороги.
- Оставивъ отца, Ахметъ направилъ свои шаги въ ту ком-
нату, гдѣ помѣстились Мамедъ и Мартиросъ.
- Послушай, Мартиросъ!—сказалъ онъ, входя: — знакомы
тебѣ имена: Союнъ и Кяримъ?
- Не мало я знаю людей, которые носятъ эти имена.
- Эти грабители, которыхъ я тебѣ хочу показать, назы-
ваются: одинъ Союномъ, а другой Кяримомъ.
- Ахметъ повелъ своихъ собесѣдниковъ въ извѣстный намъ
трактиръ и тамъ сквозь щель въ тонкой перегородкѣ показалъ
имъ двухъ разбойниковъ.
- Мартиросъ взглянулъ и вздрогнулъ:
- Это тотъ самый, что опоражнивалъ мои карманы!—шеп-
нулъ онъ Ахмету.
- Сдѣлавъ знакъ Мартиросу и Мамеду, Ахметъ вышелъ въ
ихъ сопровожденіи на улицу и всѣ трое направились прямо въ
управленіе полицейскаго участка, гдѣ сообщили о своемъ от-
крытіи и просили пристава взять преступниковъ подъ стражу.
- Какъ-же мнѣ арестовать ихъ, ни съ того, ни съ сего?
Принесите записку отъ прокурора или слѣдователя, тогда мы
ихъ арестуемъ.
- Это долгая исторія!—замѣтилъ Ахметъ:—Они успѣютъ
бѣжать.
- Вы кто такой?—вдругъ обратился къ нему приставъ.
- Я—татаринъ, елисаветпольскій житель, Дебиръ-Кара-
манъ-оглы; вотъ мой паспортъ,—смѣло отвѣтилъ Ахметъ.
- Приставъ взялъ паспортъ и, замѣтивъ отмѣтку десятиг
участка, возвратилъ его, не говоря ни слова.
- А эти?—указалъ онъ на Мартироса и Мамеда.
- Эти вызваны мною, по телеграфу.
- Покажите телеграмму.

Къ счастью, Мамедъ захватилъ съ собою телеграмму, и поискавъ ее, подалъ приставу.

Тотъ прочелъ и задумался.

— Какъ вы узнали, что они именно грабители?

Ахметъ долженъ былъ еще разъ передать подслушанный въ трактирѣ разговоръ.

Опросивъ сначала, какъ и гдѣ совершенъ былъ грабежъ и на какую сумму, какъ зовутъ потерпѣвшаго, грабителей, котораго числа и мѣсяца случилось ограбленіе, приставъ, наконецъ, составилъ протоколъ и заставилъ всѣхъ троихъ подписаться подъ нимъ.

Потомъ, позвавъ дежурнаго городского, послалъ его привести еще четырехъ городскихъ и когда тѣ собрались въ канцеляріи, самъ отправился во главѣ ихъ въ притонъ разбойниковъ.

Оба поблѣднѣли и затряслись, когда увидали городскихъ и позади-ихъ Мартироса.

— Собака! гяуръ!—выругался Союнъ, скрежеща зубами.

— Жаль, что мы тебя не прикончили!—сказалъ духанщику Бяримъ.

Оба эти восклицанія были направлены по адресу Мартироса.

— Что они говорятъ?—спросилъ приставъ.

— Бранятся!—отвѣчалъ Мартиросъ.

— Берите, ребята, ихъ за рѣшетку. Да смотрите, не выпускайте! Кинжалы, револьверы, ружья—оставить въ канцеляріи. Да осмотрите у нихъ карманы, нѣтъ-ли тамъ еще какого-либо оружія... Ножи тоже отобрать!

Въ это время на дворѣ и на балконѣ собралась огромная толпа. Всякій заходилъ съ улицы посмотрѣть, кого это полиція арестовала.

Ахметъ и Мамедъ, затертые толпою, были очень довольны тѣмъ, что арестованные ихъ не видятъ.

Вскорѣ арестованныхъ увели и толпа разбрелась.

XXII.

Вечеромъ того-же дня всѣ четверо собрались въ комнатѣ Эруджъ-бека и пили чай.

Мартиросъ рассказывалъ, какъ арестованныхъ завели во дворъ участка и заперли въ секретную камеру.

— Приставъ сказалъ, что мнѣ слѣдуетъ явиться къ шула-

верскому судебному слѣдователю, а этихъ онъ завтра-же хочетъ сдать въ пересыльную тюрьму, откуда ихъ пошлютъ тоже въ Шулаверы.

— Зачѣмъ-же въ Шулаверы?—удивился Оруджъ-бекъ.

— Законъ такой; гдѣ случилось преступленіе, тамъ и должно вести слѣдствіе,—отвѣчалъ Мартиросъ.

— А твое дѣло развѣ въ Шулаверахъ разбирается?—спросилъ Ахметъ.

— Въ Шулаверахъ.

— Значитъ, тамъ ихъ и судить будутъ?

— Нѣтъ, судить здѣсь будутъ—сказалъ Мартиросъ.

Вскорѣ утомленные путники отправились спать. Ахметъ, пошептавшись наединѣ съ отцомъ, признался ему въ своей нерѣшительности и послѣдній самъ взялся повидать адвоката Крупенина.

Въ десять часовъ утра, на другой день, Ахметъ уже былъ въ караванъ-сараѣ и ждалъ отца. Тотъ пріѣхалъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Ну что?—спросилъ Ахметъ.

— Былъ у твоего защитника. Принялъ онъ меня отлично и я съ нимъ долго бесѣдовалъ. Хотя я плохо говорю по-русски, но онъ отлично понималъ меня. Когда онъ узналъ, что отыскались настоящіе преступники, то сталъ ходить по комнатамъ, потирая руки отъ удовольствія. Онъ непремѣнно желаетъ тебя видѣть и отъ тебя самого слышать то, что я ему передалъ. Если можешь, то сегодня-же вечеромъ иди къ нему. Онъ съ семи до девяти будетъ дома... Такъ и сказалъ...

Въ тотъ-же день, вечеромъ, Ахметъ пришелъ къ подъѣзду большого дома на Лабораторной улицѣ. Въ этомъ домѣ занималъ квартиру присяжный повѣренный Василій Николаевичъ Крупенинъ, у двери котораго позвонилъ Ахметъ. Отворилъ лакей имеретинъ и на вопросъ: „дома-ли Василій Николаевичъ?“—отвѣчалъ: „дома“.

— Какъ прикажете доложить?

Ахметъ затруднился немного отвѣтомъ, но потомъ нашелся и сказалъ:

— Скажи, что отъ Оруджъ-бека.

Минуты черезъ три лакей вернулся и ввелъ Ахмета въ кабинетъ адвоката.

Ахмету хотя и приходилось видѣть кабинеты батальоннаго и полкового командировъ, когда онъ былъ еще вольноопредѣляющимся, но такого, какой былъ у Крупенина, онъ никогда

не видывалъ. Книжные шкафы съ сотнями книгъ; этажерки съ многочисленными бездѣлушками; широкій сафьянный диванъ; роскошный письменный столъ съ кипами бумагъ и изящнымъ письменнымъ приборомъ, богатая висячая лампа, изящные под-свѣчники съ зажженными свѣчами, покойныя кресла, мягкій коверъ, во всю комнату, картины въ золоченныхъ рамахъ — все это показалось Ахмету верхомъ роскоши и изящества. Его глаза до того разбѣжались, что онъ не примѣтилъ хозяина, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ. Это былъ плечистый блондинъ, съ мягкимъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, роскошною, русою бородою и такими-же усами.

Замѣтивъ вошедшаго, Крупенинъ долго и внимательно всматривался въ его лицо и, не узнавъ, спросилъ:

— Кто вы такой?

— Неужели не узнаете, Василій Николаевичъ, стараго кліента Ахмета?

— Ахмета? Ахъ, да! Вашъ отецъ былъ у меня сегодня и говорилъ о васъ и о вашихъ мытарствахъ. Но онъ не предупредилъ меня о томъ, что наружность ваша измѣнилась до такой степени... Теперь только я нахожу въ васъ нѣкоторое сходство съ прежнимъ Ахметомъ... Садитесь, пожалуйста!—пригласилъ его Крупенинъ, указавъ на стулъ противъ себя.

Ахметъ сѣлъ.

— Отецъ вашъ мнѣ много говорилъ о вашемъ дѣлѣ, но, признаюсь; я плохо понялъ его. Вы свободно говорите по-русски и мы лучше поймемъ другъ-друга.

— Да, онъ мнѣ говорилъ это.

— Теперь позвольте васъ предупредить: я буду спрашивать васъ, а вы отвѣчайте откровенно на всѣ мои вопросы. Во мнѣ вы должны видѣть вашего друга и смѣло можете довѣрить мнѣ какія угодно тайны. Цѣль моихъ вопросовъ — уяснить до мельчайшихъ подробностей ваше дѣло и помочь вамъ, чѣмъ можно. Я вѣдь хорошо знаю, что васъ напрасно обвинили, но тогда я ничего не могъ сдѣлать, потому что все было противъ васъ. Теперь, какъ говоритъ вашъ отецъ, тайна преступленія, или, по крайней мѣрѣ, слѣды вамъ извѣстны и я буду радъ снова взяться за это дѣло, чтобы возстановить вашу честь и доброе имя... Но прежде скажите мнѣ: правда-ли то, что вы бѣжали?

— Правда.

— Не хорошо... Подъ какой-же фамиліей вы живете?

— Подъ фамиліей Караманова, паспортомъ котораго я пользуюсь.

— Расскажите мнѣ въ общихъ чертахъ все, что съ вами случилось послѣ объявленія вамъ судебного приговора, а именно: какъ вы жили на каторгѣ, какъ удалось вамъ бѣжать, какъ добрались сюда, какъ попали на слѣдъ убійцъ и что вы намѣрены теперь дѣлать?

Когда Ахметъ окончилъ свой рассказъ, Крупенинъ, заложивъ руки за спину, сталъ ходить по комнатѣ.

— Благодарю васъ за откровенность. Теперь все ваше дѣло представляется мнѣ въ новомъ освѣщеніи и при томъ въ высшей степени благоприятномъ для васъ. На мнѣ лежитъ нравственная обязанность вновь выступить вашимъ защитникомъ. Подайте прошеніе прокурору, съ изложеніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ вашему побѣгу... Можно написать, что васъ спасли неизвѣстные вамъ люди и привезли въ безпамятствѣ въ какой-нибудь китайскій портъ, гдѣ и бросили... А впрочемъ, къ чему лгать? И такъ ужъ довольно лжи на свѣтѣ... Ну, да я сумѣю написать!

— Я въ этомъ увѣренъ.

— И такъ, вы подадите прокурору прошеніе и васъ тотчасъ отведутъ въ тюрьму. Я-же постараюсь лично видѣться съ нимъ и просить его о томъ, чтобы нѣсколько облегчили вамъ пребываніе въ тюрьмѣ.

— А какъ вы полагаете: долго продлится это новое сидѣніе?

— Определеннаго ничего не могу сказать. Все зависитъ отъ скорости движенія переписки и веденія пересмотра дѣла. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что вамъ придется посидѣть не меньше полугода... А что?.. васъ пугаетъ тюрьма?

— Нѣтъ, не особенно.

— И мнѣ кажется, что она не должна васъ пугать, такъ какъ вы уже хорошо ознакомились съ нею и при томъ сидѣли невинно. Мнѣ передавали, что тюрьмы боятся только дѣйствительно преступные люди и новички.

— Полгода и даже годъ я готовъ сидѣть, лишь-бы дѣло не затянулось на многіе годы. Такъ когда-же прикажете явиться къ вамъ за прошеніемъ?—спросилъ Ахметъ поднявшись со стула.

— Заходите послѣ завтра, утромъ. Завтра я успѣю его изготвить, а послѣ завтра вы его подадите. Быть-можетъ, я-же подвезу васъ къ суду, гдѣ вы застанете прокурора.

Было половина одиннадцатаго. Оруджъ-бекъ не спалъ, ожидая съ нетерпѣніемъ сына.

— Какъ ты долго!—встрѣтилъ онъ его съ восклицаніемъ.

— Нельзя было раньше!—отвѣчалъ сынъ.

— Какъ тебя встрѣтилъ Крупенинъ?

— Отлично! Теперъ только я понялъ вполне, что это—прекраснѣйшій человѣкъ!

— Что-же онъ рѣшилъ?

— Во-первыхъ, ты долженъ дать ему довѣренность, отъ себя, на веденіе моего дѣла.

— Отчего-же я, а не ты?

Ахметъ улыбнулся.

— Ты забываешь, что я—человѣкъ, лишенный правъ.

— Да, да, правда! Ну, что-жъ! пусть напишетъ эту довѣренность, я готовъ подписать. А съ тобой что будетъ?

— Меня посадятъ.

— Рѣшено?

— Рѣшено только между мною и Крупенинымъ, и я еще не знаю, что скажетъ прокуроръ?

— Ты еще и къ прокурору будешь являться?

— Да, чтобы подать прошеніе... А гдѣ-же Мамедъ? Спитъ?

— Нѣтъ еще. Онъ только что вышелъ.

— Не бранить онъ меня за то, что я оторвалъ его отъ дѣла?

— Нѣтъ, ничего не говоритъ.

— Я напрасно его потревожилъ и теперь каюсь... Когда онъ хочетъ выѣхать?

— Завтра.

— А Мартиросъ?

— И Мартиросъ съ нимъ.

— Ты, конечно остаешься?

— Разумѣется!

— Сколько времени рассчитываешь здѣсь пробыть?

— Пока тебя не засажу!—засмѣялся Оруджъ-бекъ.

— О, это послѣ завтра-же будетъ исполнено!

— Тогда и я уѣду...

Отецъ и сынъ, разставшись, еще долго размышляли наединѣ о предстоявшихъ невзгодахъ, но за послѣдними вдали, какъ бы въ туманѣ, имъ рисовались лучшіе, счастливые дни.

XXIII.

Прошло два дня. Мартирость и Мамедъ уѣхали домой, въ Оруджлу.

Ахметъ подалъ прошеніе.

Все произошло такъ, какъ говорилъ Крупенинъ, т. е. прокуроръ принялъ отъ Ахмета прошеніе, прочелъ его съ большимъ вниманіемъ, а затѣмъ еще разъ перечелъ и сталъ разспрашивать Ахмета о нѣкоторыхъ подробностяхъ катастрофы у береговъ Сахалина и другихъ мелочахъ, извѣстныхъ уже читателю изъ предыдущаго.—Послѣ того онъ написалъ записку судебному слѣдователю и велѣлъ Ахмету итти къ нему съ этой запиской. Судебный слѣдователь въ свою очередь написалъ другую бумагу, къ тюремному начальству, призвалъ двухъ вооруженныхъ солдатъ и Ахмету приказано было итти въ тюрьму.

Оруджъ-бекъ, напутствуемый увѣреніями адвоката въ предстоящемъ благополучномъ исходѣ дѣла, отправился къ себѣ на хуторъ.

Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Мамедъ вернулся въ Оруджлу, изъ своей поѣздки въ Тифлисъ. Дѣла его были въ отличномъ состояніи. Онъ уже закончилъ поставку фуража, получилъ деньги и сидѣлъ теперь въ своей пріемной, или „кунацкой“ за расчетами и выкладками на счетахъ. Погода стояла хорошая и окна были открыты. Было очень тепло, несмотря на начало ноября. Напротивъ него, на диванѣ сидѣлъ, съ трубкой въ рукахъ, его отецъ, Неджефъ, нестарый еще человекъ, съ бритымъ подбородкомъ и черными усами. На немъ была нагольная шуба, вмѣсто черкески, и толстая татарская папахъ, изъ-подъ которой медленно струился потъ. Но, видимо, онъ такъ былъ заинтересованъ работою сына, что забылъ совсѣмъ про возможность снять папаху и шубу и тѣмъ избавиться отъ испарины.

— Вѣрно: одна тысяча сто двадцать два рубля!—вскричалъ Мамедъ, сбрасывая костяшки на счетахъ.

— Я ждалъ больше!—проговорилъ Неджефъ, усиленно посасывая чубукъ.

— Да оно и выйдетъ больше, если прибавить къ этому еще тѣ расходы, которые мы сдѣлали съ прошлаго года и до сего дня.

— А сколько ихъ? Тебѣ должно быть извѣстно.

— Сейчасъ посмотримъ,—сказалъ Мамедъ и началъ откладывать на счетахъ, заглядывая то и дѣло въ записную книжку.

— Ну вотъ!—обратился онъ къ отцу:—мною израсходовано двѣсти шесть рублей, да тебѣ разновременно передано семьдесятъ восемь... Итого, значить, двѣсти восемьдесятъ четыре рубля. Всего же чистаго у насъ съ тобой заработка: одна тысяча четыреста шесть рублей, изъ которыхъ на твою долю придется шестьсотъ двадцать пять, а на мою четыреста девяносто семь рублей. Посмотримъ теперь: такъ-ли въ наличности?

Съ этими словами Мамедъ досталъ изъ внутренняго кармана архалука толстую пачку кредитныхъ билетовъ. Пересчитавъ таковые, онъ выдѣлилъ шестьсотъ двадцать пять рублей и придвинулъ ихъ къ отцу, говоря:

— Получай!

Тотъ взялъ и пересчиталъ, разложивъ деньги на столѣ кучками, по сотнямъ.

— Вѣрно?—спросилъ Мамедъ, когда отецъ, окончивъ считать, вкладывалъ деньги въ сафьянный бумажникъ, вынутый имъ изъ-за пазухи.

— Вѣрно-то вѣрно, а со всѣми-ли ты расплатился?

— Кажется, со всѣми.

— Какъ-бы не пришлось приплачивать?

— Не беспокойся! Если будутъ какіе-нибудь мелочные платежи, то я тебя не стану беспокоить, а дамъ изъ своихъ.

— Что ты думаешь теперь дѣлать? Эту поставку мы выполнили какъ слѣдуетъ, а вѣдь надо и дальше трудиться...

— О будущемъ еще рано думать!

— Какъ рано?

— Такъ. Еще неизвѣстно, за кѣмъ торги останутся. Можетъ быть и не за нашимъ подрядчикомъ, а за другимъ?

— Нашъ не упустить!

— Кто знаетъ!

— Я знаю.

— Ну и отлично!.. Въ такомъ случаѣ поговоримъ съ нимъ

— Эхъ, деньги, деньги! чего только отъ нихъ не случается!.. Слыхалъ ты исторію съ твоимъ сосѣдомъ?

— Съ какимъ? У меня ихъ два?

— Съ Аббасомъ.

— А что?

— Съ недѣлю тому назадъ,—тебя не было дома—вдругъ, по селу раснеслась вѣсть, что въ домъ Аббаса-Кули наѣхало

начальство: судебный слѣдователь, приставъ съ чапарами... Потребовали нашего старшину и стали обыскивать домъ... Говорятъ, у него нашли въ сундукѣ много ворованныхъ вещей и какія-то важныя бумаги. Все это описали, запечатали сундукъ и отправили подъ конвоемъ въ Шулаверы.

— Что-же могло быть въ тѣхъ бумагахъ?

— Не знаю.

— Вѣрно по наговору обыскивали?

— Должно быть по наговору... Да еще новость!.. Его самого въ Тифлисѣ арестовали.

— Быть не можетъ!

— Не знаю,—такъ говорятъ!

— Отъ кого ты слыхалъ?

— Отъ духанщика Мартироса. А еще новость слыхалъ?

— Какую еще?

— Вѣдь твой товарищъ, Оруджъ-бековъ Ахметъ, воротился изъ Сибири.

— Откуда ты знаешь? —не безъ изумленія спросилъ Мамедъ.

— На базарѣ говорятъ!

— Что-же говорятъ про него?

— Говорятъ, что въ Сибири онъ задушилъ девять чловѣкъ часовыхъ и бѣжалъ въ Тифлисъ, а въ Тифлисѣ его поймали и опять посадили на цѣпь.

— Быть этого не можетъ!

— Не знаю, но такъ говорятъ.

— Это тоже Мартиросъ тебѣ передалъ?

— Нѣтъ, Юсюпъ, отецъ твоей сосѣдки.

— Откуда-жъ онъ узналъ?

— Онъ ѣздилъ въ городъ и былъ зачѣмъ-то въ тюрьмѣ.

Тамъ ему и показали Ахмета.

— Не вѣрь ему—вретъ!

— Да я и то не вѣрю... Сказалъ-же тебѣ потому, что онъ твой бывший товарищъ.

Мамедъ надѣлъ черкеску и сталъ подпоясываться.

— Куда ты?—спросилъ Неджефъ.

— Ты посиди здѣсь, а я схожу къ Оруджъ-беку.

— Его нѣтъ здѣсь. Онъ на хуторѣ!

— Ну, такъ я поѣду на хуторъ.

— Поѣзжай, если хочешь, а я пойду домой.

Неджефъ ушелъ, а Мамедъ, на-скоро осѣдлавъ лошадь

сказавъ женѣ, чтобы не ждала его раньше вечера, поѣхалъ на хуторъ Оруджъ-бека.

Послѣдній былъ дома, въ кунацкой, дверь которой была отворена.

Увидавъ Мамеда, онъ радостно его привѣтствовалъ:

— А! наконецъ-то! Вѣдь съ самага Тифлиса мы не видались!

— Да, давненько... Но я къ тебѣ не въ гости, а привезъ странныя вѣсти...

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—встревожился Оруджъ-бекъ.

Мамедъ передалъ ему базарные слухи и ждалъ взрыва годованія, какъ вдругъ Оруджъ-бекъ разразился хохотомъ.

— Они правду толкуютъ!—наконецъ, сказалъ онъ.

— Какъ правду? Что ты говоришь! Какихъ-же онъ девять человѣкъ задушилъ? Вѣдь онъ мнѣ все рассказалъ и никакихъ часовыхъ не душилъ, а только утопленники были...

— На счетъ часовыхъ базаръ вреть, а что касается тюрьмы, то слухъ вѣренъ—Ахметъ въ тюрьмѣ,

— Неужели!... За что его посадили?

— Сознался въ томъ, что убѣжалъ, его и посадили.

— Дуракъ!

— Почему-же дуракъ?—насмѣшливо спросилъ Оруджъ-бекъ.

— Да какъ-же не дуракъ?—Самому на себя донести—да развѣ человѣкъ съ умомъ сдѣлаетъ это?

— Успокойся, любезный другъ! Ахметъ знаетъ, что дѣлаетъ! Не пройдетъ и года, какъ онъ будетъ совсѣмъ оправданъ и освобожденъ.

— Неужели?

— Увѣряю тебя! Для того-то онъ и пошелъ добровольно въ тюрьму.

— Если такъ, то я напрасно погорячился... прости!... А еще одну новость слыхалъ!

— Говори!

— У Аббаса-Кули сдѣлали обыскъ и арестовали сундукъ съ какими-то бумагамъ и крадеными вещами, а самого его, говорятъ, упрятали въ тюрьму.

— Это я знаю! При мнѣ вѣдь пріѣзжали судебный слѣдатель и полицейскій приставъ.

— Въ чемъ-же замѣшанъ Аббасъ?

— Его выдали тѣ двое, которыхъ при тебѣ арестовали въ

Тифлисъ—Союнь и Кяримъ. Они показали на него, какъ на главнаго подстрекателя въ убійствѣ Гассанъ-бека.

— Гм... Теперь я понимаю...—сказалъ задумчиво Мамедъ.

— Что понимаешь?

— Когда Ахметъ гостилъ у меня, онъ все разыскивалъ какого-то человѣка съ такими примѣтами: *низенькій, ключконо-
сый, рыдѣнная борода*—а такого у насъ въ селѣ, кромѣ Аббаса, никого нѣтъ..

И Мамедъ передалъ Оруджу сцену предъ окнами его кунацкой.

Оруджъ-бекъ покачалъ головой и ничего не сказалъ.

Молчаніе длилось минуты двѣ, послѣ чего Оруджъ-бекъ спросилъ:

— Видишь ты жену Аббаса?

— Видѣлъ вчера.

— Что она, какъ?

— Ничего—поправляется.

— Теперь вѣдь и ей горе!

— Какое ей горе?

— Да вотъ,—мужа арестовали.

— Напротивъ, мнѣ кажется, она рада.

— Чему?

— Тому, что его сошлютъ... Тогда она будетъ свободна.

— Да развѣ они неладно жили между собою?

— Конечно, неладно... А ты развѣ не зналъ?

— Я вѣдь ее больше трехъ лѣтъ не видалъ, поэтому не мудрено не знать... А что твой подрядъ? — вдругъ перемѣнилъ разговоръ Оруджъ-бекъ.

— Кончился—отвѣчалъ Мамедъ.

— Хорошо заработалъ?

— Не особенно. Меньше, чѣмъ въ прошломъ году.

— И у меня работа замѣшкалась съ камнемъ... Едва-едва сдалъ.

— Убытка все-жъ таки нѣтъ?

— Убытка нѣтъ.

— Ну, а съ фруктами какъ?

— Ничего. Фрукты да шелкъ только и вывезли.

— Много продалъ?

— Фруктовъ вышло двѣсти пудовъ, а коконовъ пятьдесятъ.

Съ этими словами Мамедъ всталъ, распростился со старикомъ и отправился къ себѣ.

XXV.

Въ сельскомъ домѣ Оруджъ-бека жизнь шла иначе, чѣмъ у другихъ сельчанъ. Домомъ управляла жена Оруджа, —мачеха Ахмета—Маріамъ-ханумъ, какъ ее всѣ звали. Данное ей, при рожденіи, имя затерялось еще въ дѣтствѣ, когда она жила въ домѣ чиновника, въ семьѣ котораго воспитывалась. Въ этой семьѣ ее почему-то называли Маріамъ и имя это такъ и осталось за ней навсегда.

Смуглое, рябое лицо; коротенькій носъ, съ широкими ноздрями; выдавшіяся, калмыцкія щеки и острый подбородокъ—таковы были недостатки ея наружности. Зато черные, матовые глаза и правильный ротъ, складывавшійся всегда въ добродушную улыбку, придавали особенную прелесть ея внѣшности. Она была невысокаго роста, правильно сложена, съ быстрой походкой; имѣла маленькія, пухлыя руки, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи.

Контрастомъ ей являлись ея падчерницы: бѣленькія, чернобровыя и черноглазыя, съ малиновыми губками. Одна изъ нихъ по имени Зейла, была повыше ростомъ и имѣла черные волосы; другая, младшая, Кета, меньшаго роста, съ каштановыми волосами.

Всѣ трое помѣщались въ трехъ комнатахъ, составлявшихъ женскую половину дома. Она отдѣлялась отъ общей семейной половины сквознымъ корридоромъ, изолированнымъ глухой стѣной отъ послѣдней. Общая-же семейная половина состояла изъ двухъ комнатъ: столовой и спальни, которыя въ свою очередь отдѣлялись глухой стѣной отъ смежныхъ съ ними приемныхъ или кунацкихъ комнатъ.

Оруджъ-бекъ, занятый своимъ полевымъ хозяйствомъ, хуторомъ, мельницей и подрядами, рѣдко бывалъ дома и никогда не заходилъ въ женское отдѣленіе, боясь помѣшать занятіямъ своихъ дочерей.

Послѣ ссылки ихъ брата, Ахмета, новая бѣда стряслась надъ молодыми дѣвицами: невѣсту ихъ брата, а ихъ любимую подругу Сатину, силой выдали замужъ. Злой и скаредный отецъ ея, Юсупъ, заставилъ ее выйти за неизвѣстнаго ей и отвратительнаго торговца котлами.

Сатина быстро стала худѣть, поблѣднѣла и расхворалась, но возвращеніе Ахмета будто оживило ее; она искала случая

встрѣтись съ нимъ; когда-же Ахмета вновь заключили въ тюрьму, Сатина вздумала навѣстить Маріамъ - хануму, у которой не была уже около двухъ лѣтъ, и вывѣдать отъ нея что-либо объ Ахметѣ.

Маріамъ-ханумъ встрѣтила ее съ распростертыми объятіями и высказала радость по случаю ея выздоровленія.

— Какъ я рада, что ты стала поправляться!—говорила она.

— Благодарю. Я сама радуюсь—отвѣчала Сатина.

— Нужно тебѣ больше движенія.

— О, теперь я каждый день въ саду копаюсь!

— Это полезно!

— Гдѣ-же Зейла, Кета?

— Онѣ въ саду.

— А Оруджъ-бекъ?

— Уѣхалъ въ Тифлисъ.

— Надолго?

— Не знаю.

— Я съ тобою хочу переговорить наединѣ.

— Говори, здѣсь никого нѣтъ.

— Только ты меня не выдай!

— Ну, вотъ еще!

— Вѣдь онъ здѣсь.

— Кто онъ?

— Ахметъ.

Маріамъ-ханумъ изумилась.

— Въ умѣ-ли ты?

— Я говорила съ нимъ.

— Гдѣ?

— Въ домѣ Мамеда.

— Давно?

— Съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Не бредишь-ли ты?

— Нѣтъ.

— Какъ-же онъ попалъ сюда?

— Бѣжалъ.

— И даже отецъ не знаетъ?

— Нѣтъ, Оруджъ-бекъ знаетъ, Ахметъ у него на хуторѣ останавливался.

— Гдѣ-же онъ теперь?

— Въ Тифлисѣ.

— Онъ подъ своимъ именемъ сюда явился?

— Нѣтъ, подѣ чужимъ.

— Подѣ какимъ?

— Подѣ именемъ Дебира Караманова.

— А... Теперь для меня все ясно...

И Маріамъ-ханумъ стала разбирать бумаги въ коробкѣ, на столѣ. Вынувъ телеграмму, забытую Оруджъ-бекомъ, она прочла подпись и утвердительно кивнула головой.

— Это что?—спросила Сатина.

— Телеграмма Дебира Караманова.

— Что онъ пишетъ?

— Проситъ Оруджъ-бека пріѣхать и привезти Мартироса. Пишетъ, что грабители нашлись.

— Это должно быть тѣ, которые ограбили этого духанщика.

— Я ничего не знаю, эта телеграмма была къ мужу и онъ забылъ ее здѣсь...

— Скажи, по крайней мѣрѣ, что говорилъ тебѣ Ахметъ?—спросила Маріамъ-Ханума.

— Онъ напалъ на какой-то слѣдъ и хочетъ оправдаться.

— Ахъ, какъ-бы я желала этого!

— Только онъ проситъ держать это въ тайнѣ.

— Ну, конечно.

— Онъ скоро будетъ опять здѣсь.

— Онъ самъ сказалъ?

— Самъ.

— Тогда дай мнѣ знать.

— Хорошо-ли будетъ?

— Что-жъ тутъ не хорошаго?

— Станетъ сердиться на меня.

— Онъ ничего не узнаетъ.

— Хорошо... А теперь мнѣ пора.

— Спасибо, что зашла. Прощай! Поправляйся скорѣе!—крикнула въ догонку ей Маріамъ-ханумъ.

Базарную сплетню на счетъ Ахмета въ домѣ Оруджъ-бека узнали въ тотъ-же день, когда эта вѣсть достигла и до ушей Мамеда. Ее принесъ Багиръ, ходившій покупать табакъ. Багиръ передалъ эту сплетню Фатьмѣ, а Фатьма по секрету сообщила госпожѣ.

Вѣсть, что ея пасынокъ задушилъ девять человѣкъ часовыхъ, какъ громомъ поразила несчастную женщину. Весь день она не могла успокоиться и, какъ только мужъ пріѣхалъ съ хутора, она вбѣжала къ нему въ комнату:

— Скажи, пожалуйста, правда-ли, что Ахметъ бѣжалъ съ Сахалина?.. Правда-ли, что онъ задушилъ девять часовыхъ? Правда-ли, что его схватили и опять посадили въ тюрьму?

Оруджъ-бекъ расхохотался.

Подозрѣвая, что онъ черезчуръ много выпилъ коньяку и потому такъ легко отнесся къ ея вопросамъ, она внимательно посмотрѣла ему въ глаза и спросила:

— Понялъ ты мои слова?

Оруджъ-бекъ отмахнулся:

— Постой!.. Дай передохнуть!..

— Я не понимаю, что тутъ смѣшного!—обиженно воскликнула она.

— Не сердись, пожалуйста, я сейчасъ тебѣ объясню.. Ты не удивляйся, что я расхохотался... Эту сплетню сегодня я въ третій разъ слышу: утромъ—Мамедъ, потомъ—мулла, а теперь ты мнѣ ее передаешь...

— Такъ, значить, это неправда?

— Конечно, неправда!... То есть относительно часовыхъ, а остальное вѣрно.

И Оруджъ-бекъ подробно изложилъ предъ своей женой истинное положеніе дѣла.

— Къ чему было отъ меня скрывать?—задала она ему вопросъ.

— Къ тому, чтобы не тревожить ни тебя, ни дѣвочек...

— А развѣ это лучше, что мы получимъ съ базара свѣдѣнія, да при томъ такія, гдѣ вымысла больше, чѣмъ правды?

— Извини, пожалуйста... Въ этомъ я виноватъ.

— Не хорошо это. Вѣдь я тебѣ не чужая...

— Извини и перестань объ этомъ говорить.

Ему вообще тяжело было извиняться, да при томъ переть женой...

— Дѣвочки знаютъ объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Такъ ты-бы ихъ предупредила, на всякій случай, чтобы не вѣрили всякому вздору.

XXVI.

Уже вечерѣло, когда Мамедъ вернулся домой, послѣ свиданія съ Оруджъ-бекомъ на хуторѣ. Солнце только что зашло за дальнія горы, окрасивъ весь западъ въ багровый цвѣтъ. Вздохнувшій мальчикъ-слуга встрѣтилъ своего хозяина у воротъ и поспѣшилъ сообщить:

— Къ тебѣ было письмо.

— Кто принесъ?

— Чаушъ *).

— Гдѣ-же оно?

— Онъ назадъ унесъ и сказалъ, чтобы ты самъ за нимъ пришелъ въ правленіе. Онъ говорить, съ почты получено это письмо.

— Хорошо. Отведи лошадь и поставь къ яслямъ, а я схожу въ правленіе.

Черезъ четверть часа онъ уже возвращался домой, вертя въ рукахъ почтовый конвертъ. Кромѣ адреса, написаннаго по-русски, на немъ была еще приписка на татарскомъ языкѣ, которая гласила, что письмо должно попасть въ собственныя руки Мамеда Сулейманова. Мамедъ могъ-бы разорвать его и прочесть въ правленіи, но раздумалъ и несъ его нетронутымъ домой, гдѣ собирался прочесть его наединѣ, въ кунацкой.

Заглянувъ въ семейную половину и увидавъ свою жену за стиркой бѣлья, онъ не сталъ ее тревожить и ушелъ въ пріемную комнату, гдѣ зажегъ лампу и вскрылъ конвертъ. Изъ него выпалъ сложенный листъ почтовой бумаги, исписанный кругомъ по-татарски и другой заклеенный конвертъ, съ надписью, по-татарски-же: „передать Сатинѣ“.

— Это отъ Ахмета!—догадался Мамедъ и принялся читать посланіе своего друга.

Письмо начиналось призывомъ благословенія Аллаха и пожеланіемъ другу многихъ лѣтъ здравія и благополучія, далѣе Ахметъ писалъ:

— „Извини, братъ, что я до сихъ поръ скрывалъ отъ тебя мои дѣйствія. Къ этому понудила меня осторожность. И не только отъ тебя, но и отъ моихъ родныхъ я скрылъ все, что могло ихъ огорчить. Во-первыхъ, я тебѣ не сказалъ, уѣзжая, что собираюсь явиться къ начальству и что слѣдствіемъ этого должно быть для меня тюремное заключеніе. Теперь я уже въ тюрьмѣ и чувствую себя совершенно спокойнымъ, зная, что есть человѣкъ, который вскорѣ выведетъ меня отсюда. Ты представишь себѣ не можешь, какая каша заварилась по пересмотру моего дѣла, по обвиненію въ убійствѣ Гассанъ-бека. Всѣ судебные чиновники вострепнулись и съ великимъ усердіемъ начали пересматривать мое дѣло. Истинныхъ виновниковъ арестовали. Ты ихъ знаешь, это—Союнъ, Кяримъ и Аббасъ-Кули, твой сосѣдъ, у котораго при обыскѣ нашли исполнительный листъ,

*) Полицейскій разсмыслный въ деревнѣ.

выданный окружнымъ судомъ Гассанъ-беку, для взысканія съ Аббаса-Кули 3200 руб., и другіе документы, писанные не долго до дня убійства. Изъ арестованныхъ всѣ сознались, причемъ главнымъ руководителемъ этого убійства былъ Аббасъ-Кули, остальные-же были исполнителями его воли. Имъ не мinovать прогулки по той-же дорожкѣ, по которой я прогулялся. Слѣдствіе надъ ними еще не кончено. Я сижу опять въ Метехской тюрьмѣ. Здѣсь у меня много старыхъ знакомыхъ среди тюремныхъ надзирателей и другихъ служащихъ.!

Бываетъ у меня въ недѣлю два раза мой адвокатъ, Крупенинъ. Онъ сообщаетъ мнѣ ходъ дѣла.

Досвиданья! Если увидишь моего отца, передай ему поклонъ.

Домашнимъ я тоже пишу и объясняю имъ причины моей скрытности. Теперь мнѣ нечего скрываться. Я чувствую скорое и окончательное освобожденіе отъ всѣхъ мытарствъ.

Прилагаемое письмо прошу тебя лично передать Сатинѣ.

Твой другъ Ахметъ“.

XXVII.

Крупенинъ сдержалъ слово, данное Оруджъ-беку и еженедѣльно присылалъ письма на татарскомъ языкѣ, изъ которыхъ можно было почерпнуть точныя свѣдѣнія о ходѣ судебного слѣдствія, начатаго надъ обвиняемыми. Между прочимъ, онъ привелъ въ письмѣ показаніе Аббаса.

Вотъ оно:

— „Дѣйствительно—говорилъ Аббасъ—я принужденъ былъ убить моего кредитора Гассана. Онъ пять лѣтъ мучилъ меня, беря съ меня проценты по шестисотъ рублей въ годъ, за занятый мною у него капиталъ въ двѣ тысячи двѣсти рублей, на открытіе торговли мѣдной посудой въ Тифлисѣ.

Вексель былъ безсрочный, но словесно мы договорились, что я ему возвращу капиталъ не раньше, какъ по истеченіи шести лѣтъ. Въ послѣднее время, за годъ передъ смертью, онъ подалъ мой вексель ко взысканію и судъ присудилъ взыскать съ меня вышеупомянутыя деньги. Такой суммы у меня не было: весь товаръ въ моей лавкѣ не стоилъ и тысячи рублей, а въ наличности у меня находилось только полторы тысячи, ко торыя я предлагалъ Гассану, но отъ которыхъ онъ отказался, говоря, что не иначе хочетъ получить свой долгъ, какъ сполна, согласно исполнительному листу, выданному изъ окружного су-

да... Разговоръ этотъ происходилъ между нами въ Тифлисѣ, наканунѣ того дня, въ который Гассанъ-бекъ найденъ былъ убитымъ. Гассанъ-бекъ показалъ мнѣ при этомъ исполнительный листъ, который, вмѣстѣ съ другими бумагами, онъ постоянно носилъ въ грудномъ карманѣ архалука,—говоря, что если я въ теченіе недѣльнаго срока не заплачу, то онъ привезетъ пристава и опишетъ все мое имущество. Меня это уязвило и въ головѣ моей мелькнула мысль овладѣть исполнительнымъ листомъ... Я спросилъ: когда онъ будетъ въ Оруджлу?—Онъ отвѣтилъ, что собирается завтра утромъ. Я посоветовалъ ему прихватить съ собою исполнительный листъ, говоря, что, можетъ быть, соберу столько денегъ, чтобы расплатиться окончательно. Гассанъ-бекъ одобрительно кивнулъ головой и мы разстались...

Проѣзжая лѣскомъ, который находится верстахъ въ пяти отъ Оруджлу, я повстрѣчался съ двумя личностями: Союномъ и Кяримомъ, которыхъ зналъ раньше, какъ людей занимающихся темными дѣлами. Въ это время у меня явилась мысль воспользоваться этими молодцами для того, чтобы покончить съ Гассаномъ... Узнавъ, что они находятся въ крайней нуждѣ, я предложилъ имъ помочь, но съ условіемъ, чтобы они раздѣлились съ Гассанъ-бекомъ. Они живо согласились и я далъ имъ задатокъ въ десять рублей, обѣщая остальные сто девяносто рублей уплатить по окончаніи.

Мы выбрали мѣсто засады—въ дубовомъ кустарникѣ, въ тридцати шагахъ отъ дороги. Спустя часа два показался Гассанъ бекъ. Я толкнулъ своихъ товарищей и указалъ имъ на него. Тогда Союнъ, давъ пройти ему шаговъ двадцать впередъ, выстрѣломъ въ спину уложилъ на мѣстѣ. Я бросился къ убитому и, разстегнувъ архалукъ, досталъ изъ кармана знакомую мнѣ пачку бумагъ. Обшаривъ этотъ карманъ и не найдя больше ничего, я принялся за другой, но вдали послышались голоса и мы должны были скрыться. Я зналъ въ оврагѣ одно потайное мѣстечко, хорошо закрытое густою чащею кустовъ, и туда-то направилъ Союна и Кярима, давъ имъ остальные деньги, сто девяносто рублей. Самъ-же я между кустами отошелъ на довольно далекое разстояніе. Вскорѣ по дорогѣ повалилъ народъ изъ села. Я примкнулъ къ толпѣ. Пришли мы туда, гдѣ лежало тѣло убитаго и стали обыскивать сначала ближайшіе кусты, а потомъ весь лѣсъ. Я тоже принялъ участіе въ поискахъ, стараясь при этомъ отклонить вниманіе поселянъ отъ ямы, гдѣ сидѣли убійцы. Такъ мы блуждали въ лѣсу до поздняго вечера,

лосымъ птичьимъ хоромъ; степи покрываются сплошнымъ зеленымъ ковромъ, по которому щедрою рукою разбросаны бываютъ яркіе цвѣты... Въ маѣ все уже полно густою и темною зеленью; все кругомъ цвѣтетъ и воздухъ полонъ волнами аромата; небо становится сине голубымъ и въ его прозрачной вышинѣ не смолкаютъ трели жаворонковъ. Такъ продолжается до половины мая. Съ этого времени солнце становится знойнымъ и появляется масса мухъ и другихъ насѣкомыхъ; деревенскій житель Борчалинской равнины начинаетъ подумывать о томъ, чтобы перегнать свой скотъ на горныя лѣтнія пастбища (яйлагі). Кто имѣетъ много барановъ, рогатаго скота и лошадей, къ концу мая спѣшитъ на высоты.

Рѣка Храмъ, протекающая по всей равнинѣ, весною вздувается, кипитъ и пѣнится; нельзя тогда узнать въ этой мутной, бушующей массѣ воды того, осенняго Храма, съ бирюзовыми плесами, въ которомъ прошлою осенью купался Ахметъ.

Было около полудня, когда онъ въѣхалъ во дворъ отцовскаго дома. Не видя никого кругомъ, онъ самъ отвелъ лошадь въ конюшню и привязалъ ее къ яслямъ. Онъ вошелъ въ домъ и обошелъ всѣ комнаты, но тамъ также никого не встрѣтилъ. Затѣмъ онъ направился въ садъ.

— Зейла! Кета! Здравствуйте! Что вы, испугались? Это я, вашъ братъ!

— Да это Ахметъ!—радостно вскричала младшая и подбѣжала къ брату.

Въ это время Маріамъ-ханумъ возвращалась изъ черводни въ домъ и съ удивленіемъ остановилась, замѣтивъ своихъ падчерицъ съ какимъ-то мужчиной. Узнавъ его, она поспѣшила раздѣлить радость дѣвушкамъ.

— Ахметъ!.. Наконецъ-то!.. А какъ ты измѣнился! Что-жъ мы стоимъ тутъ! Пройдемъ въ домъ, тамъ отдохнешь!.. Ахъ, какъ жаль, что Оруджа нѣтъ! Вотъ-бы обрадовался старина!

— А гдѣ онъ?

— На мельницѣ!

— Скоро вернется?

— Сегодня вечеромъ.

— Какъ вы выросли! Какъ похорошѣли! — замѣтилъ Ахметъ, любуясь сестрами.

Тѣ улыбались и краснѣли отъ удовольствія.

— Да отпустите его! Онъ усталъ и ему надо отдохнуть съ дороги!—смѣясь сказала хозяйка падчерицамъ.

Къ вечеру пріѣхалъ и Оруджъ-бекъ.—Замѣтно было, что онъ очень утомился на мельницѣ. Но, когда онъ увидѣлъ сына, усталость какъ рукой сняло. Онъ оживился, улыбка не сходила съ лица его.

На другой день все село узнало о возвращеніи Оруджековскаго сына и дворъ наполнился массой знакомыхъ и любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на человѣка, невинно пострадавшаго и побывавшаго въ ссылкѣ въ далекихъ краяхъ. Тѣ, которые знали Ахмета, подходили къ нему, пожимали ему руки, поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и уходили. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Мамедъ, который обнялъ друга и шепнулъ ему:

- А я, братъ, на тебя сердить.
- За что?—спросилъ Ахметъ.
- За твою скрытность.
- Ну, что-жъ! Казни!—засмѣялся Ахметъ.
- И казню.
- Когда?
- Сегодня, предъ вечеромъ.
- Какъ?
- Это ужъ мое дѣло... Приходи ко мнѣ!
- Въ какое время?
- Такъ, около четырехъ—пяти часовъ.
- Хорошо, приду.

Мамедъ сдержалъ слово.

Когда Ахметъ пришелъ къ нему вечеромъ въ домъ, никого изъ хозяевъ дома не было, ни въ пріемныхъ, ни въ семейныхъ комнатахъ. Но предъ Ахметомъ предстало чудное видѣніе: посреди комнаты стояла та-же красавица Сатина, какую зналъ Ахметъ лѣтъ пять тому назадъ... Въ глазахъ блестѣли слезы... слезы радости, а губы улыбались, открывая рядъ жемчужныхъ зубовъ.

— Ахъ, какъ ты похорошѣла! — вырвалось у Ахмета невольное восхищеніе.

Сатина не могла говорить отъ волненія.

- Что-жъ ты ничего не скажешь?—спросилъ Ахметъ.
- Ты теперь свободенъ?—едва произнесла она.
- Да, дорогая моя, совершенно свободенъ!
- Какъ я рада!

— Только тебя мнѣ не достаетъ для полного счастья... Я писалъ тебѣ...

— Ахъ, Ахметъ, какое счастье, если это сбудется!

— Никто и ничто теперь не можетъ помѣшать намъ, моя дорогая!

— А родные?

— Они рады.

— О, если-бы скорѣе!

Ахметъ не выдержалъ и обнялъ свою возлюбленную. Она не сопротивлялась...

Болѣе часа провели они въ комнатѣ Мамеда.

— Пора мнѣ уйти!—замѣтила Сатина.

— погоди еще!

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Мамедъ сказалъ, что онъ только на одинъ часъ отлучится къ отцу.

— А гдѣ остальные: хозяйка, братишка его?

— Они тоже у отца и останутся тамъ ночевать. Только Мамедъ придетъ... Прощай!

— Завтра увидимся?

— Я приду къ твоей мачехѣ!—шепнула она на ухо Ахмету и выбѣжала изъ комнаты.

Вскорѣ на крыльцѣ послышались шаги и въ комнату вошелъ Мамедъ.

— Что казнилъ я тебя? Нашелъ ты здѣсь свою плаху? Ну, такъ склони-же надъ ней свою голову... Такова, видно, судьба!..

— Да, спасибо тебѣ... Такъ казнять только искренніе друзья!..—вскричалъ Ахметъ, обнимая своего друга.

В. К—нъ.

Развитіе учебнаго дѣла на Кавказѣ и въ бывшемъ царствѣ грузинскомъ въ XIX в.

(Окончаніе).

IV.

Въ 1879 году Я. М. Невѣровъ оставилъ постъ попечителя Кавк. уч. округа. На его мѣсто былъ назначенъ т. сов. К. П. Яновскій. Вступивъ въ управленіе Кавказскимъ учебнымъ округомъ, К. П. Яновскій прежде всего обратилъ вниманіе на улучшеніе методовъ преподаванія различныхъ предметовъ гимназическаго курса. „Успѣхъ преподаванія каждаго предмета,—писалъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ отчетовъ,—зависитъ не только отъ количества времени, посвящаемаго на него, но еще болѣе отъ *качества* самого преподаванія. Подтвержденіемъ можетъ служить тотъ фактъ, что ученики успѣваютъ лучше не по тѣмъ предметамъ, на которые назначено много уроковъ, но по тѣмъ, которые хорошо преподаются, хотя-бы на эти предметы назначено было сравнительно меньшее число уроковъ“. Въ виду этого, по распоряженію К. П. Яновскаго, въ Тифлисѣ учреждены были, подъ предсѣдательствомъ окружныхъ инспекторовъ, комиссіи изъ преподавателей преимущественно тифлисскихъ учебныхъ заведеній, для улучшенія преподаванія: въ 1879 году—чистописанія, въ 1880 году географіи, въ 1881 году—древнихъ языковъ и въ 1883 г.—новыхъ

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 10.

языковъ ¹⁾ Преподаватели, привлеченные къ этой живой работѣ, отнеслись къ дѣлу съ большимъ интересомъ и добросовѣстностью, чему свидѣлствуютъ статьи ихъ, напечатанныя въ отчетахъ этихъ комиссій. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что эти отчеты не только въ то время, когда они появились, но и теперь могли-бы служить прекраснымъ руководствомъ для всякаго начинающаго педагога.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ впервые былъ поднятъ вопросъ о связи между отдѣльными предметами гимназической программы. Отсутствие единства въ преподаваніи справедливо было найдено однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ гимназическаго обученія. И недостатокъ этотъ проявлялся не только въ разобщенности преподаванія отдѣльныхъ предметовъ между собою, но и въ отсутствіи связи въ сообщеніи знаній по одному и тому же предмету. Комиссія обратила серіозное вниманіе на то обстоятельство, что при такомъ преподаваніи ученики не могутъ усваивать знаній иначе, какъ механически, исключительно одною памятью. Комиссія пришла къ заключенію, что вопросъ о *развитіи въ ученикахъ самостоятельности* можетъ быть подвинутъ впередъ только въ такомъ случаѣ, если преподаваніе будетъ сведено съ этой дороги, т. е. перестанетъ быть отрывочнымъ и разрозненнымъ, рассчитаннымъ исключительно на механическое усвоеніе знаній учащимися посредствомъ памяти, такъ какъ самостоятельность можетъ развиваться только посредствомъ сопоставленія и сравненія вновь изучаемаго факта съ однородными, прежде извѣстными фактами, посредствомъ приведенія новаго свѣдѣнія, на пути слѣдованія мысли отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, въ связь съ пріобрѣтенными свѣдѣніями. Разсматривая вопросъ о связи между отдѣльными предметами и о примѣненіи методовъ сравненія и сопоставленія, комиссія съ особымъ интересомъ остановилась на вопросѣ о сравнительномъ методѣ изученія языковъ.

Отчетъ о занятіяхъ комиссій по улучшенію преподаванія древнихъ языковъ былъ изданъ въ 1882 году, а въ слѣдующемъ году появился въ печати и „Отчетъ о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія новыхъ языковъ“, представляющій большой томъ въ 558 страницъ ²⁾.

¹⁾ Отчеты о занятіяхъ этихъ комиссій, вмѣстѣ съ весьма интересными и добросовѣстно составленными статьями преподавателей, напечатаны въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ за 1879, 1881, 1882 и 1883 гг.

²⁾ Приведемъ здѣсь списокъ статей, приложенныхъ къ этому отчету:

Свой взглядъ на приемы преподаванія новыхъ языковъ попечитель Округа выразилъ въ инструкціи, написанной для руководства комиссіи, въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ упражненіе учениковъ въ процессѣ безсознательнаго чтенія на иностранномъ языкѣ, по утомительности и вредному вліянію его на мыслительныя и даже физическія способности дѣтей, не должно быть допускаемо, то поэтому не слѣдуетъ-ли, прежде обученія дѣтей чтенію, подготовить ихъ къ пониманію того, что они будутъ читать, и приучить ихъ къ правильному выговору и произношенію словъ и фразъ, находящихся въ статьяхъ, предназначенныхъ для первоначальнаго чтенія?“

Далѣе попечитель Округа намѣчаетъ тотъ путь, котораго долженъ преподаватель держаться въ такой предварительной работѣ, рассчитанной на цѣлое полугодіе:

„Учитель долженъ ознакомить учениковъ, посредствомъ своихъ вопросовъ и ихъ отвѣтовъ, съ окружающими предметами, ихъ качествами, дѣйствіями и состояніями, сперва на русскомъ, а потомъ на чужомъ языкѣ. Когда всѣ ученики, или почти всѣ, въ состояніи будутъ связно изложить описаніе класса, тогда учитель способомъ, подобнымъ предыдущему, доводитъ ихъ до описанія гимназіи, реальнаго училища, города а также и описанія другихъ предметовъ, какъ, напр., учебныхъ вещей, мебели, платья, домашнихъ животныхъ и проч., словомъ, тѣхъ предметовъ, съ которыми чаще всего приходится дѣтямъ имѣть дѣло. Затѣмъ учитель можетъ безъ труда приступить къ занятіямъ съ ними по изученію и тѣхъ простѣйшихъ статей, которыя будутъ для нихъ предметомъ первоначальнаго чтенія“... ¹⁾.

Къ участию въ трудахъ комиссіи по преподаванію новыхъ языковъ были привлечены и преподаватели провинціальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изъ всѣхъ поступившихъ въ комиссію мнѣній отмѣтимъ мнѣніе преподавателя Темиръ-Ханъ-

„О преподаваніи новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“—*Н. Каравасва*; „Краткая замѣтка о преподаваніи новыхъ языковъ“—*А. Стадлина*; „О преподаваніи нѣмецкаго языка въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ“—*Е. Гана*; „Словообразование французскаго языка“—*Е. Нарбута*; „Объ отношеніи русской литературы къ западно-европейскимъ литературамъ“—*Н. Каравасва*; „О психологическомъ методѣ преподаванія“—*Г. Дрбогла*; „Урокъ французскаго языка по методу Циллера“—*М. Елаусъ*; „Объ отношеніи франц. языка къ латинскому“—*Н. Каравасва*; „Къ вопросу объ отношеніи франц. языка къ лат.“—*И. Иванничаго*.

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь только небольшой отрывокъ изъ обширнаго „Предложенія“ К. П. Яновскаго.

Шуринскаго реального училища г. Барсова ¹⁾. Ссылаясь на авторитетъ Бенеке, г. Барсовъ признаетъ только одинъ путь для правильнаго изученія языка (указанный и въ „Предложеніи“ попечителя округа): дѣйствовать на слухъ дѣтей, ибо слуховыя ощущенія предпочитательнѣе зрительныхъ“ ²⁾. По его мнѣнію, преподаватель долженъ, по возможности, вести урокъ на изучаемомъ языкѣ, а не на русскомъ. Это послѣднее условіе необходимо для установленія непосредственной связи слова съ ощущеніемъ предмета, непременно находящагося передъ глазами. Родной языкъ имѣетъ въ сознаніи живость красокъ и яркость очертаній оригинальной картины; звуки-же инородные ложатся въ немъ какъ блѣдныя тѣни, слабыя копіи. И это оттого, что родной языкъ изучается при помощи пособій, вполнѣ наглядныхъ, какъ указательный жестъ, голосъ говорящаго, самый предметъ. Чужіе-же языки въ школѣ изучаются обыкновенно уже менѣе нагляднымъ способомъ: ихъ элементы доходятъ до сознанія не непосредственно, а при содѣйствіи родного языка. Вотъ это-то содѣйствіе,—заключаетъ г. Барсовъ,—и желательнѣе было-бы устранить, насколько возможно. Къ родному языку, при обученіи иностраннымъ, нужно прибѣгать только въ крайности ³⁾.

Съ мнѣніемъ г. Барсова, съ нѣкоторыми измѣненіями въ формѣ изложенія, согласуются мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ одиннадцати среднихъ учебныхъ заведеній округа ⁴⁾.

Приведенными выдержками изъ протоколовъ двухъ комиссій мы и ограничимся. Этого вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель составилъ себѣ ясное представленіе о характерѣ дѣятельности кавказскихъ педагоговъ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

V.

Теперь постараемся прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Кавказскомъ Учебномъ Округѣ за послѣднія 20 лѣтъ прошлаго столѣтія. При этомъ, для удобства читателя, мы не станемъ вдаваться въ подробно-

¹⁾ Авторъ методики по русскому языку „Живое Слово въ преподаваніи русскаго языка“.

²⁾ Подробности см. въ Отчетѣ Комиссіи, 1883 г., стр. 25.

³⁾ Подробности (весьма интересныя) см. *ibidem* стр. 26—27.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 28.

сти, ограничимся лишь самымъ существеннымъ. Начнемъ съ начальныхъ училищъ.

До начала 80-хъ годовъ почти всѣ начальныя училища въ краѣ были подчинены губернскимъ дирекціямъ народныхъ училищъ, находившимся въ ближайшемъ и непосредственномъ вѣдѣніи попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа. Съ 1884 года, согласно „Положенію о церковно-приходскихъ школахъ“, Высочайше утвержденному 13-го іюня этого года, часть начальныхъ народныхъ училищъ, именно всѣ церковныя православныя школы и школы Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, изъяты были изъ вѣдѣнія управленія Кавказскаго Учебнаго Округа и были переданы въ вѣдомство Св. Синода.

Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, какъ поставлены въ настоящее время на Кавказѣ церковно-приходскія школы и въ какой степени выполняютъ онѣ назначеніе народной школы. Вопросъ о преимуществахъ того или другого типа школъ (церковныхъ и министерскихъ) является спорнымъ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о раздѣленіи сферъ вліянія на народную школу на Кавказѣ между представителями Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства православнаго исповѣданія разрѣшился, по крайней мѣрѣ со стороны внѣшней, мирно. Далеко не такъ мирно разрѣшился вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ армяно-григоріанскаго исповѣданія.

До первой половины 80-хъ годовъ армянскія церковныя школы тоже находились въ общемъ подчиненіи попечителя Кавказскаго Учебнаго округа, но подчиненность эта по закону была опредѣлена очень не ясно и не точно, а фактически ея и совсѣмъ не существовало; армянское духовенство пользовалось почти полной независимостью. Въ началѣ 1884 года для этихъ школъ были изданы новыя правила, Высочайше утвержденныя 16-го февраля 1884 года, въ силу которыхъ за этими школами хотя и была оставлена ихъ прежняя самостоятельность въ томъ смыслѣ, что они должны были находиться на попеченіи и подъ непосредственнымъ руководствомъ приходскаго армянскаго духовенства, но съ нѣкоторыхъ сторонъ самостоятельность эта была ограничена правомъ вмѣшательства въ жизнь и дѣятельность этихъ школъ высшей учебной и даже общей гражданской

¹⁾ Большой интересъ представляетъ полемика по этому вопросу между газетою „Кіевлянинъ“ и кіевскимъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ г. Георгіевскимъ. См. № 264 этой газеты за нынѣшній годъ.

власти на Кавказѣ. Къ такимъ ограниченіямъ относились: право наблюденія со стороны учебнаго начальства за преподаваніемъ въ школахъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, право требовать обязательнаго обученія въ школахъ русскому языку и преподаванія исторіи и географіи Россіи, гдѣ таковое полагалось, тоже непременно на русскомъ языкѣ и по учебнымъ руководствамъ, одобреннымъ Министерствомъ, или, по крайней мѣрѣ, попечителемъ округа; право вмѣшательства, наконецъ, попечителя учебнаго округа и главноуправляющаго гражданскою частью на Кавказѣ въ дѣло назначенія и увольненія должностныхъ лицъ по этимъ школамъ. Вслѣдствіе того, что армянское духовенство отнеслось несочувственно къ этимъ реформамъ, всѣ существовавшія тогда армянскія церковныя школы, число которыхъ простиралось до 200, объявлены были закрытыми. Съ 1886 г. армянское духовенство начинаетъ снова открывать эти школы, изъятія въ 1888 году совершенно изъ списковъ начальныхъ училищъ округа. Въ 1887 году цифра этихъ школъ достигла 116, а черезъ 9 лѣтъ, т. е. въ 1896 году, ихъ было уже 240. Въ 1896 году г. Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ всѣхъ такихъ школъ въ вѣдѣніе дирекцій народныхъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа. Такъ какъ армянское духовенство отказалось отъ выполненія этого распоряженія, то школы снова были объявлены закрытыми и цифра упала съ 240 до 28. 2-го іюня 1897 года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе о передачѣ всѣхъ безъ исключенія церковно-приходскихъ армянскихъ училищъ въ вѣдѣніе дирекцій народныхъ училищъ, и въ томъ-же году было открыто всего 5 церковно-приходскихъ школъ, а остальные не возобновили своей дѣятельности. Въ 1898 году число ихъ увеличилось, но пока общая цифра ихъ всетаки очень не велика—не выше 36 школъ.

Интересно посмотрѣть, какъ увеличивались денежные средства народныхъ школъ въ послѣдніе годы прошлаго вѣка. Къ прилагаемой таблицѣ, въ круглыхъ тысячахъ рублей, показаны ежегодныя цифры поступленій на содержаніе ихъ.

1893.	1894.	1895.	1896.	1897.	1898.
982,500	болѣе 1 милл.	1,140,000	1,216,000	1,464,000	1,798,000

Если-же взять максимальную среднюю цифру стоимости одной школы, то окажется, что въ среднемъ министерскія школы Кавказскаго учебнаго округа являются значительно лучше въ матеріальномъ отношеніи обеспеченными, нежели большинство такихъ же школъ въ Россіи. Прилагаемая таблица наглядно покажетъ это.

Среднее годовое содержаніе школъ:		
На Кавказѣ въ 1888—1898 г.		Въ остальной Россіи къ 1 января 1899 г.
Каждою однокласнаго училища	98 ² руб.	689 руб. 67 коп.
Каждою двухкласнаго училища	2,757 „	2,049 „ 40 „

При этомъ средняя годовая стоимость обученія одного ученика на Кавказѣ—18, 1 руб., а въ остальной Россіи—12 р. 30¹/₂ коп. Въмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное обезпеченіе кавказскаго народнаго учителя значительно превышаетъ таковое же учителя во внутреннихъ губ. Россіи, что даетъ возможность привлекать къ службѣ на Кавказѣ больше количество лицъ, съ соотвѣтствующимъ педагогическимъ цензомъ. Такихъ лицъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было 54%, а въ 1898—95%.

Увеличеніе денежныхъ средствъ для содержанія народныхъ училищъ Кавказа сопровождалось разносторонними улучшеніями въ общемъ строѣ училищъ и давало возможность русской школѣ на Кавказѣ съ каждымъ годомъ приобрѣтать все болѣе и болѣе довѣрія и сочувствія со стороны мѣстнаго населенія. Что касается числа учащихся въ кавказскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, то оно за послѣдніе 20 лѣтъ XIX вѣка значительно увеличилось, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Число учащихся обоюго пола.			
1878 г.	1888 г.	1893 г.	1898 г.
41,103	51,529	60,889	114,764

Теперь перейдемъ къ низшимъ мужскимъ и женскимъ училищамъ. Къ этому разряду относятся: изъ мужскихъ—городскія училища и горскія школы, изъ женскихъ—Маріинскій училища, изъ профессиональныхъ—разнаго рода промышленныя и ремесленныя школы и мореходные классы.

Городскія училища появляются на Кавказѣ одновременно съ изданіемъ общаго положенія о нихъ, т. е. съ 1872 года, когда было открыто первое такое училище въ Тифлисъ при учительскомъ институтѣ. Къ 1888 году всѣ бывшія уѣздныя училища въ краѣ были преобразованы въ „городскія“. Общее число ихъ въ 1899 году—45, а число учащихся въ нихъ равнялось 11,863. Общая сумма, поступившая на содержаніе этихъ училищъ за послѣднее 20-тилѣтіе XIX вѣка, составляетъ 4,267,442 руб. Увеличеніе этой суммы шло прогрессивно: съ 115,056 р., поступившихъ на эти училища въ 1878 г., за 20 лѣтъ она возрасла болѣе чѣмъ втрое и въ 1899 году равнялась 381,397 р., причемъ болѣе половины указанныхъ поступленій—получены были отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. е., иными словами, изъ средствъ Государственнаго Казначейства.

Для распространенія образованія собственно среди горскаго населенія Кавказа съ начала 60-хъ годовъ учреждались такъ называемыя „горскія“ школы. По составу учебныхъ предметовъ ихъ курса и по объему преподаванія ихъ, часть этихъ школъ приближается къ типу бывшихъ уѣздныхъ училищъ, а часть—просто начальныя народныя училища. Общее число такихъ школъ было всегда не велико, именно, всего 5 школъ *). Въ свое время эти школы сослужили добрую службу дѣлу образованія горныхъ кавказскихъ племенъ, но въ послѣднее время, какъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, такъ и въ сознаніи мѣстной учебной власти, образовательное значеніе этихъ школъ упало и признается необходимымъ преобразованіе ихъ въ учебныя заведенія иного типа, преимущественно характера профессиональнаго, въ школы техническія или сельско-хозяйственныя. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ школахъ за послѣднія 20 лѣтъ обучалось 4,500 учениковъ, изъ которыхъ половину составляли горцы.

Изъ профессиональныхъ училищъ въ Кавказскомъ округѣ въ 1878 г. существовало только два ремесленныхъ: Владикав-

*) Въ Нальчикѣ, Грозномъ, Назранѣ, Сухумѣ и Майкопѣ. Послѣдняя въ 1899 г. преобразована въ низшее механико-техническое училище.

казское и Ставропольское. Этотъ типъ школы обратилъ на себя преимущественное вниманіе К. П. Яновскаго. Взглядъ его на значеніе профессиональнаго образованія для мѣстнаго населенія подробно выраженъ въ одномъ изъ его отчетовъ. Приведемъ здѣсь главнѣйшія его соображенія. „Профессиональное образованіе, техническія знанія,—писалъ попечитель,—могутъ быть распространяемы среди мѣстнаго населенія, какъ при посредствѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, такъ и специальныхъ училищъ. Первый способъ представляется наиболѣе удобнымъ, а потому и желательнымъ¹⁾. Говоря далѣе объ очень значительной стоимости содержанія специально профессиональныхъ училищъ (на каждое въ годъ потребовалось-бы не менѣе 3,000 руб.), попечитель приходитъ къ заключенію, что только рѣдкія поселенія смогутъ принять на себя столь значительный ежегодный расходъ, тѣмъ болѣе, что населеніе должно давать въ то-же время средства и на содержаніе общеобразовательныхъ народныхъ училищъ. Къ этому нельзя не присовокупить еще и слѣдующаго. Ученики, прошедшіе специальную школу, какъ показываетъ опытъ, не находятъ соотвѣтственныхъ заработковъ себѣ на мѣстѣ, въ деревняхъ, и уходятъ въ городъ и разные другіе промышленные центры, а мѣстная деревня не только ничего не выигрываетъ, но даже теряетъ съ уходомъ этихъ специалистовъ. Но задачу правительства составляетъ не ослабленіе, а усиленіе производительности деревни и этого можно достигать въ настоящее время только путемъ введенія при разныхъ общеобразовательныхъ школахъ учебного вѣдомства профессиональныхъ занятій, которыя, сообразно средствамъ школъ, могутъ быть организуемы различно.

Указавъ, наконецъ, на необходимость открытія новыхъ специально-профессиональныхъ школъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Учебнаго Округа, попечитель заключаетъ, что тѣ „спеціальныя заведенія, объ учрежденіи которыхъ возбуждено ходатайство, вмѣстѣ съ уже существующими, окажутъ несомнѣнныя услуги, какъ прямо населенію, такъ и прочной постановкѣ разныхъ профессиональныхъ занятій при общеобразовательныхъ школахъ, которымъ онъ придаетъ особенно важное значеніе“¹⁾.

Идея К. П. Яновскаго объ устройствѣ профессиональныхъ занятій при общеобразовательныхъ школахъ во многихъ мѣстахъ на Кавказѣ осуществляется.

Профессиональныхъ же школъ въ Кавказскомъ Учебномъ

¹⁾ Отчетъ попечителя Кавк. Уч. Окр. за 1894 г. стр. 163—168.

Округъ пока только 17. Принимая во вниманіе территоріальный объемъ округа,—говоритъ въ своей статьѣ г. Поповъ, — который значительно превосходитъ, напр., Пруссію, надо полагать, что профессиональныхъ школъ для Округа сверхъ тѣхъ, какія онъ имѣетъ въ настоящее время, потребуется еще очень-очень много, въ числѣ которыхъ потребуется нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній этого типа и, пожалуй, хотя одно высшее¹⁾.

Маріинскія женскія училища. Заботясь о приумноженіи городскихъ училищъ и разнаго рода профессиональныхъ школъ для распространенія какъ общаго, такъ и техническаго образованія въ средѣ мужского населенія низшихъ и бѣднѣйшихъ городскихъ сословій, управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа не упускало изъ вида въ то же время и интересовъ образованія женщины этихъ же сословій. Въ этихъ интересахъ, за послѣднія 10 лѣтъ, имъ было открыто въ Округѣ 5 женскихъ училищъ, очень сходныхъ, по составу и объему своего учебного курса, съ мужскими городскими училищами. Эти „Маріинскія училища“ существуютъ въ Батумѣ, Карсѣ, Шушѣ, Темрюкѣ и Хони. Составъ учащихся въ этихъ школахъ по національностямъ распределяется слѣдующимъ образомъ: большинство составляютъ ученицы-армянки (37%), за ними идутъ русскія (32%), потомъ грузинки (20%) и, наконецъ, ученицы другихъ національностей (11%); меньшинство составляютъ татарки (0,5%). Наибольшую сословную группу между воспитанницами Маріинскихъ училищъ составляютъ дѣвочки изъ городскихъ сословій.

До сихъ поръ мы говорили собственно о народной школѣ. Чтобы закончить этоть отдѣлъ нашей статьи, намъ остается сообщить нѣкоторыя, существенныя, свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ подготовляются преподаватели кавказской народной школы. Главнымъ изъ нихъ является Александровскій Учительскій Институтъ. Это учебное заведеніе, открытое въ 1872 г., за послѣднія 20 лѣтъ сдѣлало большіе шаги въ своемъ развитіи и въ настоящее время достигло того благосостоянія, какого только можно пожелать для учебного заведенія подобнаго типа. Въ 1899 г., напр., библіотека Института заключала въ себѣ 25,370 томовъ; общая стоимость библіотеки, вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ и другими учебными пособиями, выразилась въ этомъ году въ весьма крупной цифрѣ 67,256 рублей.

¹⁾ „Русская школа“ 1901 г. Февраль, стр. 71. Подробности дѣятельности ремесленныхъ школъ, см. у г. Попова (*ibidem*, стр. 71—73).

На содержаніе Института въ 1899 году издержано было 44,854 руб., что въ 11 разъ превышаетъ годовой бюджетъ этого учебнаго заведенія за 1878 г.

Кромѣ этого учебнаго заведенія въ Округѣ существуютъ еще 4 учительскихъ семинарій. Старѣйшая изъ нихъ, Кубанская, открыта въ 1871 г., Закавказская—въ 1876 г., Эриванская и Кутаисская—въ 1881 г. Содержаніе каждаго изъ этихъ учебныхъ заведеній обходится казнѣ и нѣкоторымъ казачьимъ обществамъ, заинтересованнымъ въ ихъ существованіи, немногимъ меньше, чѣмъ содержаніе Учительскаго Института.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній о положеніи учебнаго дѣла.

Число средне-учебныхъ заведеній:

	1878 г.	1888 г.	1900 г.
Мужскихъ гимназій . .	4	8	12
„ прогимназій . .	6	3	1
Реальныхъ училищъ . .	3	8	10
Женскихъ гимназій . .	5	9	17
„ прогимназій . .	3	7	7

Число учащихся въ мужскихъ средне-уч. заведеніяхъ:

1878 г.	1888 г.	1900 г.
4,253	5,599	13,279

Число учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ:

1878 г.	1888 г.	1900 г.
2,457	4,031	9,627

Всего же учащихся во всѣхъ 1902-хъ учебныхъ заведеніяхъ Округа въ 1900 году состояло 168,646, изъ коихъ 12,403 мужск. пола и 43,243 женск. пола. Расходъ, произведенный управленіемъ Округа въ 1900 году на содержаніе всѣхъ учеб-

ныхъ заведеній края выразился въ солидной цифрѣ 5,476,573 рубля.

Изъ указаннаго общаго количества учащихся на бывшее царство грузинское (Тифлисскую и Кутаисскую губ.) приходится 54,022. По національностямъ общее число учащихся на Кавказѣ распадается слѣдующимъ образомъ:

Русскіихъ	82,193 (48,8%);
Грузинъ (разныхъ племенъ).	32,330 (19,2%);
Армянъ.	31,108 (17,5%);
Татаръ	5,556 (3,2%);
Горцевъ.	5,006 (2,9%);
Евреевъ. „	2,224 (1,3%);
Другихъ національностей	10,229 (6,1%).

Такимъ образомъ, всѣхъ закавказскихъ туземцевъ (грузинъ, армянъ, татаръ и горцевъ) насчитывается въ учебныхъ заведеніяхъ округа 74,000 (43,8%), причемъ отдѣльно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ эти туземцы составляютъ 42,8%, въ низшихъ 59,7%, въ частныхъ и начальныхъ 42,1% общаго числа учащихся. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ увеличилось число грузинъ (на 10%) и горцевъ (на 16%), вообще же число туземцевъ увеличилось на 9%.

Сопоставляя число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Округа съ количествомъ населенія въ краѣ, получаемъ, что на каждые 10,000 жителей приходится учащихся 179, т. е. приблизительно въ 8—9 разъ меньше, чѣмъ должно-бы быть при обязательномъ школьномъ обученіи. Въ наилучшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся губерніи: Черноморская (511), Кутаисская (251) и Тифлисская (210) и область Кубанская (239).

Нашъ очеркъ развитія учебнаго дѣла на Кавказѣ былъ-бы не полонъ если-бы мы не упомянули еще объ одной сторонѣ въ дѣятельности бывшаго попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Мы имѣемъ въ виду научное изданіе, выходящее отъ времени до времени въ свѣтъ отдѣльными книгами, подъ заглавіемъ: „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Недавно вышелъ 29-й выпускъ этого изданія.

Громадное значеніе имѣетъ привлеченіе къ участию въ трудахъ для Сборника народныхъ учителей, въ особенности изъ

туземцевъ, которые, живя на мѣстѣ продолжительное время и иногда зная ту или другую мѣстность съ дѣтства, могутъ сообщать вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, не говоря уже о томъ, что участіе въ трудахъ для изданія „Сборника“ пріучаетъ ихъ сознательно относиться къ окружающей обстановкѣ и обогащаетъ ихъ сѣренькую жизнь, внося въ нее научные интересы.

В. Романовскій.

Замѣтка объ армянскомъ монастырѣ въ Венеціи на о-вѣ св. Лазаря и краткій историческій очеркъ Ар- меніи и ея литературы.*)

(Къ 200-лѣтію основанія конгрегаціи мхитаристовъ).

В. Лажгуа. Перев. А. Сипягина.

Oui, c'est un de ces lieux, où notre
cœur sent vivre
Quelque chose des cieux, qui flotte
et qui l'enivre!
V. Hugo. Feuilles d'automne, XXXIV.

(О к о н ч а н і е).

Исторія Арменіи и ея литературы съ древнихъ временъ до на-
шихъ дней.

I.

Обширная страна, носящая имя Великой Арменіи, занимаетъ всю часть Азіи, расположенную къ югу отъ Кавказскихъ горъ до Месопотаміи и простирающуюся съ запада на востокъ отъ Ефрата до Каспійскаго моря. Центръ этого громаднаго круга—

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 10.

Арарать, на которомъ, по библейскому преданію, остановился Ноевъ ковчегъ послѣ потопа, а по окружности его лежатъ Мингрелія, Имеретія, Гурія, Карталинія, Кахетія, Ширванъ, Гилянъ, Азербейджанъ и Курдистанъ.

Малая Армения, связанная съ Великой своей самой узкой частью, представляетъ какъ бы полуостровъ, вдающийся въ Малую Азію: она простирается отъ Аманусскихъ горъ до Евксинскаго Понта близъ Трапезонда. Ширина ея ограничена на востокъ частью Великой Арменіи, а на западъ Каппадокіей, Киликіей и Сиріей.

Киликія, въ которой три вѣка властвовали армянскіе цари, отдѣляется отъ Малой Арменіи хребтомъ Тавра. Эта область со всѣхъ сторонъ заключена горами, исключая южной, гдѣ ей кладутъ предѣлъ волны Средиземнаго моря.

Армянскіе географы раздѣляютъ Великую Армению на пятнадцать большихъ областей, распадающихся въ свою очередь на округа. Эти области слѣдующія: Верхняя Армения, Дайкъ, Кукаркъ, Уди, Четвертая Армения, Дуруперанъ, Арарать, Васпураканъ, Сіунія, Арцахъ, Пайтакаранъ, Агзникъ, Мохкъ, Горджанъ и Персидская Армения. Страна, извѣстная подъ именемъ Малой Арменіи, заключала Первую, Вторую и Третью Арменіи, находившіяся въ зависимости отъ грековъ.

Современное подраздѣленіе сильно отличается отъ прежняго. Турки, которымъ принадлежитъ вся Малая Армения, страны къ западу отъ Евфрата и къ югу отъ грузинскихъ горъ и Месопотамія, раздѣлили эту обширную площадь на пашалыки, главными городами которыхъ являются Эрзерумъ, Баязеть, Ванъ и Діарбекиръ. Русскіе въ позапрошломъ вѣкѣ и еще въ началѣ прошлаго завоевали у персіянъ значительную часть Великой Арменіи—страны между Курой и Араксомъ и до ихъ сліянія. Они владѣютъ Эриванью, Нахичеванью, Карсомъ, Асдабадомъ, Шеки, Ширванью, Шемахой, и Эчміадзинскимъ монастыремъ. Сверхъ того русскіе получили часть Васпуракана и земли отъ впаденія Аракса до Каспійскаго моря. И теперь у персіянъ, которые еще сто лѣтъ назадъ владѣли большей частью Арменіи, остаются лишь страны между турецкими владѣніями, горами Курдистана и озеромъ Урміей.

Замѣчательными городами древней Арменіи, которые существуютъ до нашихъ дней или остаются теперь въ развалинахъ, являются: Каринъ или Θεοδοσιополь, теперь Эрзерумъ; Ани—древняя столица Багратидовъ, развалины которой возбуждаютъ удивленіе путника; Вагаршапатъ, разрушенный городъ, на мѣстѣ

котораго воздвигнуть Эчміадзинъ; Ванъ, Урфа или Эдесса—столица Абгаридовъ, Мецпинъ или Низибія и, наконецъ, Эриванъ.

Сохраненныя въ книгахъ древнихъ національныхъ писателей преданія говорятъ намъ, что страна, названная европейцами Арменіей, а туземцами Гайастаномъ, т. е. страной Гайка, была основана патріархомъ Гайкомъ, сыномъ Торгома, внукомъ Оиры, правнукомъ Гомера, праправнукомъ Іафета, Ноева сына. Гайкъ пришелъ со своимъ племенемъ изъ Вавилона и основался въ странѣ Араратской, гдѣ нашелъ первобытныя племена, которыя онъ и подчинилъ своей власти. Вскорѣ послѣ этого онъ увеличилъ свои владѣнія и восторжествовалъ надъ Беломъ, Нимрудомъ священныхъ книгъ. Первые преемники Гайка, имена коихъ представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ народныя эпонимы, продолжали увеличивать предѣлы своей страны до того момента, пока Арменія не стала данницею ассирійцевъ, образовавъ сатрапію. Въ подвластномъ Нинивіи положеніи Арменія оставалась до царствованія Паруйра, который поднялъ знамя возстанія противъ чужеземныхъ властителей и объявилъ себя независимымъ. Одинъ изъ преемниковъ Паруйра, Тигранъ, высоко поставилъ имя Арменіи, но вскорѣ царство, насчитывавшее уже 2000 лѣтъ жизни, должно было пасть передъ натискомъ одного изъ полководцевъ Александра.

Когда побѣдитель македонянинъ побѣдоносно проходилъ по старому азіатскому міру, Арменія, управлявшаяся тогда слабымъ и безсильнымъ человекомъ, должна была уступить передъ греческими фалангами. Послѣ раздѣленія имперіи Александра, Арменія попала въ руки Селевкидовъ, которые управляли ею до момента, когда впервые на міровой сценѣ появились парфяне, побѣдили сирійскія войска и стали господами надъ значительной частью владѣній Селевкидовъ. Греческіе цари правили Арменіей 180 лѣтъ.

Одинъ изъ пріемниковъ Арсака, носившій то же имя, какъ и этотъ основатель парфянской династіи, подарилъ Арменію своему брату Валарсаку или Вагаршаку, давъ ему титулъ царя. Парфянской владѣтель, принявъ новое отечество, доставилъ ему побѣды на поляхъ битвъ и благо твердаго міра. Онъ возобновилъ сатрапскую организацію, рабски слѣдуя образцу самыхъ древнихъ восточныхъ монархій и управлялъ своими странами съ бѣльшимъ блескомъ. Вагаршакъ былъ основателемъ династіи армянскихъ аршакидовъ, продолжавшейся нѣсколько вѣковъ и павшей, наконецъ, подъ усилями римлянъ и персовъ.

Сначала армяне со славою выдерживали приступы римлянъ

и это былъ первый случай, когда римскіе орлы уступили побѣдныя пальмы азіатамъ, на которыхъ вѣчный городъ смотрѣлъ какъ на простыхъ варваровъ. Тигранъ II, носившій столь славно титулъ царя царей и бывший одно время на престолѣ селевкидовъ, нанесъ тяжелые удары римскимъ войскамъ. Но Антонію, нѣсколько лѣтъ спустя, было суждено отмстить за пораженія Габинія, Красса, Силона и Вентодія—Арменія, наконецъ, пала передъ силой триумвира, который сдѣлалъ ее данницею народа-царя.

Въ это-же самое время для человѣчества начиналась новая эра: родился Христосъ и его ученье, быстро разносясь по Азій, должно было измѣнить ветхій языческій міръ и возродить судьбы человѣчества. Во главѣ вѣтви династіи аршакидовъ, которая перенесла столицу Арменіи въ Эдессу (Урфу), стоялъ тогда царь Абгаръ. Армянскіе историки говорятъ, что этотъ правитель принялъ новую вѣру и былъ первымъ христіанскимъ царемъ. Въ то время какъ вѣтвь аршакидовъ царила въ Урфѣ, главная вѣтвь ихъ сохранилась въ Арменіи, несмотря на выдержанныя войны и несчастья, которымъ она подвергалась. Одинъ изъ царей этой династіи, Тиридатъ, сынъ Хозрая (Хозрова), возвысивъ славу своего церства, принялъ христіанство, убѣжденный краснорѣчіемъ св. Просвѣтителя, патріарха Григорія, котораго онъ сначала преслѣдовалъ.

Нѣкоторое время Арменія сохраняла извѣстное значеніе въ Азій и новая вѣра начала сіять самымъ сильнымъ блескомъ. Цари, владѣтели, патріархи и духовенство наперерывъ работали надъ укрѣпленіемъ нарождающейся церкви и на лонѣ епископата паству св. Григорія стали озарять знаменитые исповѣдники, распространяя своими твореніями евангельскія истины среди народовъ, еще предававшихся идолопоклонству и заблужденіямъ маздеизма. Арменія росла подъ руководствомъ преемниковъ Тиридата и св. Григорія, но персы противопоставили христіанству законъ Зороастра. Диранъ, царь армянскій, очень слабый, чтобы противостать персамъ, согласился платить требуемую ими дань и даже дерзнулъ возставить въ храмахъ идоловъ. Аршакъ II, сынъ Дирана, во время своего царствованія, видѣлъ триумфъ сассанидскихъ силъ надъ армянскими войсками и его преемники, какъ и онъ, вассалы Персіи, наконецъ, исчезли совершенно. Армянское царство, подѣленное сначала между сассанидами и римлянами, было вычеркнуто изъ числа націй и имъ отъ имени царя персовъ и константинопольскаго императора стали править чужеземные правители.

Армянская нація погибла-бы, если-бы само Провидѣніе не пришло на помощь христіанамъ и не доставило имъ средствъ къ спасенію.

Бѣдный священникъ Месробъ, ученикъ св. Нерсѣса, въ это самое время обогатилъ свой народъ азбукой, которой онъ былъ лишенъ и именно указанному открытію народъ Гайка обязанъ тѣмъ, что продолжился до нашихъ дней, сохраняя, благодаря своему языку и литературѣ, свою религію—самое твердое основаніе своей самобытности.

Когда персы опустошили Арменію и ниспровергли стоявшихъ болѣе 5 вѣковъ во главѣ армянскаго царства Аршакидовъ, армянскій народъ пробовалъ неоднократно прогнать иноземцевъ, усилія которыхъ, главнымъ образомъ, направлялись къ тому, чтобы совратить ихъ къ культу огня и закону Зороастра. Многочисленныя попытки къ возстанію привели къ кратковременному прекращенію гоненій и армяне одинъ моментъ, руководимые Варданомъ Мамиконьяномъ, возстановили народное могущество и поддерживали потрясенную было вѣру въ Христа. Но этотъ геройскій подъемъ силъ былъ кратокъ, Арменія подпала вскорѣ подъ жесточайшее иго. Персидскіе марзпаны *) проливали христіанскую кровь въ долгіе дни скорби и печали, пальма мученичества стала наградой этимъ благороднымъ героямъ, которые на поляхъ битвъ и на порогахъ своихъ храмовъ искали смерти отъ руки своихъ гонителей, ставшихъ теперь ихъ палачами.

Въ это время византійскіе греки рѣшаются явиться на помощь плѣненной и угасающей Арменіи. Юстиніанъ и его преемники предприняли ради армянъ нѣсколько войнъ съ персами и они возстановили-бы ихъ царство, если-бы на сцену не явился новый, несравненно болѣе страшный, чѣмъ македоняне, римляне и персы, врагъ и не подвергъ-бы Арменію еще болѣе ужасному игу. Это были арабы, которые готовились завоевать міръ и стремились подчинить закону Магомета поклонниковъ иныхъ божествъ, чѣмъ Аллахъ, во имя котораго они составили имперію и шли на завоеваніе всей земли.

До того момента, пока востиканы, ставшіе на мѣсто персидскихъ марзпановъ и византійскихъ куропалатовъ, не утратили своего господства надъ частью Арменіи, которая подпала

*) Марзпанами звались намѣстники персидскаго царя, а востиканами — намѣстники дамасскихъ и багдадскихъ халифовъ.

Перев.

подъ власть халифата, эта страна 5 вѣковъ платила дань сосѣднимъ властителямъ или была подъ игомъ невѣрныхъ. Однако въ IX вѣкѣ халифы возстановили въ части древней имперіи Аршакидовъ національное царство, отдавъ его Ашоту, армянскому князю изъ фамиліи Багратидовъ. Столицей этого царства былъ Ани, въ которомъ около 2 вѣковъ продолжалась династія Ашота, пока не была ниспровергнута греками Константинополя. Подъ предлогомъ уступки территоріи Гагикъ *), послѣдній властитель этой династіи, передалъ свое царство грекамъ, которые вскорѣ предательски его умертвили.

Арменія, снова подавленная, впала въ анархію и жители, страдавшіе въ тяжеломъ рабствѣ, ждали момента возстать или искать новаго отечества вдали отъ мѣстъ, которыя видѣли ихъ рожденіе. Въ то время, когда армянская эмиграція шла на Тавръ и равнины Киликіи, въ Европѣ произошло дѣйствительно необычайное движеніе: стремленіе исторгнуть Гробъ Христовъ изъ рукъ невѣрныхъ заставило всю Европу взяться за оружіе и вскорѣ Западъ шелъ на завоеваніе Востока.

Армяне уже нѣкоторое время занимали Киликію, когда первые христіанскіе отряды появились въ Малой Азіи, направляясь къ Сиріи. Армяне были независимы, находясь подъ управленіемъ соплеменныхъ князей, изъ которыхъ первый, Рубенъ, далъ свое имя династіи, царившей въ Киликіи во время крестовыхъ походовъ. Благодаря поддержкѣ, которую франки нашли въ армянахъ и содѣйствію князей страны, крестоносцы могли прибыть къ Антіохіи безъ особыхъ трудностей. За оказанныя крестоносцамъ услуги Леонъ, князь армянскій, былъ возведенъ въ достоинство армянскаго царя и этотъ титулъ былъ пожалованъ ему германскимъ императоромъ и Святымъ Престоломъ.

Когда увлеченіе крестовыми походами утихло, лишенные помощи Запада армяне не могли долго противостоятъ соединеннымъ силамъ мусульманъ. Послѣдніе цари страны, происходившіе изъ французскаго рода Лузиньяновъ, были низвергнуты съ трона и послѣдній армянскій монархъ, Леонъ VI Лузиньянъ, сначала плѣнникъ египетскихъ мамелюковъ, прибылъ во Францію, гдѣ окончилъ дни свои въ 1392 году. Съ этихъ поръ Арменія не возстановлялась.

*) Въ 1044 году уступка сдѣлана Константину Дукъ, въ обмѣнъ на небольшую область въ Малой Арменіи.

Древнее царство Гайка подпало владычеству мусульманъ и только сто лѣтъ назадъ Россія отняла значительную часть прежней Арменій.

II.

Изъ древней армянской литературы имѣются лишь очень маловажные отрывки, сохраненные въ трудахъ первыхъ христіанскихъ писателей націи; не дошли до насъ также и имена древнихъ народныхъ бардовъ. Однако преданіе утверждаетъ, что національная литература процвѣтала далеко еще до нашей эры и мы находимъ въ трудахъ писателей перваго вѣка имена этихъ древнѣйшихъ представителей архаической армянской литературы. Однако-же лица, которымъ приписываются первыя національныя хроники, теперь утерянныя, скорѣе чуждыхъ странъ; ихъ имена показываютъ персидское, сирійское или греческое происхожденіе, какъ, на примѣръ, Маръ-абасъ-Катина, Олимпій, Ардитъ, Хоробутъ, которыя, очень вѣроятно, представляютъ нарицательныя имена, не принадлежащія армянскому именному списку.

Первые писатели, труды коихъ достигли насъ на армянскомъ языкѣ не восходятъ далѣе IV вѣка нашей эры. На первомъ мѣстѣ стоитъ св. Григорій Просвѣтитель, первый патріархъ Арменіи, который составилъ большое число поученій, гимновъ и молитвъ, включенныхъ въ богослуженіе армянской церкви; затѣмъ, Агаѳангель, дьякъ царя Тиридата, грекъ по происхожденію, написавшій на родномъ языкѣ исторію этого монарха и св. Григорія, текстъ которой дошелъ до насъ съ армянскимъ переводомъ позднѣйшей эпохи. Есть нѣсколько изданій этого важнаго труда и даже очень цѣнный итальянскій переводъ (Константинополь, 1719, 1824. — Венеція, 1833, 1862. Итальянскій переводъ, Венеція, 1843).

Св. Іаковъ Низибійскій, авторъ догматическихъ и нравственныхъ поученій (Римъ, 1756. Армянскій текстъ съ латинскимъ переводомъ. — Венеція, 1765. — Константинополь, 1824. Только текстъ).

Зиновій Клагскій, историкъ Таронской области (Константинополь, 1719. — Венеція, 1832).

Св. Нерсесъ Великій, авторъ нѣсколькихъ аскетическихъ трудовъ.

Фавстъ Византіецъ (Константинополь, 1730. — Венеція,

1832), въ своей народной исторіи продолжившій работу Ага-ангела до 390 г. включительно.

Св. Исаакъ Великій, патріархъ Арменіи, переведшій столь чисто, изящно и вѣрно Ветхій заветъ по переводу семидесяти толковниковъ.

Месробъ, прозванный Маштоцъ, которому мы обязаны, не говоря уже объ изобрѣтеніи алфавита, переводомъ Нового завета и армянскимъ молитвословомъ (Венеція, 1837).

Исаакъ и Месробъ первые привели въ порядокъ армянскій требникъ, собраніе пѣснопѣній, календарь и литургію.

Пятое столѣтіе—второй золотой вѣкъ армянской литературы—было подготовлено предшествовавшимъ. Только что было сдѣлано великое изобрѣтеніе.

Месробъ, вдохновленный небомъ, изобрѣлъ 38 знаковъ армянскаго языка. Все раньше составленное сирійскими, греческими, персидскими буквами, было скопировано новыми и онѣ послужили переводу святыхъ книгъ. Школы открывались повсюду, въ нихъ преподавались науки Рима, Аѳинъ, Александріи; всеобщему порыву способствовалъ и царь армянскій Врамшапухъ.

Въ V вѣкѣ явились: Езникъ, главный трудъ котораго, очень любопытный для знакомства съ древними культами,—Опроверженіе противъ язычниковъ, персовъ, поклонниковъ огня, противъ греческихъ философовъ и противъ Маркіанъ и Манихеевъ (Венеція, 1824, 1839.—Французскій переводъ, Парижъ, 1853).

Моисей Хоренскій, отецъ армянскихъ историковъ, авторъ исторіи Арменіи съ сотворенія міра до низверженія Аршакуни (Амстердамъ, 1659.—Лондонъ, 1736, текстъ съ латинскимъ переводомъ.—Венеція, 1827, только текстъ;—1841, текстъ съ французскимъ переводомъ;—1841, 1848, итальянскій переводъ безъ текста). Этотъ трудъ важенъ тѣмъ болѣе, что въ немъ находятся цѣнныя свѣдѣнія и для всеобщей исторіи, объ ассиріянахъ, персахъ, римлянахъ, грекахъ и Восточной Римской Имперіи. Кромѣ того Моисей Хоренскій составилъ грамматику, трактатъ о риторикѣ (Венеція, 1796;—1843 и 1868, полное собраніе сочиненій), который заключаетъ единственный извѣстный отрывокъ трагедіи Эврипида „Пеліады“; трактатъ по географіи, поученія и величественные гимны.

Мамбре, прозванный Верцанохъ (анагностъ), братъ Моисея Хоренскаго, авторъ поученій (Венеція, 1833) и утраченной исторіи.

Давидъ Философъ (а также „Непобѣдимый“—перев.)—кро-
мѣ другихъ работъ перевелъ философскіе труды Аристотеля
(Венеція, 1833).

Кудче, патриархъ армянскій, ученикъ и сотрудникъ Мес-
роба.

Іоаннъ Мантакуні, также патриархъ и авторъ поученій и
молитвъ (Венеція, 1836, 1857).

Елисей (Егише), написавшій исторію св. Вартана и его
сподвижниковъ, въ которой онъ пространно и достойно гово-
ритъ о гоненіяхъ персовъ и о сраженіяхъ съ ними армянъ и
грузинъ за вѣру Христову (Константинополь, 1764, 1823.—Пе-
тербургъ, 1787.—Венеція 1832, 1842, ехс.—1841, итальянскій пе-
реводъ.—Парижъ, 1846, французскій переводъ). Елисею мы обя-
заны также большимъ числомъ аскетическихъ трудовъ и очаро-
вательныхъ поученій (Венеція 1833, 1859, полное собраніе со-
чиненій).

Лазарь Парпеци, или Парпскій (Венеція, 1793), занимав-
шійся главнымъ образомъ вопросами, касающимися изобрѣте-
нія армянскаго алфавита, прогресса литературы, перевода Биб-
ліи, различныхъ войнъ армянъ съ гонителями ихъ персами, до
485 г. по Р. Х.

Постѣ періода изобилія часто наступаютъ годы безплодія.
Такъ было и съ армянской литературой въ VI вѣкѣ. Полити-
ческія смуты, безпрестанныя войны въ тиранство перса Азкер-
та препятствовали всякому сношенію грековъ съ армянами.
Этотъ вѣкъ только и замѣчателенъ, что фиксацией календаря ¹⁾,
установленнаго на происшедшемъ въ 552 г. въ Туннѣ соборѣ
въ патриаршество Моисея II Эльвартечи.

Въ VI вѣкѣ жили:

Авраамъ, ученый епископъ, составившій трактатъ объ
эфесскомъ соборѣ 431 года.

Петръ, архіепископъ Сюникскій, авторъ различныхъ тру-
довъ и проповѣдей.

Авраамъ и Кирионъ, патриархи, авторы церковныхъ посланій.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ литература страдала вмѣстѣ съ на-
родомъ. Среди извѣстныхъ для этого вѣка писателей отлича-
ются:

Патриархъ Комитасъ, составившій прекрасные гимны въ

¹⁾ Первый день перваго года новой эры былъ 11 іюля 552 г. по Р. Х.
Вслѣдствіе опущенія одного дня въ высокосныхъ годахъ армянскіе годы
всѣ равны. Перев.

честь Св. Рипсиміи (Венеція, 1842, стихотворный итальянскій переводъ поэта Каррера).

Іоаннъ Мамиконьянъ, авторъ Таронской исторіи до 640 г. (Константинополь, 1719.—Венеція, 1831).

Ананія Ширакаци, авторъ трактата объ астрономіи, мѣрахъ и вѣсахъ, математикѣ, счисленіи и въ частности арифметикѣ.

Моисей Каганкатуаци, написавшій исторію Агуанка (Албаніи) (Парижъ, 1857).

Присутствіе двухъ-трехъ хорошихъ писателей рекомендуетъ VIII вѣкъ.

Іоаннъ IV Оцнеци, патріархъ всея Арменіи, по прозванію философъ. Онъ оставилъ много разсужденій; трактатъ противъ Павликіанъ; толкованіе на службу армянской церкви; собраніе канонівъ древнихъ соборовъ и гимновъ (Венеція, 1807, 1816, 1834, текстъ съ латинскимъ переводомъ и многочисленными теологическимъ и филологическими примѣчаніями).

Стефанъ, архіепископъ Сюникскій, особенно извѣстенъ въ армянской церкви нѣсколькими превосходными гимнами въ честь воскресенія Спасителя. Кромѣ того онъ перевелъ нѣкоторыя греческія сочиненія.

Леонъ Ереци, авторъ сокращенной исторіи, полной чистоты и изящества, о происхожденіи имперіи Магомета и преемниковъ его, калифовъ. (Переведена на французскій языкъ Шахназарьяномъ, Парижъ, 1857. Имъ же изданъ и армянскій текстъ).

Въ IX вѣкѣ, миръ, которымъ наслаждалась Арменія подъ мудрымъ управленіемъ владѣтелей изъ рода Багратуни, счастливо вліялъ и на литературу: это литературное столѣтіе отмѣчается многими писателями. Ограничиваясь наиболѣе интересными, укажемъ слѣдующихъ:

Захарія, патріархъ, авторъ проповѣдей, гимновъ, церковныхъ посланій.

Іоаннъ VI, патріархъ, славный составитель народной исторіи, извлеченной изъ Моисея Хоренскаго до паденія Аршакуни, изъ Елисея, Коріуна, Шапуха и другихъ писателей для позднѣйшаго времени. Эта исторія, кончающаяся хроникой патріарховъ Арменіи отъ Св. Григорія до самого автора, написана иногда слишкомъ изысканно-изящно. (Іерусалимъ, 1843. Переведена на французскій языкъ Сень-Мартэномъ и издана Лагардомъ въ Парижѣ, 1844).

Оома Арцруни, авторъ исторіи отъ первыхъ потомковъ Ноя до 936 г. по Р. Х. (Константинополь, 1852). Посвященна

хотя главнымъ образомъ прославленію рода Арируни, эта исторія охватываетъ и исторію націи, считаясь очень точной.

Насажденіе наукъ продолжается и въ X вѣкѣ и среди довольно большого числа писателей замѣтны:

Самуилъ Гамерчаореци, составившій нѣсколько сочиненій о праздникахъ и церковныхъ службахъ.

Месропъ Ереци, написавшій исторію св. Нерсеса Великаго (Мадрасъ, 1779; вмѣстѣ съ исторіей Орбельяни.—Венеція, 1853).

Григорій Нарекаци, (т. е. Нарекскій), краснорѣчивый писатель, прекрасный поэтъ, армянскій Пиндаръ. (Полное собраніе сочиненій, Венеція, 1827, 1840, etc.). Его священныя элегіи, числомъ 95, соединяютъ всѣ роды совершенства; высокій стиль, поэтическая проза, возвышенныя и великолѣпныя мысли. Изъ многочисленныхъ изданій этого труда — лучшее, изданное съ примѣчаніями отца Гавріила Аветикьяна. Указываемъ еще 4 похвальныхъ слова: Святому Кресту, Пресвятой Дѣвѣ, Апостоламъ и св. Іакову Низибійскому; пѣснопѣнія и мелодіи, исполняемыя армянской церковью (Константинополь, 1744).

Стефанъ Асохикъ, авторъ армянской исторіи со времени начала націи до 1004 г. по Р. Х.,—исторіи, особенно цѣнной по точности датъ (Парижъ, 1859).

Менѣ славное, чѣмъ предыдущее, XI столѣтіе дало нѣсколькихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ писателей.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ—Григорій Магистросъ, написавшій много полныхъ учености работъ на самыя различныя темы, грамматику, поэму въ 1000 стиховъ, написанную, говорятъ, въ 3 дня, на Ветхій и Новый заветъ, много переводовъ съ греческаго.

Затѣмъ, слѣдуютъ: Петръ Кедатарцъ, патріархъ, авторъ гимновъ въ честь мучениковъ и усопшихъ.

Ананія Сананеци, переводчикъ посланій Св. Павла по комментаріямъ Св. Іоанна Златоуста и Св. Ефрема.

Аристакесъ Ластиверци, авторъ исторіи Арменіи съ 989 по 1071 годъ; онъ говоритъ, главнымъ образомъ, о разрушеніи Ани Алпарсланомъ въ 1064 году (Венеція, 1844).

Григорій II, Вегайасеръ, „другъ мучениковъ“, патріархъ; съ перевелъ съ сирийскаго и греческаго много житій мучениковъ.

Сисіанъ, составившій въ чистомъ и возвышенномъ слогѣ ученіе или похвальное слово сорока мученикамъ севастіимъ.

Григорій III, патріархъ Арменіи, авторъ гимновъ въ честь

армянской церкви и громаднаго числа писемъ о различныхъ предметахъ.

Славный Нерсесъ Глаеци, справедливо прозванный Шноргали, „благодатный“, указанный аббатомъ Вильфруа и аббатомъ Вильотъ, какъ одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ отцовъ армянской церкви. Онъ написалъ поэму въ 8 тысячъ стиховъ, трудъ, которому нѣтъ достаточной похвалы (Венеція, 1830); восходную элегію въ 2,090 стиховъ о взятіи Эдессы (Парижъ, 1826); исторію Арменіи въ стихахъ, работа его юности (Константинополь, 1824, неисправное изданіе.—Венеція, 1830); священные стихи на различные предметы. Труды въ прозѣ св. Нерсеса также замѣчательны. Его умилительная молитва известна по всему свѣту, она неоднократно издавалась въ многоязычныхъ переводѣхъ (Венеція, 1862 на 33 языкахъ). Восторгаются также его пастырскимъ окружнымъ посланіемъ (С.-Петербургъ, 1788.—Константинополь, 1821.—Венеція, 1829, съ латинскимъ переводомъ); указываютъ еще посланія, поученія, житія святыхъ, св. Мало, кто написалъ столько, сколько Нерсесъ Шноргали, и лучше его не писалъ никто. По умилительной мягкости — это Фенелонъ Арменіи.

Отецъ Игнатій, авторъ цѣннѣйшаго толкованія на Св. Луку Евангелиста (Константинополь, 1733, 1824, изданіе неисправное).

Отецъ Саркисъ, написавшій 43 поученія во вкусѣ и стилѣ Св. Василия, Григорія Назіанзина и, главнымъ образомъ, Іоанна Златоуста (Константинополь, 1743).

Іоаннъ Діаконъ, человекъ глубокой учености, составившій объясненіе хронологіи, трудъ почти нацѣло утерянный; утѣченную національную исторію, молитвы и 8 очень красивыхъ поученій на различные темы (Венеція, 1853).

Матѳей Эдесскій, авторъ исторіи этого города съ 952—1132 годъ, цѣнной по своей большой точности и заключающей множество фактовъ, касающихся персовъ, грековъ и римлянъ; эта исторія продолжена до 1176 года Григоріемъ Ереци, ученикомъ Матѳея и, какъ и онъ, малоизящнымъ писателемъ. Оба эти историка очень полезны для исторіи крестовыхъ походовъ (Дюлорье, знаменитый арменистъ, издалъ въ Парижѣ французскій переводъ).

Самуилъ Ереци, написавшій всеобщую хронику съ сотворенія міра по 1179 годъ; цѣнный трудъ (Миланъ, 1817, латинскій переводъ).

Мхитаръ, врачъ, извѣстный особенно трактатомъ о...

радкахъ, составленнымъ по учению древнихъ греческихъ, персидскихъ и арабскихъ медиковъ (Венеція, 1832).

Григорій IV, преемникъ и племянникъ Нерсеса Шноргали, написавшій нѣсколько писемъ, исполненныхъ изящно: одно къ императору Комнѣну о смерти Св. Нерсеса, другія о соединеніи греческой и армянской церкви.

Нерсесъ Ламбронаци, составившій громадное число аскетическихъ трудовъ, среди которыхъ особенно указываются: дивное соборное слово, произнесенное на національномъ соборѣ въ Ромклѣ въ 1179 году о соединеніи греческой и армянской церкви (Венеція, 1812, текстъ съ итальянскимъ переводомъ); два величественныя поученія; письма, изъ коихъ одно Леону, царю Арменіи (Венеція, 1787, 1838); гимны, употребляемые въ армянской церкви; наконецъ, много другихъ трудовъ, не говоря о громадномъ числѣ переводовъ.

Мхитаръ Гошъ, извѣстный собраніемъ 190 басенъ, полныхъ чувства, изящности и чистоты (Венеція, 1791, 1842, 1854). Мхитаръ, кромѣ того, написалъ уложеніе каноническаго и гражданскаго права, пользуясь, главнымъ образомъ, кодексами Феодосія и Юстиніана.

Столь цвѣтущая въ XII вѣкѣ, литература и въ XIII имѣла много представителей, но мало кто изъ нихъ заслуживаетъ указанія:

Григорій Скевраци, написавшій историческое похвальное слово Нерсесу Ламбронаци (Венеція, 1854), поученія, гимны и т. д.

Мхитаръ Анеци (Анійскій) составилъ исторію древностей Арменіи, Грузіи и Персіи

Аристакесъ, грамматикъ, авторъ книги подъ заглавіемъ „Наука или правила хорошаго слога“, ручного словаря армянскаго языка.

Іоаннъ Ванаганъ, или Киновитъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ писателей своего вѣка, написавшій толкованіе на книгу Іова и разъясненіе гимновъ. Нельзя глубоко не сожалѣть объ утратѣ написанной имъ-же исторіи нашествія татаръ на Азію въ 1236 году.

Вартанъ, прозванный Великимъ, лицо, свѣдущее въ греческихъ, персидскихъ, еврейскихъ и татарскихъ литературахъ составилъ всеобщую исторію отъ сотворенія міра до 1267 года; трудъ этотъ полонъ эрудиціи и точности (Москва, 1861.—Венеція, 1862); толкованіе на св. Писаніе и нѣсколько аскетическихъ трудовъ. Вартанъ оставилъ также книгу 144 басенъ, на-

печатанныхъ въ послѣдствіи много разъ въ различныхъ мѣстахъ. 45 его басенъ, переведенныя С. Мартѣномъ, были изданы въ 1825 г. въ Парижѣ.

Учитель Киракосъ Гандзакечи (т. е. Ганджинскій, Елисаветпольскій. Перев.) составилъ историческій трудъ отъ царя Трдата до временъ царя Айтона I, т. е. отъ 300 по 1260 годъ. Въ этомъ трудѣ, написанномъ, впрочемъ, въ мало возвышенномъ стилѣ, мы находимъ цѣнныя свѣдѣнія объ арабахъ, древнихъ туркахъ или татарахъ (Венеція и Москва, 1863).

Малахія (Маганія) инокъ составилъ интересную исторію нашествія татаръ въ Азію и, особенно, въ Арменію до 1272 г.

Вахрамъ Рапунъ, или учитель, секретарь армянскаго царя Леона III, продолжилъ въ стихахъ трудъ Нерсеса Шноргали—т. е. хронологическій списокъ армянскихъ царей въ Киликіи до 1280 года (Мадрасъ, 1810).

Іоаннъ Ерзенкаци, послѣдній изъ древнихъ учителей армянской церкви и также армянскихъ классиковъ, написалъ объясненіе армянской грамматики, трактатъ по астрономіи (Нахичеванъ русская, 1791); похвальное слово св. Григорію (Константинополь 1737, 1824.—Венеція, 1853); книгу молитвъ; толкованіе на Евангеліе св. Матѣея (Константинополь, 1825); сверхъ того духовныя пѣсни, элегіи, гимны.

Стефанъ Орбеліанъ, архіепископъ Сюникскій, авторъ исторіи этой области (Парижъ, 1859.—Москва, 1861); слѣдуетъ замѣтить, что С.-Мартѣнъ сдѣлалъ ошибку, называя „Исторію Орбеліановъ“ исторіей грузинъ, напечатанной въ Мадрасѣ въ 1776 году и представляющей лишь часть исторіи Стефана.

Григорій VII Анаварзеци, патріархъ сначала въ Ромклѣ, затѣмъ въ Сисѣ; онъ составилъ календарь по греческому и латинскому образцу; житія мучениковъ армянскихъ и т. д.

Въ XIV, этомъ антилитературномъ столѣтіи, двѣ соперничающія партіи, одна подъ названіемъ „соединенныхъ братьевъ“, другая, поддерживаемая Датеваци, согласились, къ несчастію, испортить чистоту армянскаго языка. Однако, среди большого числа мало достойныхъ указанія писателей, должны быть выдѣлены:

Айтонъ (по-армянски Гетумъ. Перев.), родственникъ и современникъ царя Айтона II, бывшій монахомъ на Кипрѣ; онъ составилъ на французскомъ языкѣ чудную исторію Великаго хана, въ которой говоритъ о побѣдахъ татаръ, войнахъ ассирійцевъ, дѣяніяхъ царей армянскихъ въ Киликіи и даетъ свѣдѣнія почти о всѣхъ странахъ Азіи (Венеція, 1842, армянскіе

переводъ съ интересной хронологической таблицей того-же автора).

Хачатуръ Гечараци, посредственный поэтъ, написавшій нѣсколько стихотвореній и элегій въ честь Александра Великаго.

XV столѣтіе, еще болѣе несчастное, чѣмъ предыдущее, представляетъ весьма мало достойныхъ упоминанія писателей.

Оома Мецофеци написалъ неправильнымъ слогомъ исторію Тамерлана, присоединивъ рассказъ о событіяхъ его времени до 1447 года.

Амирдолватъ, знаменитый врачъ, далъ трактатъ объ общей медицинѣ.

Съ каждымъ днемъ вкусъ къ литературѣ уменьшается, писатели еще есть, но всѣ они болѣе или менѣе недостойны упоминанія.

XVI вѣкъ, впрочемъ, замѣчательнъ устройствомъ армянской типографіи въ Венеціи въ 1565 году. Другая была устроена въ Римѣ въ 1584 году.

Но если литература еще испытывала злосчастное вліяніе предыдущихъ вѣковъ, то умножились средства къ просвѣщенію. Въ 1623 году основывается въ Римѣ коллегія пропаганды; открываются школы въ Эчміадзинѣ, Персидской Арменіи, Львовѣ (Лембергѣ) въ 1655 году.

Кромѣ типографій въ Венеціи и въ Римѣ, мы находимъ послѣднія въ Львовѣ, 1616 г.; Миланѣ, 1623 г.; Парижѣ, 1633 г.; Джульфѣ, предмѣстїи Испагани, 1640 г.; Ливорно, 1640; Амстердамѣ, 1660 г.; Марсели, 1674 г.; Константинополѣ, 1677 г.; Лейпцигѣ, 1680 г.; Падубѣ, 1690 г.

Самая знаменитая изъ этихъ типографій была устроена въ Голландіи.

Среди писателей XVII вѣка можно указать: Іакова IV, патріарха Арменіи.

Стефана Польскаго, который перевелъ съ латинскаго языка на армянскій творенія Діонисія Ареопагита, исторію войны евреевъ Іосифа, книгу о метафизикѣ.

Другой Стефанъ Польскій, названный Рошканъ, составилъ со вкусомъ обширный армяно-латинскій словарь.

Аракелъ, собравшій исторію своего времени съ 1601 по 662 годъ (Амстердамъ, 1669).

Епископъ Осганъ, посланный въ Голландію и затѣмъ въ Марсель для развитія армянскаго печатнаго искусства, издалъ промѣ другихъ книгъ Библію.

Матѳеѣ Ванантеци, сотрудникъ Осгана въ Марсели, основатель въ Голландіи типографію, изъ которой вышли различные армянскіе труды.

Комитасъ, мученикъ въ Константинополѣ въ 1707 г., написалъ много работъ; между прочимъ, хронологію въ стихахъ греческой, армянской и персидской націй. Братъ его, Еремія оставилъ историческіе труды и лѣтописи.

Книгопечатаніе могло дать новый толчекъ литературѣ, но до этихъ поръ оно служило почти лишь для изданія новыхъ и малополезныхъ трудовъ. И лишь Мхитару было суждено завѣщать своей націи не только способныхъ освѣтить ее учениковъ, но и цѣнныя произведенія: великолѣпную Библию, украшенную гравюрами, теперь очень рѣдкую и очень цѣнную на Востокѣ (Венеція, 1733), ученое толкованіе на Евангеліе св. Матѳея (Венеція, 1737); грамматику, большой словарь армянскаго языка, который способенъ вызвать вновь его процвѣтаніе (Венеція, 1749).

Къ XVIII столѣтію принадлежитъ также большое число другихъ писателей, среди которыхъ нужно указать:

Малахія Дирацу, написавшій лѣтописи, присоединивъ описаніе событій своего времени.

Іаковъ Налъянъ, патріархъ въ Константинополѣ, авторъ многихъ работъ.

Аѳанасій Мерассіанъ, епископъ, авторъ грамматики на трехъ языкахъ—итальянскомъ, армянскомъ и турецкомъ (Венеція, 1774).

Мы здѣсь указали произведенія армянской литературы и теперь остается сказать о возрожденіи ея, явившемся съ XVIII вѣка и имѣвшемъ цѣлью сохранить сокровища науки и знанія, которыя армянскій народъ накопилъ въ теченіи 13 вѣковъ. Это возрожденіе принадлежитъ Мхитару Севастійскому, основателю монашескаго ордена, носящаго его имя, и его ученикамъ. Этотъ великій человекъ, вся жизнь котораго была посвящена изученію, вдохновилъ въ основанную конгрегацію вкусъ къ наукѣ; это ему принадлежитъ свѣтлая слава начать дѣло, которое еще и теперь продолжаютъ его ученики, именно введеніе во всеобщее употребленіе языка и національной литературы; онъ основатель эту славную типографію, которая произвела на своихъ станкахъ столько классическихъ трудовъ на армянскомъ языкѣ, теперь широко разнесенныхъ по всѣмъ уголкамъ Европы и Азіи, гдѣ только живутъ дѣти Гайка.

Послѣ Библии, духовныхъ и образовательныхъ книгъ, кон-

грегация мхитаристовъ сознала, что необходимо дать своему народу исторію Арменіи. Этотъ трудъ былъ порученъ Михаилу Чамичу (Чамчянъ), человѣку широкой учености и высокаго ума; три написанныхъ имъ громадныхъ тома еще и теперь являются полной монументальной исторіей лѣтописей націи и сношеній ея съ сосѣдними народами. Работы Луки Инчицьяна о географіи и древностяхъ армянскихъ послужили дополненіемъ къ громадной исторіи Чамича; цѣнность этихъ трехъ трудовъ неоспорима, почему были предприняты переводы ихъ на западные языки. Такимъ образомъ, исторія Чамича переведена на англійскій языкъ, древности Арменіи имѣются на итальянскомъ языкѣ, а географія Инчицьяна переведена на нѣмецкій, ею пользовался географъ К. Риттеръ.

Члены конгрегации, славно работавшіе для науки и составленные ими труды многочисленны, мы не можемъ указать всѣхъ; но въ этой замѣткѣ должны быть указаны имена и труды Аконца Кевера, біографа Мхитара и опытнаго географа; Аветикьяна, знаменитаго грамматика и теолога; Чахчакьяна, извѣстнаго лексикографа; братьевъ Г. и Э. Гюрмюзьянъ, переводчиковъ и замѣчательныхъ поэтовъ; Айвазовскаго, Сетьяна, Гевонда Алишаньяна, — географовъ, историковъ и филологовъ громадной эрудиціи; Зорабяна и Авгерьяна, — переводчиковъ хроники Евсевія; Трьянца, духовнаго оратора и панегириста, и много другихъ, имена и труды которыхъ способствовали прославленію обители Св. Лазаря.

Не останавливаясь только на возрожденіи армянской литературы, обогащая ее очень тщательными изданіями собственныхъ авторовъ, армяне св. Лазаря способствовали ея развитію еще вѣрными переводами историческихъ, образовательныхъ, научныхъ и духовныхъ книгъ, литературныхъ шедевровъ другихъ націй. Такъ, они издали на армянскомъ языкѣ: „Римскую исторію“, „Древнюю исторію“ Роллэна; „Разговоръ о всеобщей исторіи“ Боссюэта; „Погребальныя слова“ его-же; „Похожденія Телемака“, „Жизнь философовъ“, „Воспитаніе дѣвицъ“ и „Правила“ Фенелона; Флери — „Нравы израильтянъ и христіанъ“, „Историческій катехизисъ“; Гесснера — „Смерть Авеля“; Гольдшмита — „Краткая римская исторія“; Бартеlemi — „Путешествіе младшаго Анахарзиса въ Грецію“; Флоріана — „Нума Помпиль“; М-те Жанлисъ — „Велизарій“; Пеи — „Мудрецъ въ пустынь“; Саава — „Логика“; Тассони — „Доказанная религія“; Мильтона — „Потерянный Рай“; Вида — „Христіада“; Юнга — „Ночи“; Бюффо-

на—„Естественная исторія птицъ“; Байрона—„Избранныя произведенія“; императора Наполеона III—„Жизнь Цезаря“ и т. д.

Изъ писателей древности переведены: Гомеръ—„Иліада“ и „Одиссея“; Софокль—„Трагедіи“; Виргилій—„Полное собраніе сочиненій“; Гораций—„Наука поэзіи“; „Федръ—„Басни“; Пичеронъ—„Обязанности“; Цезарь—„Гражданскія войны“; Сенека—„Философскія разсужденія“; Плутархъ—„Жизнь знаменитыхъ людей“; Теофрастъ—„Характеры“; Саллюстій; Григорій Великій—„Пастырское правило“; Златоустъ—„Избранныя поученія“; св. Августинъ—„Градъ Божій“ и т. д.

Среди оригинальныхъ трудовъ достойны замѣчанія; „Толкованія на Ветхій и Новый завѣтъ“; „На псалмы“; „на еkkлeзiаста“; „на Евангеліе св. Маттея“; „На посланія св. Павла“;—всеобщая біографія;—всеобщая исторія XVIII столѣтія;—исторія Франціи;—исторія Россійской имперіи;—исторія Оттоманской имперіи;—полные трактаты риторики, ариметики, календаря, геометріи, тригонометріи, морского дѣла, миниатюры, линейной перспективы, медицины, физики, технологіи, философіи;—руководство по юриспруденціи;—всеобщая географія въ 12 томахъ; другая всеобщая географія съ картинами и гравюрами, въ которой часть объ Арменіи особенно полна и имѣетъ свѣдѣнія древнихъ и всѣхъ новыхъ писателей. Географическій атласъ, исполненный по лучшимъ образцамъ, съ предисловіемъ о математической, физической и политической географіи.—Академическій словарь армянскаго языка, два тома въ листъ, въ которомъ всѣ слова подкрѣплены выдержками изъ классическихъ сочиненій и сопровождаются греческими и латинскими переводами;—армянская грамматика грамматикъ, трудъ глубокой учености, исполненный по новому плану и стоившій автору, отцу Арсену Багратуни, 40 лѣтъ изученія и розысковъ. Ему же армянская поэзія обязана новымъ стихотворнымъ размѣромъ, который онъ изобрѣлъ и которому далъ правила и образецъ въ своемъ неподражаемомъ переводѣ „Науки поэзіи“ Горанія, „Георгикъ“ Виргилія, „Потеряннаго Рая“ Мильтона. Отъ него же армянская нація наслѣдовала свою національную эпопею „Гайкъ“. Много другихъ трудовъ увеличиваютъ каталогъ книгъ, напечатанныхъ на островѣ св. Лазаря.

Кромѣ того періодически появлялся сборникъ статей по моральнымъ, словеснымъ, экономическимъ и естественнымъ наукамъ, украшенный гравюрами въ текстѣ (1843—1869).

Поэтическія произведенія отцовъ мхитаристовъ напечатаны въ 3 томахъ. Кромѣ того монсиньоръ Э. Гюрмюзьянъ, перевод-

чикъ Энеиды и Эклогъ воспѣлъ „Сады“ въ четырехъ томахъ.

Если теперь перейти къ работамъ, одинаково полезнымъ и армянину и европейцу, то мы найдемъ: грамматики — очень цѣнную французско-армянскую отца Арсена Багратуни, италянско-армяно-турецкую съ діалогами отца Гавріила Аветикьяна, англійско-армянскую и армяно-англійскую отца Паскаля Авгерьяна, русско-армянскую отца Мины Медичи *), нѣмецко-армянскую г. Гиндоглу; полиглотную грамматику, заключающую начатки языковъ турецкаго, персидскаго, арабскаго и татарскаго съ аналитическими примѣчаніями о другихъ языкахъ отца Мины Медичи; эта работа доставила автору золотую медаль отъ Императора Николая I;—словари: армяно-англійскій и англійско-армянскій отца Паскаля Авгерьяна, италянско-армяно-турецкій и армяно-италианскій отца Эммануила Чахчакьяна, французско-армянскій и армяно-французскій отца Паскаля Авгерьяна.

Изданіе хроники Евсевія, очень неполной на греческомъ языкѣ и переведенной на армянскій языкъ въ V вѣкѣ, снабженной примѣчаніями ученаго отца Іоанна Авгерьяна, изданіе твореній Филона, св. Ефрема, Северіана—являются дѣйствительной заслугой передъ учеными всѣхъ странъ.

Цѣнная работа, особенно для иностранцевъ, „Quadro della storia letteraria d'armenia“ (картина армянской литературы), написанная монсиньоромъ Сукіасомъ Сомальскимъ, даетъ вѣрное и систематическое представленіе о произведеніяхъ армянской литературы вѣкъ за вѣкомъ.

Однако, не только одна конгрегация мхитаристовъ, давшая столь сильный толчекъ къ возрожденію армянской литературы, способствовала развитію армянской письменности; справедливость требуетъ сказать, что въ различныхъ странахъ армяне воспользовались порывомъ отцовъ св. Лазаря къ изученію національной литературы и съ жаромъ предались дѣлу распространенія своего языка, выпуская въ свѣтъ различныя полезныя работы и неизданные тексты древнихъ авторовъ. Въ Вѣнѣ община мхитаристовъ издала среди другихъ трудовъ историческія произведенія Катерджьяна и Чакбжьяна; въ Москвѣ Эминъ и другіе опубликовали изданія Іоанна Католикоса, Моисея Каганкатваци, Мхитара Айриванкскаго, Вартана, Киракоза, Стефана Орбелиана и Смбата; въ Парижѣ Шахназарьянъ далъ также нѣсколько неизданныхъ армянскихъ историковъ: Леона, Стефана Ассохи-

*) Армянская фамилія достопочтеннаго отца Минаса Бжшкьянъ.

Перев.

ка, Вахрама Рапуна, Оомы Мецофскаго и др. Армянскіе патріоты въ Константинополѣ издали труды Оомы Арцруни и Себеоса. Въ Эчміадзинѣ, гдѣ имѣется самая богатая коллекція армянскихъ рукописей, монахи этого патріаршаго монастыря также занимались изданіями; я укажу работы Шахатунова и Джалалянца о древностяхъ Арменіи, монастырскихъ и другихъ мѣстъ. Индійскіе армяне время отъ времени печатаютъ труды въ Калкуттѣ, а грузинскіе въ Тифлисѣ. Армянская типографія при монастырѣ св. Іакова въ Іерусалимѣ уже нѣсколько лѣтъ не выпустила ничего особенно выдающагося.

Столь богатая литература, какъ армянская, которая заключаетъ болѣе 40 историковъ, не считая работъ по теологіи, грамматикѣ, не могла остаться неоцѣненной европейскими учеными. Драгоценныя данныя, оставленныя намъ историками, объ Арменіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ необходимо привлекали вниманіе Запада, и съ начала прошлаго вѣка изученіе армянскаго языка культивируется въ Европѣ съ большимъ успѣхомъ. Но уже задолго до этого времени западные ученые стали переводить духовныя произведенія и составили грамматики и словари. Первымъ арменистомъ, имя коего заслуживаетъ указанія былъ Вареоломей Болонскій въ XVI вѣкѣ; затѣмъ Францискъ Ривола изъ Милана въ XVII вѣкѣ; Климентъ Галанусъ написавшій *Conciliatio Ecclesiae Armenae cum Romana* (о соединеніи армянской и римской церквей), Іаковъ Вильдотъ, французъ; Андрей Аккулуть, пруссакъ; Августъ Фейферъ, саксонецъ; Матюрень де-ла-Крозъ и аббатъ де Бламонъ Вильфруа, оба французы; Шрёдеръ, нѣмецъ; братья Уистоны, англичане, первые переводчики Моисея Хоренскаго; наконецъ, Валь, Белло, Мартэнъ и знаменитый лордъ Байронъ. Но первымъ ученымъ, который дѣйствительно далъ очень сильный импульсъ арменизму въ Европѣ былъ С.-Мартэнъ, членъ Института Франціи, авторъ работъ по исторіи и географіи Арменіи, которыя по справедливости считаются одними изъ славнѣйшихъ литературныхъ столповъ нашей эпохи. Если-бы ранняя смерть не отняла у науки С.-Мартэна, то изученіе арменизма пріобрѣло бы во Франціи самыя большіе успѣхи.

Среди болѣе знаменитыхъ ориенталистовъ нашего времени, которые горячо отдались изученію арменизма, нужно указать Бросса, члена Россійской Академіи Наукъ, Боре, Бѣттихера, аббата Карпелетти, Гоша, Неймана, Петермана, Вельта, Нева и Дюлорье.

Особенно способствовало вниманію Европы къ армянамъ

и ихъ странъ широкое развитіе ученыхъ путешествій на Востокъ. Кромѣ Шардена, Турнефора, Жобера, Клапрота были еще и другіе путешественники, познакомившіе насъ съ совершенно неизвѣстными областями Арменіи и посѣтившіе древнія страны, гдѣ народъ Гайка устроился первоначально. Дюбуа де Монперѣ—первый, который посѣтилъ и особенно заботливо описалъ области Великой Арменіи; послѣ него Тексье, Броссэ, Абижъ, Вагнеръ, Ханыковъ, отцы св. Лазаря Нерсесъ и Стефанъ объѣздили области Кавказа, высокой Арменіи, мѣстности, нѣкогда находившіяся во власти Аршакидовъ, Батратидовъ, Рубенидовъ и издали по большей части результаты своихъ путешествій. И теперь еще смѣлые изслѣдователи безспрестанно посѣщаютъ мало извѣстныя области Арменіи, заходя въ то же время въ страны, граничащія съ Сиріей, нѣкогда пройденныя армянскими выходцами, тѣми первыми христіанами, которыхъ крестоносцы встрѣтили на азіатской почвѣ, когда они готовились исторгнуть Гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ.

Издатели этой работы считаютъ долгомъ прибавить нѣсколько словъ объ авторѣ ея, Викторѣ Ланглуа, преждевременная смерть котораго слишкомъ рано отняла его у археологической науки.

Онъ былъ не только замѣчательный археологъ, но и ученый арменистъ, полезными и интересными трудами доставившій много услугъ ученому міру.

Въ частности, мы укажемъ нѣсколько его произведеній:

Путешествіе по Киликіи.

Ученое описаніе армянской нумизматики.

Собраніе документовъ временъ династіи Рубенидовъ.

Переводъ хронологіи Михаила-сирійца.

Онъ началъ также въ сотрудничествѣ съ мхитаристами изданіе коллекціи армянскихъ историковъ.

ВЗГЛЯДЪ и НѢЧТО.

38.

Грузинскія мелодіи—Г. Тиграновъ, въ чемъ дѣло?—Статьи г.г. Багдасарьянца, Папазяна, Мошорьяна и Тьерсо объ армянской музыкѣ.—Тифлисъ прежде и теперь.—Юбилей В. Баскина.—Непріятные инциденты.—„Погребальное шествіе“ Сербулова.—Наши концертныя программы.—Наши рецензенты.—Музыка въ антрактахъ драмы.—Музыка кавказская на выставкѣ.

Въ памятной книжкѣ моей я нашелъ рядъ замѣтокъ за минувшій годъ, изъ коихъ нѣкоторыя представляютъ нѣкоторый интересъ для нашихъ меломановъ и любителей музыки, что вызвало появленіе приводимыхъ ниже набросковъ.

Благодаря любезному предложенію проф. А. С. Хаханова, гостившаго нынѣшнимъ лѣтомъ на Кавказѣ и бывшаго проездомъ въ Тифлисъ, мнѣ довелось прослушать десятка два грузинскихъ напѣвовъ, воспроизведенныхъ фонографомъ. Сеансъ происходилъ въ помѣщеніи Грузинскаго общества распространенія грамотности, въ присутствіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ грузинскихъ литераторовъ, въ срединѣ августа мѣсяца. Напѣвы собраны *г. Палиевымъ*, окончившимъ въ прошломъ году курсъ теоріи въ Тифлисскомъ музыкальномъ училищѣ, а нынѣ продолжающимъ свое образованіе въ Московской консерваторіи под руководствомъ проф. Танѣева. Видимо, при воспріятіи, а так же при демонстраціи приборъ былъ плохо налаженъ; звучалъ

онъ часто весьма неудовлетворительно. Тѣмъ не менѣ слышанное мною представляло значительный интересъ. Исполненная фонографомъ пьеса можно раздѣлить на двѣ группы: напѣвы гурійскіе и кахетинско-карталинскіе. Разница между ними яркая; въ нихъ даже болѣе различія, чѣмъ сходства. Гурія, расположенная на юго-восточномъ берегу Чернаго моря, въ мѣстности весьма гористой, съ давнихъ временъ была посѣщаема мореплавателями изъ разныхъ странъ; въ музыкѣ гурійцевъ замѣтно особенно сильное вліяніе италіанцевъ и грековъ, какіе имѣли вообще значительное вліяніе на это воспріимчивое племя. Въ этихъ красивыхъ оборотахъ мелодій, въ этомъ смѣломъ движеніи голосовъ, въ этихъ чисто тирольскихъ перекликаніяхъ тоновъ, въ жизнерадостномъ настроеніи пѣсенъ отражается высокій, статный, стройный, красивый, храбрый обитатель горныхъ тѣсинъ. Въ тоже время греческіе лады и многоголосіе древняго латинскаго богослуженія съ постояннымъ движеніемъ голосовъ въ квинту отражаютъ вліяніе многочисленныхъ заморскихъ миссіонеровъ, путешественниковъ, купцовъ, скульпторовъ и т. п., охотно посѣщавшихъ эту страну. Какъ въ большинствѣ азіатскихъ напѣвовъ, здѣсь много однообразнаго, утомительнаго для нашего слуха, но ни одно кавказское племя, даже, я думаю, ни одинъ азіатскій народъ не имѣетъ такихъ оживленныхъ, полифоническихъ, стройныхъ напѣвовъ, съ такимъ опредѣленнымъ ритмомъ (преимущественно въ $\frac{2}{4}$).

Напротивъ, Карталинія, восточная часть Грузіи, болѣе подвергавшаяся гнету персидскаго владычества, болѣе однообразная по своей природѣ, даетъ намъ напѣвы заунывные, бѣдные гармоніей, почти всегда одноголосные; характеръ мелодій персидскій, сопровождающіе голоса движутся нерѣшительно, ошупью, повременамъ слагаясь въ аккорды, а чаще замолкая совершенно, ритмъ трудно уловимый, настроеніе монотонное, грустное.

Вовсѣхъ напѣвахъ больше научнаго интереса, чѣмъ художественнаго, но встрѣчаются яркіе, эффектныя эпизоды, достойныя обработки рукою геніальнаго мастера. Нѣтъ основанія ожидать въ близкомъ будущемъ композитора, который создалъ бы изъ этого матеріала великое произведеніе искусства, но можно догадываться о тѣхъ необыкновенныхъ красотахъ, которыя появятся въ послѣднемъ. Такіе геніи въ изображеніи *couleur local*, какими были Глинка, Бородинъ или Бизе, Верди (Аида), могли бы почерпнуть въ нашихъ напѣвахъ не менѣ благодарный матеріалъ, чѣмъ въ египетскихъ или даже въ испанскихъ и русскихъ.

Все сказанное мною здѣсь — впечатлѣніе кратковременнаго и не вполне удовлетворительнаго сеанса. Обстоятельная, желанная разработка, изученіе этихъ напѣвовъ также ожидаетъ своего изслѣдователя, какъ искусство ожидаетъ появленія гениальнаго композитора оріенталиста, который обработалъ бы ихъ. Отъ современниковъ нашихъ ожидать нечего.

По случаю моей статьи о Кавказской музыкѣ въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ“ г. *Н. Тирановъ* бросилъ мнѣ нѣсколько упрековъ въ „Новомъ Времени“ (№ 8939). За что эти глухіе упреки? Въ чемъ дѣло? Я думаю, этого не сумѣетъ объяснить и г. *Тирановъ*. Вотъ строки статьи его, касающіяся меня: „Если г. В. Д. К. потрудился бы провѣрить записанныя хотя бы мною мелодіи съ подлинниками, то не было-бы голословныхъ толкованій“. О чемъ тутъ рѣчь? Гдѣ эти голословныя толкованія? Въ чемъ я осуждалъ напѣвы, записанные г. *Тирановымъ*?

Я настаивалъ и настаиваю на желательности изданія народныхъ напѣвовъ въ подлинномъ, автентичномъ видѣ и съ этой точки зрѣнія нахожу, что сборники г. *Тиранова* неудовлетворительны не потому, что я сомнѣваюсь въ подлинности *мелодій*, а только потому, что г. *Тирановъ* отпечаталъ на нотахъ *bearbeitet*, т. е. мелодіи *обработаны*. Автору сборниковъ я не имѣю основанія не вѣрить и долженъ признать напѣвы армянскіе въ этихъ сборникахъ *обработанными*, а разъ напѣвы *обработаны*, то они не могутъ представлять собою того сырого матеріала, автентичнаго, подлиннаго, появленіе коихъ въ печати я нахожу наиболѣе цѣннымъ.

Обращаюсь къ другимъ строкамъ моей статьи, гдѣ сказано: „Какъ много теряемъ мы и какъ много теряютъ г. *Тирановъ* и г. *Экмальянъ*, не сообщая, хотя бы вкратцѣ, своихъ взглядовъ на армянскую пѣсню, не излагая хоть въ нѣсколькихъ строкахъ ея особенностей, ея характеристики!“

Фельетонъ г. *Тиранова* въ „Новомъ Времени“, завершающійся брошенными мнѣ упреками, заключаетъ въ себѣ именно *взгляды г. Тиранова на арм. пѣсню, ея особенности и характеристику*. Я далекъ отъ мысли приписать себѣ импульсъ въ трудъ такого рода, хотя трудъ этотъ первый въ своемъ родѣ и появился послѣ многолѣтнихъ печатныхъ и словесныхъ указаній моихъ о значеніи такою изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ фельетонъ г. *Тиранова* по содержанію своему настолько радуетъ меня, что заставляетъ забыть о непонятномъ мнѣ, но язвительномъ упре-

кѣ. Подобныя изслѣдованія слишкомъ цѣнны для искусства, чтобы не пожелать наибольшаго успѣха труженикамъ въ этой области музыкальной науки.

Въ упомянутой выше статьѣ моей „Кавказская музыка“ были приведены указанія обо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ трудахъ, касающихся этого предмета. Со времени появленія этихъ Библиографическихъ замѣтокъ появились, кромѣ фельетона г. Тигранова въ „Новомъ Времени“, двѣ статьи на ту же тему въ периодической прессѣ. Въ № 19 *Рус. Муз. Газ.* (1901) г. *Емше А. Бадасаріанцъ* помѣстилъ слѣдующую краткую замѣтку:

Еще въ началѣ 60-хъ годовъ молодой и талантливый композиторъ г. Габріель Еронянъ написалъ нѣсколько романсовъ, пріобрѣвшихъ большую популярность. Съ 1862 года онъ издавалъ музыкальный журналъ подъ названіемъ „Армянская Лира“, но въ сентябрѣ того же года онъ скончался, и смерть его горько оплакивалась армянами. „Армянскую Лиру“ продолжалъ издавать товарищъ и ученикъ г. Ероняна п. Тигранъ Чахуджіанъ, который съ 1863 года предпринималъ изданіе и другого музыкальнаго журнала „*Méodies Osmaniennes*“, который онъ издавалъ только въ продолженіе 3-хъ лѣтъ. Чахуджіанъ изучилъ музыку у лучшихъ композиторовъ и, собравъ въ Константинополь небольшой оркестръ изъ армянъ, три года работалъ надъ созданіемъ оперы „Аршакъ II-ой“, исторической оперы въ 5-ти дѣйствіяхъ. Слова были написаны по-армянски и по-итальянски, для музыки же одинаково удобенъ какъ одинъ, такъ и другой тексты. Опера эта отличается своеобразнымъ характеромъ, состоящимъ въ попыткахъ сближенія и слиянія общеевропейской музыки съ азиатской. Отрывки изъ этой оперы были даваемы на разныхъ европейскихъ сценахъ и пьеса настолько пріобрѣла извѣстность, что въ 1873 году Т. Чахуджіанъ былъ приглашенъ поставить свою оперу въ Вѣнѣ на всемірной выставкѣ. Кромѣ поименованныхъ изъ армянскихъ композиторовъ былъ извѣстенъ тогда и Варданъ Папазіанъ, авторъ многихъ романсовъ и еще трехъ-четырехъ серьезныхъ музыкальных произведеній.

Какъ видно г. *Бадасаріанцъ* не рѣчистъ, но, быть можетъ, и за эту замѣтку его когда нибудь поблагодарить музыкальный историкъ.

Другая статья принадлежитъ перу *В. Папазяна* и помѣщена съ *Этнографическомъ Обзорѣмъ* (1901, № 2). Это этнографическій очеркъ объ армянскихъ цыганахъ, *бошѣ* гдѣ, между прочимъ имѣется, глава о танцахъ и музыкѣ этого племени. Содержаніе этой краткой главы слѣдующее:

На свадьбѣ музыкантами являются ашуги изъ боша, которые играютъ или на скрипкѣ, или на пастушеской волынкѣ. Танцы по преимуществу

армянскіе; женщины не танцуютъ вмѣстѣ съ мужчинами, а только отдѣльно. Какъ самобытные настоящіе танцы боша Yaillant упоминаетъ ромайку и крестообразный танецъ (который будто бы танцуютъ на Пасху). Эти танцы, по его словамъ, походятъ на индѣйскіе танцы баядерокъ или на египетскіе танцы „алма“ и „павази“. Если у настоящихъ армянскихъ боша и были когда-нибудь подобные танцы, то изъ нихъ теперь остался только одинъ видъ, который танцуютъ женщины боша. Персидскіе мтрибы и турецкіе чингене имѣютъ много различныхъ танцевъ; безъ сомнѣнія, ихъ видѣлъ каждый азіатецъ, эти танцы напоминаютъ тѣ развратные и дѣйствующіе на чувственность мавританскіе танцы, которые съ большимъ искусствомъ исполняются даже на улицахъ Константинополя женщинами чингене и на персидскихъ пирушкахъ мальчиками мтрибы. Эти танцы изобилуютъ страстными движеніями, съ размахиваніемъ рукъ и извиваніемъ тѣла. При танцахъ употребляются маленькія деревянныя кастаньеты, надѣваемые на пальцы. Эти-то танцы называются танцами египетскихъ Алма

Крестообразный танецъ, безъ сомнѣнія, тотъ танецъ, который исполняется четырьмя женщинами боша: онѣ приставляютъ другъ къ другу свои головы и, стоя на мѣстѣ, подпрыгиваютъ. Танецъ этотъ исполняется не только въ праздникъ Пасху, но и на пирушкахъ, но только подальше отъ мужчинъ.

О музыкѣ, послѣ изслѣдованій Листа, мало остается сказать. У боша почти нѣтъ теперь самостоятельной музыки; всѣ ихъ пѣсни и мелодіи танцевъ взяты у армянъ или у прежнихъ сосѣдей.

Мнѣ удалось все-же записать нѣсколько вещей, совершенно не похожихъ на армянскіе мотивы, и мнѣ кажется, что это собственные мотивы боша, тѣмъ болѣе, что по духу они очень похожи на мотивы европейскихъ и турецкихъ цыганъ.

A-B-Cis-D-Es-Fis-g-a-b-cis-d.

Гамма эта очнь похожа на персидскій мотивъ „гиджас“, но отличается отъ него sol diésé омъ. Мотивы крикливы; иногда трогательно-нѣжны, то вдругъ пронзительны и трескучи. Кромѣ этой гаммы, въ качествѣ танцевъ, есть у нихъ мажорныя пѣсы, совершенно оригинальныя, напоминающія мавританскіе танцы. Для того, чтобы составить понятіе о настоящихъ мотивахъ боша, достаточно познакомиться съ цыганскими танцами Юг. Брамса и „2-ой венгерской рапсодіей“ Листа.

Оригинальная старая музыка боша, хотя и подверглась армянскому и турецкому вліянію, тѣмъ не менѣе представляетъ много сходства съ самобытными обще-цыганскими мотивами.

Свѣдѣнія, приводимыя г. *Папазьяномъ* малоцѣнны, потому что обличаютъ въ немъ поверхностное знакомство съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ взялся писать. Тутъ мы встрѣчаемъ надъ однимъ рядомъ тоновъ два названія: гамма армянскихъ боша и Mode chromatique arabe; затѣмъ: „гамма похожа на мотивъ“; „отличается sol—diэзомъ“, котораго, однако, въ гаммѣ не имѣется. Подобныя характеристики заслуживаютъ вниманія по столько, по сколько онѣ вызываютъ опроверженіе

специалистовъ, если же опроверженій не появится, то и характеристику эту можно предать забвенію.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ армянскаго театральнаго журнала „Татронъ“ г. П. Мачорьянъ помѣстилъ статью о восточной музыкѣ; статью эту въ сокращенномъ видѣ и въ переводѣ на рус. языкъ г. *Амфа-Омеа* привожу ниже. Много въ ней добрыхъ намѣреній, много восторженныхъ фразъ, но также много догадокъ, гипотезъ и неосновательныхъ выводовъ.

„Какъ называется та чудная дочь неба, которая, имѣя для самыхъ различныхъ народовъ одинаково превлекательную силу, говоритъ на языкѣ, который не нуждается въ переводѣ, и который равно понятенъ во всѣхъ странах!—Имя ей—музыка“. Такъ говоритъ знаменитый профессоръ Эм. Науманъ въ предисловіи къ своему извѣстному труду, „Всеобщей исторіи музыки“. Но въ цѣль нашу не входитъ знакомить читателя съ этимъ прекраснымъ искусствомъ. Впослѣдствіи мы познакомимъ читателя съ прошлымъ музыкальнаго творчества и скажемъ о тѣхъ народахъ, которые въ извѣстные историческіе періоды были связаны съ армянскимъ народомъ, созрѣвали отъ взаимнаго обмѣна культуръ и слились въ одно, создавъ сложную массу различныхъ чувствъ и ощущеній. Очень жаль, что въ трудѣ г-на Наумана мы не находимъ ни одного слова о прошломъ армянской музыки, музыки того народа, сыновъ котораго, за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова, Геродотъ видѣлъ въ Вавилонѣ и черезъ землю котораго прошелъ Ксенофонтъ. Но это молчаніе еще не означаетъ, что армянскій народъ въ своемъ историческомъ прошломъ не имѣлъ музыки, какъ бы она не была проста и безыскусна. Когда, интересуясь музыкальнымъ творчествомъ различныхъ народовъ, мы начинаемъ вникать вглубь вѣковъ и прислушиваться къ первому лепету человѣка, то замѣчаемъ, что музыка вездѣ и всегда служила отраженіемъ умственного развитія народовъ. Опредѣленный запасъ мыслей создавалъ соотвѣтствующій художественный вкусъ и понятія, и человѣкъ, постоянно совершенствуя свою мысль, стремился усовершенствовать свои чувства. Могло ли быть иначе относительно армянскаго народа, когда путь къ совершенству и развитію вездѣ одинъ и тотъ же? Проходили вѣка, но постепенно развивающееся созданіе—человѣкъ, напрягая всѣ свои душевныя способности, все-таки не могъ проникнуть въ тѣ темныя, сокрытыя отъ него тайны, которыми дышала окружающая его природа. Характеръ народа

всегда налагалъ извѣстную печать на его художественныя произведенія. Каковъ же былъ армянскій народъ въ первые вѣка своего существованія и какое значеніе имѣли для него музыкальныя произведенія? Попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ, бросивъ бѣглый взглядъ на соплеменные армянамъ народы, которые въ продолженіе вѣковъ жили и чувствовали одинаково съ ними. Въ теченіе десятковъ вѣковъ массы переселенцевъ занимали разныя части Арменіи и постепенно сливались съ господствующимъ элементомъ. Главнѣйшими изъ этихъ переселенческихъ народовъ по многочисленности и по умственному превосходству, были въ высшей степени энергичные и живые мавры и евреи, которые вмѣстѣ со своими племенными особенностями внесли и культурныя блага. Способный еврейскій народъ, которому суждено вѣчно играть видную роль во всемірной исторіи, составлялъ значительный элементъ въ населеніи гостепріимной Арменіи. Нѣтъ сомнѣнія, что на чужбинѣ, народъ, отдаленный отъ родной земли въ минуты душевной скорби, долженъ былъ изливать въ звукахъ свои заветныя мысли и вспоминать своего вѣчнаго Бога; того невидимаго Творца, который обѣщалъ этому избранному народу милосердіе и благословеніе, если онъ останется вѣрнымъ своему Создателю. О музыкѣ евреевъ Науманъ говоритъ: „Ему пѣла она свои хвалебныя пѣсни, посредствомъ ея сообщалось также удрученное сердце одинокого человѣка со Всевышнимъ, Спасителемъ отъ нужды и несчастья. Музыка явилась поэтоу у израильтянъ впервые посредницею для личнаго сношенія человѣка съ Богомъ“. Но насколько повліялъ этотъ гениальный народъ на развитіе музыки армянскаго народа, объ этомъ мы ничего не знаемъ. При изученіи исторіи музыки необходимо принимать во вниманіе степень воображенія народовъ и мѣру ихъ любви къ природѣ. Неопровержимо то обстоятельство, что окружающая природа налагаетъ на своихъ питомцевъ глубокую печать. Пріятно улыбающійся міръ еще съ колыбели влагаетъ въ человѣка чувство прекраснаго. Обращаясь къ предкамъ армянъ, для насъ неоспоримо, что армяне, до сихъ поръ живущіе по берегамъ Ванскаго озера и рѣки Аракса, всегда были народомъ живымъ и веселымъ, благодаря своему прекрасному отечеству. Исторія сохранила названіе одной провинціи (Гохтанъ)¹⁾, жители которой изъ вѣка въ вѣкъ воспѣвали славу и величіе царей, прекрасное небо и землю и пѣли скорбь любви

¹⁾ Провинція Гохтанъ находилась близъ р. Аракса. Въ ней былъ городъ Джуха или Джульфа. М. Хоренскій представляетъ эту провинцію рѣ-

Праотець армянской исторіи, М. Хоренскій, по поводу праздника Навасарда ²⁾, приводит поэтический образец, составленный нашими предками и за много вѣковъ до Рождества Христова распѣвавшійся народомъ при празднованіи, обильнаго земными благами, новаго года Арменіи.

Сколько говорятъ намъ эти старинные стихи!

„О! еслибъ кто далъ мнѣ (видѣть) изъ трубъ дымъ
(выходящій)

И утро Навасардское,

И бѣгъ оленей, и крикъ ланей!

Мы въ рога трубили и въ барабаны били“.

Веселый, безпечный народъ, толпившійся вокругъ храмовъ своихъ боговъ, трубилъ въ трубы и билъ въ барабаны ³⁾...

диною армянскихъ рапсодовъ, страною обильною виномъ и всѣми дарами природы. Здѣсь долго держалось язычество со всѣми своими обрядами и преданіями. До половины V вѣка существовали еще знаменитые гоxtанскіе пѣвцы или рапсоды, которые во время М. Хоренскаго воспѣвали въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ подвиги и дѣянія армянскихъ царей и героевъ языческихъ временъ.

²⁾ День Новаго года языческихъ временъ. Въ V вѣкѣ армянскими переводчиками библии день этотъ былъ установленъ 11-го Августа. Ранѣе же того онъ былъ переходящимъ.

³⁾ Авторъ почему-то вышеприведенный отрывокъ пѣсни приписываетъ М. Хоренскому, тогда какъ г-нъ Эминъ, приводя этотъ отрывокъ, ссылается на рукописи, хранящіяся въ Лазаревскомъ Институтѣ, и говоритъ: „Отрывокъ этотъ изъ пѣсни випасановъ о царѣ Арташестѣ, сохранившійся до IX вѣка въ одномъ изъ писемъ (письмо 44) Григорія Магистра, который самъ слышалъ, какъ пѣлась эта пѣснь въ народѣ. Немногимъ стихамъ ея онъ предпосылаетъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ излагаетъ ея содержаніе. Въ нихъ випасанъ (рапсодъ) представляетъ умершаго царя, выражающаго въ царствѣ тѣней сожалѣніе о невозвратно-минувшихъ царскихъ забавахъ, о томъ, что ему не видать болѣе клубящагося дыма, выходящаго изъ трубъ и т. д.“ Изъ этого изложенія видно, что не веселая толпа народа била въ барабаны и трубила въ рога, толпясь вокругъ храмовъ въ праздникъ Навасарда, какъ то поясняетъ авторъ, а что это пѣснь народныхъ рапсодовъ, выражающая плачь царя въ могилѣ о томъ, что онъ не можетъ впредь доставлять себѣ царскую забаву—охоту, съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ рога; видѣть бѣгъ оленей и слышать крикъ испуганныхъ ланей; словомъ, то удовольствіе, которое онъ ощущалъ при жизни, выѣзжая раннимъ, навансардскимъ утромъ (въ августѣ мѣсяцѣ) на охоту. При томъ авторомъ, почему-то, опущена послѣдняя, пятая, строка отрывка: „какъ то обычно царямъ“, что еще болѣе подтверждаетъ вышесказанное (См. М. Эминъ: „М. Хоренскій и Армянскій эпосъ“).

Пр. пер.

но содержаніе этихъ пѣсенъ и напѣвы ихъ не дошли до насъ ⁴⁾.

Будучи сынами прекрасной природы и имѣя непрерывныя сношенія съ умными и способными сосѣдными народами, произведенія искусствъ которыхъ до сихъ поръ восхищаютъ всякаго,

⁴⁾ Для сохраненія напѣва нужна была нотация, которая въ исторіи народовъ появилась позднѣе, чѣмъ азбука. Изданный звукъ проносится и исчезаетъ въ воздухѣ. Для сохраненія его имѣется лишь одно средство—память народа, но средство это слишкомъ шаткое. Многія причины могли препятствовать тому, чтобы народные напѣвы сохранились въ ихъ первоначномъ видѣ: постоянныя народныя смуты, вліяніе одного народа на другой и т. п. могли измѣнять характеръ напѣвовъ и такимъ образомъ довести ихъ до насъ совсѣмъ искаженными. Что же касается до ихъ содержанія, то, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о пѣсняхъ древнѣйшихъ народовъ, необходимо обращаться къ историческимъ памятникамъ или къ лѣтописцамъ. До половины прошлаго столѣтія армянскіе изслѣдователи и западные арменисты мало были освѣдомлены о существованіи древнихъ армянскихъ пѣсней. Но вотъ появилось „Изслѣдованіе“ М. Эмина, имѣвшее цѣлью доказать, что языческая Армения обладала обширнымъ запасомъ пѣсней, замѣнявшихъ исторію въ этой странѣ въ древнѣйшій періодъ ея существованія. Творцами величавыхъ образовъ-героевъ древнѣйшей исторіи были армянскіе *випасаны* (эпическій аэдъ, сказатель былинъ, баянъ, рапсодъ) и почти только на этихъ эпическихъ *пѣсняхъ* держится часть исторіи Арменіи. М. Хоренскій часто дѣлаетъ выписки изъ „*пѣсней випасановъ*“. Излагая исторію Бѣлокураго Тиграна, онъ говоритъ: „о немъ древніе наши пѣвцы при *звукахъ бамбирна* пѣли...“ (М. Хоренскій, кн. I, гл. 24 пер. Эмина). *Бамбирнъ*—музыкальный струнный инструментъ, бывшій въ употребленіи у древнихъ армянскихъ рапсодовъ. Въ кн. I, гл. 14-я упоминается еще о *гусангахъ*, воспѣвавшихъ подвиги и мужество героевъ. *Гусанъ* это древній рапсодъ, поющій передъ народомъ пѣсни, сопровождаемыя мимикой, подобно тому, какъ это было въ древнегреческихъ трагедіяхъ. Какъ въ древнія, такъ и въ послѣдующія времена, народная поэзія въ Арменіи имѣла (что теперь несомнѣнно доказано) множество представителей въ лицѣ *гусановъ*, *импровизаторовъ* и *ашуговъ* (народный пѣвецъ). Въ ихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ богатырскія сказанія чисто эпическаго строя, пѣсни историческія, свадебныя, эротическія и т. д. Армянскій эпосъ начался теогонією, въ которой воспѣвались первые боги и происшедшіе отъ нихъ исполины, боровшіеся противъ нихъ, какъ нѣкогда титаны противъ Зевса. Какъ вообще въ теогоніяхъ древнихъ народовъ, въ ней пѣлось о происхожденіи боговъ и о началѣ міра. М. Хоренскій приводитъ массу образчиковъ, изъ которыхъ многіе сохранили стихотворную форму. Изъ нихъ мы видимъ, что ни одно историческое событіе, ни одно народное преданіе не осталось забытымъ випасанами. Приводя отрывокъ пѣсни о рожденіи бога Вахагна, Хоренскій говоритъ: „Мы собственными ушами слышали, какъ пѣли э пѣснь, сопровождая ее бамбирномъ“. (М. Хор., кн. I, гл. 31-я). Вообще сколько-нибудь выдающіяся событія жизни находили отзвукъ въ душѣ випасановъ и они въ поэтическихъ образахъ воспѣвали ихъ.

Прим. пер.

армянскій народъ не могъ бы оставаться дикимъ элементомъ, которому не понятны были бы блага искусства. Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ свою національную, носящую свойственный ему отпечатокъ, музыку и посредствомъ ея воспѣвалъ природу и смягчалъ сердца своихъ боговъ, вознося къ небу благодарственные гимны. И развѣ возможно представить себѣ хоть одну религію—общеніе поклоняющихся, переполненныхъ чувствами страха, надежды и благоговѣнія къ невидимымъ существамъ,—безъ помощи молитвъ и безъ мелодій, выражающихъ славу и поклоненіе? —Никогда! Человѣкъ всегда стремился являться совершеннымъ передъ создавшимъ его невидимымъ существомъ. Въ этихъ общеніяхъ человѣкъ старался выказать все богатство своей души и своихъ мыслей, всю свою энергію и ревность, а потому къ словамъ присоединялъ и рыданія и шумъ веселья.

Какіе смутные и неопредѣленно-таинственные звуки доносятся до насъ изъ подъ развалинъ армянской жизни, когда мы, на мгновеніе, мысленно сокративъ время, почувствуемъ себя въ тяжелой атмосферѣ невозвратныхъ временъ и услышимъ богобоязненный шопотъ молитвъ сыновъ Урарды! Да, армянская языческая религія въ продолженіе вѣковъ имѣла свои пѣсни и мелодіи, свою самостоятельную музыку, въ которой мы должны искать начало и источникъ теперешнихъ христіанскихъ мелодій. Это тѣ же безчисленныя, нѣжныя и обворожительныя, пріятныя и божественныя мелодіи, которыя дошли до насъ съ очень немногими измѣненіями. Разрушить одну религію или одну идею и на мѣсто ея возвести другую, это можетъ сдѣлать человѣкъ однимъ полетомъ своей фантазіи, но сказать человѣку, чтобы онъ въ одинъ мигъ отбросилъ свой вкусъ, свои художественныя понятія и вмѣсто нихъ усвоилъ себѣ вкусъ и понятія сосѣдей—это невозможно. Года, иногда вѣка, необходимы для того, чтобы искоренить изъ народа его вкусъ, понятіе о прекрасномъ и на мѣсто ихъ привить другіе. Воспринимая въ 301 году христіанство армянскій народъ не могъ съ новой религіей воспринять и религіозную музыку народа, поклоняющагося Іеговѣ. По всей вѣроятности молитвы, возносимыя новому Богу, пѣлись на мотивъ языческихъ временъ, съ самыми ничтожными измѣненіями. Это наше предположеніе получить болѣе вѣроятія, когда мы обратимъ наше вниманіе на то обстоятельство, что въ IV же вѣкѣ, въ первые годы принятія ірмянами христіанства, начался золотой вѣкъ нашей умственной жизни и, какъ говоритъ исторія, многосодержательныя армянскія религіозныя мелодіи были приведены въ порядокъ и

раздѣлены на такты. Надо принять во вниманіе, что исторія музыки двухъ наистарѣйшихъ народовъ, составляющая предметъ нашего изученія, относится главнымъ образомъ къ тѣмъ временамъ, когда религіи возникали одна за другой и когда духовный міръ человѣка все болѣе и болѣе расширялъ свои границы; къ тѣмъ временамъ, когда колесо жизни быстро и сознательно двигало народы и націи по пути совершенствованія, обобщая божественныя идеи и стремясь возвысить человѣка до божества. Въ тѣ времена все міровозрѣніе человѣка вертѣлось вокругъ одной идеи— „Богъ“ и создало новыя общенія между Имъ и собою. Слѣдствіемъ этого было то, что искусство, со всѣми своими отраслями, шло украшать храмы новосозданнаго Бога и тамъ звучать молитвами и вздохами, вырывающимися изъ человѣческаго сердца. Въ теченіе вѣковъ въ субъектѣ, мало по малу, умерщвлялось все человѣческое; свѣтская жизнь, со всѣми ея прелестьями и справедливыми требованіями, стала презираться, и человѣкъ почувствовалъ себя одиноко стоящимъ передъ невидимымъ Творцомъ. Вотъ почему въ продолженіе болѣе десяти вѣковъ всѣми восточными народами пѣлись только религіозныя мелодіи и все пламя человѣческаго сердца, весь его пылъ всецѣло приносился въ жертву, во славу новосозданной идеи. Армянскій народъ, какъ продуктъ своего времени и среды, поступилъ такъ-же, какъ и окружающіе его сосѣдніе народы. Вотъ причина того, что его нѣжная, изящная и богатая музыка посвящена только религіознымъ мелодіямъ и молитвамъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ странахъ Востока, руль прогресса и развитія оставался только въ рукахъ представителей религіи, которые управляли внѣшней и внутренней политикой этихъ странъ и двигали дѣло развитія и воспитанія. Національная литература сдѣлалась достояніемъ духовенства и монастыря и цѣлыми вѣками „недалновидный дѣятель“ довольствовался только пѣньемъ шаракановъ⁵⁾ и нѣкоторыми сухими историческими свѣдѣніями.

⁵⁾ Шараканъ—книга, заключающая въ себѣ церковныя каноны и пѣсни. Корень слова—шаръ, что означаетъ—пѣснь (семитическаго происхожденія). Шараканы написаны на древне-армянскомъ языкѣ. Одни изъ нихъ написаны обыкновенной прозой, другіе—размѣренной прозой, третьи—бѣлыми стихами, четвертые—стихами-же, но рифмованными. Каноны и пѣсни эти поются въ армянскихъ церквахъ въ назначенные дни, часы и праздники. Шараканы еще въ XII вѣкѣ были извѣстны представителямъ византійско-греческой церкви. Это видно изъ посланія императора Эммануила I Комнена, адресованнаго католикосу Арменіи Григорію IV. Во время сношенія грековъ съ армянами, по поводу объединенія церквей, импе-

Армянское духовенство съ презрѣніемъ отвернулось отъ дорогихъ преданій народной жизни и не дало никакихъ указаній на мировоззрѣніе армянскаго народа, степень его развитія и на его бытъ. Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о свѣдѣніяхъ относительно происхожденія свѣтской музыки, когда ясно, что силы наилучшихъ мыслителей и наиболѣе одаренныхъ людей были направлены въ одну отдаленную точку—удаленія человѣка отъ мірскихъ волненій и чувствъ. Армянское духовенство сохранило въ неприкосновенности только такія святыни, какъ пѣсни, мелодіи, молитвы или шараканы. Да, армянское духовенство строго исполнило свою миссію. Не потому-ли соединенныя силы всего христіанскаго міра были безсильны сломить его упрямство и заставить его *„смыть вѣду съ виною“* или вмѣсто: *„исходящую отъ Отца“*, сказать *„исходящую отъ Отца и Сына“*. Вотъ почему мы не допускаемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности такихъ напѣвовъ какъ: „Паргеватунъ аменецунъ“, „Айсоръ кангнецавъ“, „Норъ Сканчеликъ“ и другихъ шаракановъ, сочиненныхъ святымъ Саакомъ-Патріархомъ. Послѣ св. Саака-Патріарха, прародителя національной армянскій музыки, жившаго въ IV вѣкѣ, появляется другое духовное лицо, Епископъ Степанъ, который, по словамъ историка Орбельянъ, сталъ извѣстенъ сочиненными имъ шараканами и обозначеніемъ музыкальныхъ церковныхъ тонацій. По словамъ того же историка Епископъ Степанъ имѣлъ сестру, по имени Саакадухтъ, которая вмѣстѣ съ братомъ сочиняла шараканы и мелодіи⁶⁾. Послѣ этого развитію армянской музыки былъ данъ толчекъ—извѣстнымъ монастыремъ Арка Кахны⁷⁾, который назывался обителью знатоковъ музыки.

Въ VII вѣкѣ вся Азія стонала подъ игомъ арабовъ. Никогда Армения не имѣла болѣе грознаго и кровожаднаго противника; онъ былъ могучъ умственной и физической силой.

раторъ, между прочимъ, писалъ: „увѣдомляю тебя, что соблазнъ, существовавшій въ нашемъ сердцѣ, мы исцѣлили посредствомъ богослужебныхъ вашихъ пѣсень (обращенныхъ) къ Богу“. Шараканы переведены на французскій, итальянскій и на русскій языки. Полный русскій переводъ М. Эмина, 1879 г. Москва.

Пр. пер.

⁶⁾ Число шаракановъ такъ умножилось, что католикосъ Арменій Нерсѣсъ-Строитель, въ 645 году, принужденъ былъ (въ Двинскомъ соборѣ) сдѣлать изъ нихъ выборъ для церковнаго обихода, такъ какъ употребленіе всѣхъ шаракановъ, хотя и въ разные дни, черезъ-чуръ затягивало богослуженіе.

Пр. пер.

⁷⁾ Король дубовъ.

10

Армянскій народъ упорно сопротивлялся ему. Существованіе опасности сдѣлало его бдительнымъ и народъ все же съ избыткомъ пользовался благами культуры жестокаго властелина, не подвергая опасности свою національную самостоятельность—свою религію и языкъ.

Профессоръ Эм. Науманъ, въ своемъ трудѣ: „Всеобщая Исторія Музыки“, начало персидской музыки полагаетъ въ VII вѣкѣ, со времени владычества арабовъ, но въ какомъ состояніи до этого времени находилась музыка въ странѣ Дарія и Кира, объ этомъ въ упомянутомъ изданіи нѣтъ ни слова. Неопровержимо лишь то, что арабская музыка имѣла громадное вліяніе на персидскую ⁸⁾ и армянскую музыку, что можно подмѣтить и въ наши дни.

Страстные, въ высшей степени привлекательныя арабскія мелодіи наложили свой отпечатокъ на армянскіе религіозные напѣвы. Хотя жестокій фанатизмъ арабскаго народа порождаетъ ненависть и отвращеніе у націй, страдавшихъ подъ его игомъ, но произведеніями его талантовъ пользовались всѣ. Дѣйствительно, искусство не имѣетъ отечества. Человѣкъ полный властелинъ всѣхъ тѣхъ благъ и чудесъ, которыя создаются ему подобными, и въ частности армянинъ всегда старался пользоваться этими благами. Чувствуя себя дѣятелемъ на путь прогресса и развитія, онъ всегда пользовался произведеніями ума эксплуатирующихъ его мучителей и гонителей.

⁸⁾ Авторъ допускаетъ тутъ грубую ошибку, такъ какъ въ упомянутомъ имъ трудѣ г-на Наумана (въ 4-й Главѣ, „Исламити“) читаемъ „... и Ново-Персія, подпавшая подъ ихъ власть (арабовъ), способствовала, благодаря особенному характеру своихъ жителей и смѣшенію ихъ съ завоевателями, внесенію въ музыку исламитовъ присущаго имъ характера. Особенно начала процвѣтать вся культура арабовъ съ того момента, когда они, въ VII столѣтіи послѣ Р. Хр., завладѣли Ново-Персіей“. Дальше, въ той же главѣ: „Усиленное занятіе музыкой начинается у исламитовъ (особенно же среди арабовъ) въ то время, когда завоеваніе Ново-Персіи поставило ихъ въ болѣе близкія отношенія къ музыкальнымъ жителямъ этой прекрасной страны“. У Наумана же упоминается о томъ, что одна изъ тональностей арабской музыки называется по имени древней столицы Персіи „Испанагоми“. Кроме того во „Всеобщей исторіи музыки“ проф. Л. Саккетти читаемъ: „арабы, воспринявъ персидскую образованность, усвоили себѣ и персидскую музыку“. Въ подтвержденіе этого Саккетти цитируетъ одного арабскаго писателя: „Арабы, пишетъ Индь-Хаидунъ, образовали свой вкусъ подъ вліяніемъ персовъ. Багдадъ былъ тогда средоточіемъ хорошей музы. и багдадское пѣніе до сихъ поръ (т. е. до 1400 г. по Р. Хр.) доставляетъ удовольствіе хорошему обществу“. Въ томъ-же трудѣ г-на Саккетти говорится, что арабская музыка получила теоретическую разработку со времени покоренія Персіи Омаромъ въ 636 году по Р. Хр. Пр. пер.

Тѣ двѣ мелодіи, на которыхъ мы хотимъ остановиться нѣсколько дольше, служатъ яснымъ доказательствомъ сказаннаго выше и несомнѣнно указываютъ на родственную связь въ музыкѣ восточныхъ народовъ, какъ на слѣдствіе ихъ взаимныхъ общеній и взаимнаго вліянія ихъ культуръ. Даже для поверхностнаго наблюдателя ясно замѣтно сходство оборотовъ, которые существуютъ въ мотивахъ армянской и персидской музыки. Собраніе многочисленныхъ персидскихъ религиозныхъ мелодій, заключающихъ въ себѣ: „Ду-гя“, „Се-гя“, „Чаръ-гя“ и др. имѣютъ вполнѣ подобныя себѣ въ армянской религиозной музыкѣ, каковыя называются „Еркродъ-дзайнъ“, „Ерордъ-дзайнъ“, „Чорордъ-дзайнъ“ *) что есть не болѣе, какъ буквальный переводъ персидскаго: „Ду-гя“, „Се-гя“ и т. д. Большая часть религиозныхъ напѣвовъ, поющихя современными персидскими пѣвцами, суть древніе религиозные напѣвы того же народа, съ измѣненнымъ содержаніемъ текста: вмѣсто непонятныхъ фарсидскихъ словъ составленъ новый текстъ, который и поется всегда и вездѣ. Даже до сихъ поръ нѣкоторыя старинныя персидскія мелодіи поются на слова извѣстныхъ поэтовъ: Фирдуси, Хафиза и Саади, которыя большинству слушателей остаются непонятными. Къ этой категоріи восточныхъ напѣвовъ принадлежатъ мелодіи: „Чаръ-гя“ и „Норузъ Араби“, которыя въ настоящее время извѣстный гармонизаторъ восточной музыки Ник. Тиграньянъ аранжировалъ для фортепіано. Первая изъ этихъ мелодій имѣетъ очень тѣсную связь съ одноименнымъ (4-ая тональность) армянскимъ религиознымъ напѣвомъ, имѣющимъ однѣ и тѣ же модуляціи и построеннымъ на однихъ и тѣхъ же тетрахордахъ, а вторая—прекрасное соединеніе арабскихъ и персидскихъ мелодій, заключающее въ себѣ художественныя произведенія двухъ древнѣйшихъ народовъ Востока и составляющее совершенно особые напѣвы изукрашенные персидскими мелизмами и приправленные чарующею страстностью пылкихъ арабовъ.

„Норузъ-Араби“ означаетъ—арабское утро. Мелодія эта своими красивыми мелизмами напоминаетъ чудное утро востока. Она полна таинственности, какъ и народъ, создавшій ее; прекрасна и обаятельна, какъ его вѣчно чудное небо; она звучитъ ясно, изображаемая ею картины рельефно представляются воображенію. Между восточными мелодіями рѣдко встрѣчаются такія, которыя, подобно этой мелодіи, представляли бы одно цѣлое, одну полную и совершенную картину.

*) 2-я тональность, 3-я и 4-я.

Вы видите исчезновение звѣздъ съ яснаго неба и прозрачные лучи солнца, стремящіеся къ дальнимъ облакамъ небосклона; видите освѣщенные верхушки гордо возвышающихся пальмъ и кипарисовъ и среди этого величія слышатся нѣжныя трели птицъ и таинственное прощаніе съ царствомъ мрака. Въ звукахъ просыпающагося утра вдругъ слышатся пѣсни и гимны, возносимые всемогущему Аллаху: это утренній „Азамъ“ арабскаго моллы. Раздаваясь съ высоты роскошнаго минарета, онъ напоминаетъ магометанскому народу о благахъ, даруемыхъ Аллахомъ, и увѣщаетъ его пребывать всегда благодарнымъ къ посылающему свои безграничныя милости Творцу. Религіозный обрядъ оконченъ. Послѣ мольбы къ подателю благъ о ниспосланіи удачъ въ дневныхъ предпріятіяхъ, молла сходитъ съ высоты минарета. Толпы правовѣрныхъ открываютъ свои лавки, свои мастерскія, происходитъ оживленіе, слышится дневная суতোка, шумъ, смятеніе и не поддающаяся описанію суматоха. Этимъ заканчивается пѣсня.

Г-нъ Н. Тиграньянъ, въ высшей степени одаренный и серьезный музыкантъ, несомнѣнно употребилъ много труда и времени для обработки этихъ двухъ восточныхъ мелодій. Мелодіи эти подъ его пальцами звучатъ особенной нѣжностью и глубиной. Аккомпаниментъ гармонизированныхъ мелодій, настолько же соответствующій духу ихъ, насколько онѣ богаты содержаніемъ, показываетъ степень вкуса армянина-музыканта и какъ хорошо имъ понятъ его талантливый учитель Агамаль-Ага-Меликъ-Агамальянъ, этотъ неизсякаемый источникъ персидской музыки. Какъ уже говорено, персидскому безподобному „Чаръ—гя“ соответствуютъ нѣсколько нашихъ шаракановъ „Чоррортъ-дзани“, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто не интересовался ихъ музыкальными достоинствами и къ нашимъ прекраснымъ церковнымъ мелодіямъ мы привыкли относиться съ пренебреженіемъ. Но развѣ такое отношеніе не указываетъ на недостатокъ нашего музыкальнаго развитія, развѣ это не означаетъ, что мы народъ не музыкальный? Армянскому народу непонятны небесные громаы Бетховена, мелодичные, сладкіе переливы Шопена, волненія Моцарта, Шумана, Вагнера, Листа, Гуно; въ то же время мы безпечно, день ото дня, забываемъ наше собственное музыкальное творчество. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прослушавъ четырехголосную обѣдню М. Экмаліана, мы выразили искреннее восхищеніе армянскими мелодіями, обладающими большими художественными достоинствами. Его четырехголосная гармонія должна составить новую эру въ исторіи армянской

музыки и всей душой надо пожелать, чтобъ этотъ трудъ распространился въ возможно скоромъ времени и сдѣлался бы общимъ достояніемъ. Но неужели г-нъ Экмаліанъ удовольствуется только этимъ? Неужели онъ не долженъ продолжать начатое имъ, въ высшей степени важное дѣло и, слѣдуя тому же направленію, гармонизировать наши выдающіеся шараканы? Надѣмся, что талантливый гармонизаторъ не остановится на широкомъ поприщѣ своей дѣятельности.

Въ Парижѣ армяне въ модѣ; газеты много пишутъ о сассунскихъ жертвахъ, а Л. Егіазаровъ, какъ я писалъ раньше, пропагандируетъ quasi-армянскую музыку. Въ числѣ современныхъ парижскихъ знаменитостей, которыхъ онъ вовлекъ въ свою анти-музыкальную затѣю, попалъ также извѣстный Jules Tiersot, печатающій въ этомъ году въ журналѣ Ménestrel этнографическія замѣтки о музыкѣ народовъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ и объ искусствѣ которыхъ имѣетъ неосторожность судить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ ему г. Егіазаровымъ и иными ревнителями національных пѣсенъ. Глава объ армянской музыкѣ въ статьѣ Тьерсо (№ 38, 39 и 40 Менестреля) имѣетъ такое же жалкое содержаніе какъ и сборникъ г. Егіазарова. Почти всѣ современные сборники армянскихъ и грузинскихъ пѣсенъ, какъ и наши „національные“ хоры въ Тифлисѣ, напоминаютъ мнѣ затѣи небезызвѣстнаго Д. А. Славянскаго-Агренева, о которомъ П. И. Чайковскій писалъ, что это бездарный пѣвунъ, морочащій публику псевдо-русскими пѣснями и ловко ее эксплуатирующій. „Если г. Славянскій признается героемъ, высоко держащимъ знамя русской музыки, то я утверждаю, что такъ могутъ думать только люди, не знающіе музыки вообще и русской пѣсни въ особенности“. Судя по восторженнымъ отзывамъ тифлисскихъ газетъ о данныхъ недавно концертахъ г. Славянскаго, наши рецензенты „не знаютъ музыки вообще и русской пѣсни въ особенности“.

Истекающій годъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ эру въ музыкальной жизни Кавказа. До сихъ поръ каждый странствующій по Кавказу виртуозъ появлялся прежде всего въ Тифлисѣ и, заручившись здѣсь симпатіями публики и прессы, направлялся въ разные концы края. Въ нынѣшнемъ году, увы, Тифлисъ теряетъ это значеніе. Оказывается, что тифлисская публика и тифлисскія газеты не имѣютъ былого вліянія на провинцію, что можно съ успѣхомъ обходиться безъ нихъ, что

можно даже игнорировать ихъ. Приглашенная въ прошломъ году въ бакинскую оперу Альма Фостремъ не пожелала даже въ концертѣ выступить предъ тифлисской публикой, а въ нынѣшнемъ году Баку посѣтили такіе талантливые концертанты, какъ скрипачъ Григоровичъ, пѣвицы Мюллеръ и Жеребцова-Евреинова, но въ Тифлисъ они даже не заглянули. Наконецъ, въ Баку разрѣшено открыть отдѣленіе Имп. Рус. Музыкальнаго общества и при Отдѣленіи музыкальное училище, во главѣ котораго будетъ г-жа Ермолаева, окончившая когда-то курсъ въ такомъ же музыкальномъ училищѣ въ Тифлисъ, а потомъ въ московской консерваторіи.

Будь въ Баку хорошее театральное зданіе и обширный концертный залъ, пожалуй всѣ знаменитѣйшіе концертанты ограничили бы посѣщеніемъ этого многолюднаго и богатаго города, не заглядывая въ Тифлисъ, тогда какъ 20—30 лѣтъ тому назадъ происходило совершенно обратное. Ничто не вѣчно подлунной.

Изъ иногородней музыкальной жизни минувшаго сезона отмѣчу четыре событія, надѣлавшія шуму соотвѣтственно своему содержанію и значенію.

Зимою во многихъ изданіяхъ появились портреты, біографическіе очерки и отзывы о двадцатилѣтней музыкально-литературной дѣятельности *В. С. Баскина*, одного изъ наиболѣе выдающихся современныхъ музыкальных критиковъ, статьи котораго разсѣяны во многихъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, а книжки о Сѣровѣ, Рубинштейнѣ и Чайковскомъ достаточно извѣстны всѣмъ интересующимся музыкальною литературою. *В. С. Баскинъ* еще молодъ, полонъ силъ, знанія, обладаетъ изящнымъ литературнымъ слогомъ, а потому наша жиденькая музыкальная литература можетъ обогатиться еще многими цѣнными трудами его.

Остальныя три событія въ русской музыкальной жизни менѣе симпатичны и преимущественно личнаго свойства. Во-первыхъ, гг. Ларошъ и Стасовъ ополчились противъ *М. Иванова*; полемика между „Нов. Временемъ“ и „Новостями“ возгорѣлась не на животъ, а на смерть, но результаты были мало убѣдительны. Въ Москвѣ нѣкоторые музыкальные дѣятели, а въ особенности А. Зиллотти на столбцахъ газ. „Россія“ (№ 749) „Моск. Вѣд.“ и др. атаковали *В. И. Сафонова*, но пока со стороны послѣдняго не появилось возраженій, пока мы не выслушали об-

виняемого, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно темнаго дѣла съ проф. Конюсомъ. Третье событіе намъ ближе, ибо касается *г-на Форкатти*, который культивировалъ у насъ драму, оперу, оперетку, шансонетку и т. п. Задумалъ въ газ. „Казбекъ“ (№ 1128) г. Якунинъ-Захарьинъ, почетный мировой судья, разобрать контрактъ г-на *Форкатти* съ Владикавказской жел. дорогой и съ г. Зурабовымъ относительно содержанія лѣтнаго театра въ Кисловодскѣ. Пунктовъ договора, служащихъ въ ущербъ публикѣ и антрепенеру-Зурабову, конечно, оказалось немало. Вознегодовалъ г. *Форкатти* и пустился въ полемику, причемъ не побрезгалъ приемами уличной прессы, за что привлеченъ къ суду. Розоблаченія г-на Якунина сводятся къ тому, о чемъ мнѣ много разъ и обстоятельно приходилось писать; въ двухъ словахъ содержаніе ихъ слѣдующее: г. *Форкатти*, какъ и всякій театральный антрепенеръ, зло, а такъ какъ онъ опынѣе другихъ, то и вреднѣе ихъ.

Кстати, замѣчу, что такого интереснаго, въ музыкальномъ отношеніи, курорта, какъ Кисловодскъ, мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ въ Европѣ. Ежедневно здѣсь можно слышать много хорошей музыки, хорошую оперу, хорошихъ пѣвцовъ, виртуозовъ и дирижеровъ. Среди нихъ былъ нашъ тифлисскій скрипачъ *М. В. Сербуловъ*, имѣвшій значительный успѣхъ въ качествѣ солиста и выступившій также въ качествѣ дирижера и композитора; „Погребальный кортежъ“ его, исполненный прекрасно подъ управленіемъ автора, заключаетъ въ себѣ много красотъ; мелодіи въ пьесѣ этой интересны, инструментовка блестящая, краски яркія, густыя, изложеніе рельефное, не лишенное длиннотъ и, къ сожалѣнію, лишенное программы (текста). Когда подобныя произведенія исполняются за границей, то газеты бьютъ въ набатъ, наполняютъ столбцы свои свѣдѣніями о пьесѣ и авторѣ ея. У насъ такія событія проходятъ незамѣченными. У насъ выгоднѣе рекламировать антрепенера, располагающаго взводомъ хористокъ.

Цѣны на мѣста въ кисловодскомъ театрѣ бузумно-велики и это лишаетъ многихъ возможности слушать лѣтомъ г-жу Папаянъ, Фертигъ, Тартакова, Каміонскаго и другихъ современныхъ выдающихся артистовъ.

Нѣчто вродѣ полемики коснулось также нашего Тифлискаго Музыкальнаго училища:

Въ № 1073 газеты „Казбекъ“ была помѣщена неодобри-

тельная статья г. Холоднаго, видимо, слышавшаго звонъ, но не знавшаго—гдѣ онъ. Почти въ тоже время появилась quasi-рецензія помощника директора Тифлисскаго казеннаго театра относительно дѣятельности того-же училища, въ каковой рецензіи авторъ, казалось, хотѣлъ указать тонъ и манеру, которые ему хотѣлось бы видѣть въ писаніяхъ театральныхъ рецензентовъ и которые, по моему мнѣнію, никогда никакому дѣлу не могутъ принести пользы. Лучшее—врагъ хорошаго и указанія отрицательныхъ сторонъ скорѣе могутъ подвинуть хорошее къ лучшему, чѣмъ панегирики первому и восторги предъ statu quo. Всякій прогрессъ сопряженъ съ борьбою, всякая борьба сопряжена съ жертвами. Гдѣ нѣтъ жертвъ, тамъ нѣтъ борьбы и прогресса, а есть только рапортъ въ тонѣ „все обстоитъ благополучно“, каковой вреденъ для всякаго дѣла, а въ особенности для искусства.

Виолончелистъ г. *Буизъ*, окончившій курсъ въ Тифлисскомъ Музыкальномъ училищѣ, а потомъ въ Петербургской консерваторіи у Вержбиловича, далъ въ нынѣшнемъ году концертъ въ Тифлисъ. Дѣло хорошее, даже необходимое какъ для концертанта, такъ и для нашей публики. Тѣмъ не менѣе, я не пошелъ на этотъ концертъ, потому что г. *Буизъ* не пожелалъ помѣстить ни въ анонсахъ, ни въ газетныхъ объявленіяхъ, ни въ афишахъ программы концерта. Когда подобные анонсы появляются о концертахъ благотворительныхъ, то приходится терпѣть: филантропія прежде всего; когда это дѣлали Рубинштейнъ и Листъ—нельзя возражать: въ исполненіи ихъ все имѣло значительный интересъ. Но когда кто либо иной не хочетъ знакомить предварительно публику съ предстоящимъ музыкальнымъ сеансомъ, то я и, должно быть, многіе, подобно мнѣ, не рѣшаются бросать дѣлъ или лишаться интересной вечеринки, даже восьми робберовъ въ винтъ, чтобы итти слушать—неизвѣстно что. Кто отъ этого теряетъ больше: публика или концертантъ—судите сами.

А то бываютъ и такія программы, какъ, напримѣръ, въ концертѣ г-жи *Грекъ*, тоже въ нынѣшнемъ году: пьеса Бетховена стоитъ рядомъ съ пьесой тифлискаго піаниста П. Это настолько характеризуетъ исполнителя, что мало кому охота слушать его.

Еще одинъ курьезъ изъ нашихъ концертныхъ программъ за истекающій годъ: въ женскомъ учебномъ заведеніи, которое забавно щеголяетъ своими піанистками исполнялась интродук-

ція къ „Кораблю—призраку“ Вагнера (см. „Кавказъ“ № 113).— Что это, спросить каждый меломанъ,—новая, неизданная опера Вагнера? Да нѣтъ, играли интродукцію къ *Fliegende Hollender*, каковая опера по-русски называется *Морякъ скиталецъ*. Но въ нашемъ женскомъ учебномъ заведеніи привыкли говорить, думать и писать по-французски, а потому предпочли перевести названіе той-же оперы съ французскаго — „*Vaisseau Fantôme*“. Или это франко-русская симпатія, пренебрегающая нѣмецкимъ авторомъ и приносящая въ жертву своего композитора (см. Сѣрова Т. 4-й)?

Насколько слѣдуетъ быть осторожнымъ и разборчивымъ въ выборѣ пьесъ и насколько заблуждаются въ подобныхъ случаяхъ даже профессора консерваторій, можно судить по слѣдующему факту, рассказанному мнѣ лѣтъ двадцать тому назадъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ А. Рубинштейнъ былъ вновь приглашенъ на постъ директора Петербургской консерваторіи, которую онъ создалъ, но нѣсколько разъ покидалъ, не ладя со своими коллегами. Въ этотъ разъ онъ выразилъ художественному совѣту (профессоровъ) желаніе составить репертуаръ учащихся изъ наиболѣе выдающихся произведеній музыкальной литературы. Нѣкоторые профессора, полагая, что почтенный композиторъ, наклонѣ лѣтъ не разъ выражавшій неудовольствіе по случаю отклоненія Дирекціею Имп. театровъ постановки нѣкоторыхъ его оперъ, намекаетъ на пропаганду его собственныхъ произведеній, исписали листы бумаги, перечисливъ почти всѣ фортепіанныя, скрипичныя и т. п. пьесы А. Рубинштейна. Просмотрѣвъ этотъ обновленный репертуаръ, авторъ „Демона“ обратился къ профессорамъ:— „Очень жаль, господа, что вы не дѣлаете различія между тѣмъ, что можетъ питать юношество и что можетъ интересовать публику. Большинство моихъ пьесъ умѣстно въ концертахъ, салонахъ; ихъ можетъ играть виртуозъ. Но учащимся нужна иная пища: классики, Бахъ, Бетховенъ, вотъ кого они должны изучить въ стѣнахъ консерваторіи. Прошу замѣнить эти пьесы болѣе достойными“.

Немудрено, что въ концертныхъ программахъ нерѣдко встрѣчаются пошлыя, глупыя пьесы, а учащіеся барабанятъ дребедень Ашера, Пахера и К°, или завываютъ романсы Денца и Тости. Мы еще ужасно неразборчивы и всеядны.

Не везетъ тифлисскимъ газетамъ съ музыкальными рецензентами, а въ особенности не везетъ газетѣ, которая мнитъ себя въ этомъ отношеніи наиболѣе авторитетной и чаще берется вершать участь артистовъ. Газета „Кавказъ“, не удостоивъ вни-

маніємъ нѣкоторыхъ европейскихъ знаменитостей, посѣтившихъ Тифлисъ, рекламировала піанистку, какихъ немало и среди тифлисскихъ любителей; рецензентъ „Нов. Обозрѣнія“ признался печатно въ томъ, что проглядѣлъ одну сцену изъ „Жизни за Царя“ и ошибочно упрекнулъ дирекцію театра въ сокращеніи этой сцены; рецензентъ „Тифл. Листка“ морочилъ прежде читателей завѣдомо ложными сообщеніями, а нынѣ печатаетъ правду, но не свою, а выкроенную изъ столичныхъ газетъ, за каковой плагиатъ редація газеты устранила такого сотрудника, о чемъ оповѣстила читателей.

Посредственная дилетантка, которую рекламировалъ „Кавказъ“, показала мнѣ печатные отзывы о ней такихъ критиковъ, какъ Кюи, Соловьевъ, Контяевъ, Кашкинъ, Ларошъ, Чечотъ. Затѣмъ я прослушалъ ея игру и выслушалъ откровенныя признанія въ средствахъ организациі концертовъ ея. Разочарованію и негодованію моему не было предѣла. Въ нашу эпоху полного упадка всѣхъ искусствъ—кто только не морочитъ несчастную публику? Въ провинціи—рецензенты, зависящіе отъ капризовъ редакторовъ и иного начальства; въ столицахъ—авторитеты вполне свободные, независимые критики, къ отзыву которыхъ всѣ мы прислушивались, которымъ мы до сихъ поръ вѣрили. Тяжело, больно разочарованіе, но оно было неминуемо. Слишкомъ восторженны были отзывы гг. Кюи, Кашкина, Соловьева, Лароша и слишкомъ близка къ посредственности была дѣйствительность.

Въ нынѣшнемъ году во многихъ періодическихъ изданіяхъ много писали противъ установившагося обычая раздражать посѣтителей драматическихъ спектаклей музыкой въ антрактахъ. Надо полагать, что скоро наступитъ конецъ антрактной музыкѣ, хотя подобныя „реформы“ происходятъ медленно, ихъ ожидаютъ десятками лѣтъ. Вѣдь за границей лѣтъ 100—150 тому назадъ тоже существовалъ этотъ безсмысленный обычай. Случайно я встрѣтилъ въ 55-омъ томѣ сочиненій Вольтера (фр. изд. 1802 г.), въ „рецензіяхъ“ фернейскаго отшельника о нѣкоторыхъ современныхъ ему драматическихъ произведеніяхъ, слѣдующія строки:

„Сто лѣтъ тому назадъ, до 1671 года, когда еще во Франціи не существовало оперы, никто не вѣрилъ, что французы способны слушать музыку въ теченіе трехъ часовъ и что трагедія, переложенная на музыку, можетъ имѣть успѣхъ. Тогда полагали что верхъ совершенства—трагедія декламируемая, спѣніемъ и танцами въ интермедіяхъ. Никто не задумывался на

тъмъ, что если трагедія хороша, то музыка въ антрактахъ не интересна, если же интермедіи интересны, то ухо съ трудомъ переходитъ отъ прелестей музыки къ простой декламациѣ.

Я охотно привелъ бы нѣсколько комментаріевъ къ этой цитатѣ, но.... чтобъ гусей не раздражить....

Въ № 33 „Русской Музыкальной Газеты“ помѣщена корреспонденція о Кавказской юбилейной выставкѣ. Авторъ статьи говоритъ, что „музыкальный отдѣлъ на выставкѣ представленъ въ видѣ шансонетокъ, балалаечниковъ, цыганскихъ пѣсенъ и румынскаго оркестра. Прелестно, не правда ли?! Всякій пріѣхавшій изъ за границы или изъ Россіи сразу пойметъ, какіе гигантскіе шаги сдѣлали мы въ смыслѣ культурности и эстетическаго прогресса. А отчего Музыкальное Общество, имѣющее въ своей средѣ такихъ знатоковъ туземной музыки, какъ В. Д. Коргановъ и Н. С. Кленовскій, не принимаетъ участія въ выставкѣ?“ Нареканія не лишены справедливости. На Кавказской юбилейной выставкѣ экспонировали представители всѣхъ изящныхъ искусствъ, кромѣ музыки. Архитекторы, живописцы, поэты и литераторы представили намъ въ обработанномъ видѣ матеріалъ, собранный въ разныхъ концахъ Кавказскаго края. Только танцы и музыка были представлены въ видѣ сырого, нетронутаго матеріала: лезгинку отплясывали туземцы, восточныя мелодіи распѣвались сазандарами, но рука мастера здѣсь отсутствовала: ни одной композиціи, ни одного научнаго труда или изслѣдованія, ни одного проявленія культуры въ этой области не было на выставкѣ. Музыка и танцы демонстрировались въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали на Кавказѣ до присоединенія Грузіи къ Россіи. Къ сожалѣнію, та-же выставка показала, что не одна музыка сохранилась у насъ въ томъ видѣ, въ какомъ была сто лѣтъ тому назадъ.

Впрочемъ, было здѣсь кое что новое, почти невиданное и неслыханное. Я имѣю въ виду изобрѣтенія музыкальнаго кустаря г. *Мамаджанова* изъ Кутаиса, заслуживающія вниманія. Не имѣя возможности, вслѣдствіе болѣзни, принять участіе въ комиссіи по экспертизѣ музыкальныхъ инструментовъ, я не знаю — было ли еще что либо оригинальное, свое, кавказское, на выставкѣ; послѣднюю я не имѣлъ возможности осмотрѣть обстоятельно. Изобрѣтенія же г. Мамаджанова я замѣтилъ случайно и познакомился съ ними довольно подробно. Еще въ прошломъ

году, когда задумали устройство выставки, ко мнѣ обратился г. Н съ просьбою осмотрѣть его изобрѣтеніе—рояль для игры ногами: такая игра должна представлять, по мнѣнію изобрѣтателя, аккомпаниментъ изъ одного или двухъ одновременно взятыхъ тоновъ, и такимъ аккомпаниментомъ можно сопровождать игру на гитарѣ или мандолинѣ, а также одновременное съ игрою пѣніе. Этотъ инструментъ г. Н. хотѣлъ экспонировать, но, видимо, раздумалъ; его рояля на выставкѣ не было. По конструкціи это примитивное фортепіано ничего новаго въ себѣ не заключало, а задача изобрѣтателя по существу была ничтожна. Второй нашъ кустарь, г. Мамаджанъ, задался цѣлью устроить два инструмента, изъ которыхъ первый, помощью клавишъ, издавалъ бы звуки азіатскаго струннаго инструмента *тари*, а второй—звуки зурны. „Кавказскій рояль“,—такъ, кажется, назвалъ изобрѣтатель свой первый инструментъ,—представляетъ собою миниатюрный рояль длиною около одного аршина; клавиши его расположены подобно клавишамъ обыкновеннаго фортепіано и обнимаютъ около четырехъ октавъ: педалей нѣтъ; стальные струны, по одной на клавишу, зацѣпляются плектромъ, прицѣпленнымъ къ рычагу послѣдней; мѣдные струны, замѣняющія стальные на второмъ экземплярѣ этого прибора, даютъ звукъ сходный со звукомъ *тари*. При отнятіи пальца отъ клавиши плектръ вновь зацѣпляетъ струну и такимъ образомъ повторяетъ звукъ, что облегчаетъ подраженіе *tremolo*, свойственнаго игрѣ на *тари*. Изъ описанія этого видно, что конструкція „рояля“ напоминаетъ древній спинетъ. Г. Мамаджановъ додумался до того, что было извѣстно въ Европѣ 300 лѣтъ тому назадъ, но что было совершенно неизвѣстно кавказскому кустарю. Строй предполагается установить фортепіанный, но, я полагаю, введеніе новаго ряда клавишъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новаго ряда струнъ для установленія интервалловъ въ $\frac{1}{4}$ тона ближе подвинуло-бы изобрѣтателя къ подражанію *тари*, гдѣ кавказскіе музыканты охотно прибѣгаютъ къ этой особенности восточной музыки. Подобные инструменты съ 3 и даже 4 рядами клавишъ были въ употребленіи въ древности и такое осложненіе техники исполненія вполне оправдывалось бы въ данномъ случаѣ цѣлью конструкціи. При такомъ усовершенствованіи инструментъ этотъ можетъ имѣть нѣкоторый интересъ: игра на немъ будетъ не трудная, а характеръ музыки почти вполне будетъ соответствовать характеру *тари*; преимущества же клавишнаго исполненія сравнительно съ исполненіемъ щипками—понятенъ каждому.

Второе изобрѣтеніе г. Мамаджана—*зурна*. Это фисгармонія съ регистрами и съ вертикально расположенной клавиатурой объемомъ до двухъ октавъ. Регистры даютъ звуки—кларнета, свирели (саламури), зурны (азиатскаго кларнета), барабановъ (тимлипито) и тріангля. Предполагаемый здѣсь европейскій строй можно считать умѣстнымъ, такъ какъ сюда не входятъ струнные инструменты. Педали лишены пружинъ, употребляемыхъ въ фисгармоніяхъ, но имѣютъ замѣнъ того противовѣсъ. Свирель изображается довольно неудачно; хороши звуки зурны (дудуки); каждое изъ двухъ тимлипито снабжено двумя палочками; одна изъ палочекъ приводится въ движеніе и сочленяется съ педалью, другая же даетъ ударъ, такъ сказать, отраженный, вызванный вибраціей кожи тимлипито, на которой лежитъ конецъ палочки. Вслѣдствіе понятной въ фисгармоніи невозможности быстрого движенія педалей удары тимлипито не могутъ быть часты. Тріангль или вѣрнѣе колокольчики имѣютъ около 10 тоновъ, но при игрѣ не согласуются съ тонами другихъ инструментовъ. Для чего пристегнуть сюда европейскій кларнетъ—неизвѣстно. Игра дудуки (иногда въ два голоса) съ тимлипито напоминаетъ кавказскую зурну, которую мы, кавказцы, любимъ слушать лѣтомъ, издали, въ нашихъ загородныхъ садахъ.

Въ заключеніе не могу не указать на странное явленіе: изобрѣтатель, не имѣлъ опредѣленной цѣли, не уяснилъ заданной себѣ задачи; составляя кавказскую зурну, онъ включилъ безъ всякаго основанія европейскій кларнетъ, онъ не задумался надъ строемъ инструментовъ. Въ итогѣ получилось смутно и не вполне удачно выраженное благое намѣреніе, подобное тѣмъ, которыя въ такомъ-же видѣ, но въ иныхъ формахъ, подносятся намъ многими кавказскими музыкантами.

В. Д. К.

МЕМОАРЫ КОРОЛЕВЫ СЕРБСКОЙ НАТАЛИИ.*)

(Продолженіе).

+

VIII.

Г. Саввѣ Груичу.

Ялта, 29-го марта 1889 года.

Милостивый государь! Я сегодня прочла въ одной бѣлградской газетѣ вашъ циркуляръ, въ которомъ говорится, что г. Васильевичъ, въ качествѣ лица, уполномоченнаго отъ регентства, сообщилъ мнѣ договоръ, заключенный между регентами и королемъ Миланомъ, и что я его приняла. Я удивляюсь, какъ ваше довѣріе могло быть такимъ образомъ обмануто.

Я чувствую отвращеніе къ двусмысленности и ненавижу ложь. Пока-же я вижу ее со всѣхъ сторонъ и спрашиваю себя: что можетъ это значить?

Я никогда никому не навязывалась и если въ Сербіи не хотятъ моего присутствія, то пусть скажутъ это откровенно и открыто.

Извините меня, если я немного рѣзка, но я слишкомъ возмущена, чтобы писать иначе.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, какъ я

*) См. Кав. Вѣстн. № 10.

счастлива, зная, что вы у дѣлъ и я искренно желаю вамъ во всемъ успѣха.

Примите увѣренія въ моихъ лучшихъ чувствахъ къ вамъ и къ вашимъ.

Наталія.

IX.

Митрополиту Михаилу.

Ялта, 29-го марта 1889 года.

Ваше высокопреосвященство! прежде всего прошу ваше высокопреосвященство благосклонно принять чувства моей глубокой признательности, за епископское благословеніе, которое вамъ угодно было мнѣ прислать. Я увѣрена, что оно принесетъ мнѣ счастье.

Какъ Вашему высокопреосвященству извѣстно, мое самое искреннее желаніе—находиться близъ моего сына, но я положительно изнурена всей этой борьбой и рѣшила не возвращаться иначе, какъ съ согласія регентовъ, которое мнѣ кажется довольно сомнительнымъ. Мнѣ кажется, что эти господа, посылая ко мнѣ г. Васильевича съ письменнымъ порученіемъ,—объявить мнѣ объ отреченіи короля Милана, о восшествіи на престолъ моего сына и съ порученіемъ словесно выразить мнѣ множество прекрасныхъ обѣщаній,—заранѣе рѣшили не исполнять этихъ блестящихъ обѣщаній.

Я должна признаться вашему высокопреосвященству, что потеряла всякое довѣріе къ нашимъ политическимъ дѣтелямъ; быть можетъ, я неправа, что такъ недовѣрчива, но я видѣла столько лжи и отпирательства, что положительно больше не вѣрю въ ихъ искренность.

Воспитать моего сына было-бы моею мечтою и если Господь немного пожалѣетъ меня, то Онъ мнѣ позволить это, но есть, кажется, 12 ст. новой конституціи, воспреещающая это и которую даже толкуютъ въ смыслѣ препятствія для меня жить близъ моего единственного ребенка.

Какъ въ самыя тяжелыя минуты, такъ и сегодня я все отдаю въ руки только Того, кто Всемогушъ и кто не оставляетъ вѣрующихъ въ Него.

Вы слѣдили, ваше высокопреосвященство, за тѣмъ, что про-

изошло, но, ваше высокопреосвященство, какъ дѣйствительность разнится съ тѣмъ, что говорилось въ газетахъ!

Позвольте мнѣ лично и откровенно сказать вамъ всю правду по этому грустному дѣлу и послать копіи всѣхъ документовъ, которыя я когда-либо имѣла.

Поручая себя молитвамъ вашего высокопреосвященства, я умоляю васъ вѣрить въ мои чувства глубокаго почтенія и дочерней любви.

Наталія.

Х.

Господину Васильевичу!

Ялта, 1-го апрѣля 1889 года.

Милостивый государи! Истинно благодарю васъ за ваше доброе письмо и за дорогія извѣстія, которыя вы мнѣ сообщили о моемъ сынѣ.

То, что вамъ сказалъ г. Ристичъ, очень утѣшительно, но мнѣ кажется, что они чувствуютъ преувеличенный страхъ къ королю Милану, которому 72 ст. даетъ право руководить образованіемъ короля — моего сына, но никакъ не даетъ права препятствовать мнѣ жить близъ него и его видѣть.

Чтобы облегчить ихъ положеніе, я согласна жить теперь въ Тапешедирѣ, но не какъ частный человѣкъ, а какъ королевская-мать, и я стою на томъ, чтобы это было окончательно рѣшено и чтобы потомъ не было никакихъ недоразумѣній.

Хорошо сдѣлали, что написали королю, но плохо его знаютъ, если думаютъ, что онъ будетъ доволенъ.

Безпричинная ненависть — неукротима.

Фактъ, что я могу видѣть моего сына каждый день, составляющій мое счастье, встрѣтитъ всегда въ немъ горячаго противника.

Вся сила въ томъ: желаютъ-ли гг. регенты толковать 72 ст. по ея существу, или хотятъ придать ей силу, которой нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ его смыслѣ. Вы понимаете, что мое наибольшее желаніе — пріѣхать раньше, но я хочу категорическаго отвѣта отъ регентовъ: да или нѣтъ. Я еще болѣе стою на этомъ потому, что вижу, какъ лгутъ за моею спиною, а это я больше всего ненавижу.

Вы мнѣ никогда не говорили о соглашеніи между королемъ Миланомъ и регентами, а между тѣмъ я вижу, что г. Груича увѣрили въ томъ, что яко-бы я даже приняла его.

Я вамъ говорю и повторяю, что не возвращусь иначе, какъ съ согласія всѣхъ, когда не будетъ никакого недоразумѣнія.

Примите и пр.

Наталія.

XI.

Королевѣ Наталіи.

Вѣнградъ, 15-го апрѣля 1889 г.

Ваше величество! Я ждалъ случая чтобы отвѣтить на ваше послѣднее письмо отъ 29 марта, а поэтому прошу ваше величество простить мнѣ мой запоздалый отвѣтъ. Ваня Персіани черезъ два дня уѣзжаетъ въ Петербургъ и возьметъ это письмо съ собою.

Я прилагаю при семъ копію съ циркуляра, который газеты толковали, но не совсѣмъ точно. Въ этомъ циркулярѣ нѣтъ никакой двусмысленности, ни лжи, если только не считать моего заявленія, что г. Васильевичъ сообщилъ вамъ условіе, заключенное между королемъ и регентами. Я былъ удивленъ вашимъ письмомъ, въ которомъ вы говорите, что г. Васильевичъ ничего вамъ не сказалъ по поводу этого договора. Г. Васильевичъ былъ делегатомъ не правительства, а регентства, а потому я могъ ошибиться въ подробностяхъ его порученія. Это фактъ, что условіе, о которомъ говорится въ моемъ циркулярѣ, существуетъ и г. Ристичъ, сообщая мнѣ о немъ, сказалъ, что онъ желалъ-бы его обнародовать, если-бы не было одного пункта, гдѣ король выразился о васъ недостойнымъ образомъ.

Ваше величество несправедливы, если думаете, что мы не хотимъ вашего возвращенія въ Сербію. Мы просимъ только васъ принять во вниманіе всѣ обстоятельства, прежде чѣмъ вы рѣшитесь возвратиться. Король Миланъ не желаетъ вашего возвращенія, мы, конечно, не можемъ руководствоваться его желаніями, противными конституціи, и мы ему это высказали. Ни правительство, ни регентство не помѣшаютъ возвращенію вашего величества. Только король Миланъ будетъ продолжать причинять вамъ всевозможныя непріятности, которыя вамъ слѣдо-

вало-бы избѣжать. Обхожденіе такого рода также не соотвѣтствуетъ вашему достоинству и подобная борьба между родителями юнаго короля окажетъ плохое вліяніе на его воспитаніе.*

Король Миланъ, уѣзжая изъ Константинополя въ Іерусалимъ, телеграфировалъ регентамъ, что извѣстіе о вашемъ возвращеніи въ Сербію его очень разстроило; онъ далъ затѣмъ знать черезъ Наваковича, что послѣ своего путешествія на Востокъ, онъ разсчитываетъ вернуться на нѣкоторое время въ Константинополь.

Кажется, онъ маневрируетъ вокругъ Бѣлграда, хотя, уѣзжая изъ Сербіи, онъ мнѣ сказалъ, что беретъ отпускъ не меньше какъ на годъ. Вслѣдствіе этого я полагаю, несмотря на наше желаніе увидѣть васъ возможно скорѣе,—что вамъ слѣдуетъ отложить возвращеніе, пока король Миланъ не поселится гдѣ-нибудь окончательно. Онъ приказалъ почти всѣ свои вещи отправить въ Вѣну, и думаютъ, что для своего пребыванія онъ выберетъ окрестности Вѣны или Парижа. Я спрашивалъ г. Ристича: гдѣ молодой король можетъ встрѣтиться съ вами? Онъ мнѣ говорилъ, что читалъ въ газетахъ, будто ваше величество разсчитываете посѣтить княгиню Юлію въ Иванкѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что королю Александру гораздо удобнѣе поѣхать туда и пробыть тамъ подольше; онъ просилъ меня сообщить вамъ объ этомъ.

Орѣшкевичъ разсказываетъ въ городѣ, что Мица получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ вы выражаете ему опасеніе, какъ-бы регенты не испортили молодого короля, какъ они испортили его отца. Г. Ристичъ и его коллеги считаютъ себя задѣтыми этими рѣчами Орѣшкевича и ссылаются на то, что регентству нечего дѣлать съ образованіемъ юнаго короля. Объ этомъ я вамъ говорю между прочимъ.

Молодой король продолжаетъ свои занятія безъ перерыва, какъ прежде. Г. Ристичъ старается быть на высотѣ своей миссіи.

Теперь онъ черезъ г. Вуича переписывается съ ректоромъ парижскаго университета, чтобы пригласить оттуда профессора французскаго языка и литературы.

Соблаговолите, ваше величество, принять почтительныя привѣтствія отъ меня и моего семейства и вѣрить въ искреннюю преданность вашего покорнѣйшаго слуги

Саввы Груича.

XII.

Циркуляръ господина Груича, Министра иностранныхъ дѣлъ.

Секретно, № 182.

Бѣлградъ, 12-го марта 1889 г.

Господинъ посланникъ! Нѣкоторыя иностранныя газеты напечатали телеграмму изъ Бѣлграда, сообщающую, что между королемъ Миланомъ и регентами существуетъ письменное условіе, которое должно служить инструкціей къ внутренней и внѣшней политикѣ страны. Какъ вы уже читали въ газетахъ, это извѣстіе окончательно опровергнуто. Подобнаго условія не существуетъ и не могло существовать; регентство, стоящее на конституціонной почвѣ, не могло принять обязательствъ, которыя могутъ быть приняты отвѣтственнымъ правленіемъ.

Но существуетъ другой договоръ между королемъ и регентами, который былъ заключенъ въ формѣ протокола и подписанъ въ день отреченія. Этимъ договоромъ, содержащимъ восемь пунктовъ, предусмѣтрѣны будущія отношенія короля Милана и короля Александра, до совершеннолѣтія послѣдняго; назначены опекунами: докторъ Николай Христічъ и докторъ Докичъ, статскіе совѣтники, которые совмѣстно съ королемъ-отцомъ, какъ естественнымъ опекуномъ, будутъ завѣдывать личнымъ состояніемъ юнаго короля. Ими-же предусмѣтрѣно, что молодой король можетъ встрѣчаться съ королевой-матерью два или три раза въ году *за границею* въ большія вакаціи и въ праздники.

Какъ вы знаете, на основаніи новой конституціи (72 ст.), разъ король-отецъ уступилъ при своей жизни престолъ сыну, какъ въ данномъ случаѣ, то онъ принимаетъ на себя заботы объ образованіи несовершеннолѣтняго короля. Пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ, король установилъ также будущія отношенія юнаго короля къ его матери. Г-нъ А. Васильевичъ, членъ государственнаго совѣта, былъ посланъ господами регентами въ Ялту къ ея величеству, королевѣ Наталіи, съ порученіемъ сообщить ей для свѣдѣнія одновременно о восшествіи на престолъ короля Александра и о содержаніи этого договора.

Я почелъ долгомъ, для вашего спокойствія, дать намъ знать секретно обо всемъ этомъ, съ тою цѣлью, что если слу-

чится что-нибудь, то вы могли-бы разобраться въ шумѣ, который поднимаютъ газеты.

Король Миланъ возвратился вчера изъ своего короткаго путешествія въ Пештъ и въ Вѣну, куда онъ ѣздитъ по желанію, выраженному императоромъ. Въ концѣ недѣли его величество уѣзжаетъ надолго на Востокъ. Нѣсколько дней онъ пробудетъ въ Константинополѣ, какъ гость султана; потомъ онъ поѣдетъ въ Іерусалимъ, чтобы тамъ провести Пасху у Гроба Господня, далѣе-же маршрутъ его еще не опредѣленъ.

Примите, господинъ посланникъ, выраженіе моего искренняго уваженія.

Савва Груичъ.

XIII.

Г-ну Саввѣ Груичу.

Ялта, 28-го апрѣля 1889 г.

Милостивый государь! Я получила ваше письмо отъ 15 го апрѣля и благодарю васъ отъ всего сердца. Я была вполне увѣрена, что васъ обманули, и я была счастлива, что не ошиблась.

Будьте добры, спросите у М-те Лишаниной письмо регентовъ, мой отвѣтъ и маленькую записку, письмо Васильевича и мой отвѣтъ. Вы увидите, что я отвѣтила этимъ господамъ гораздо любезнѣе, чѣмъ заслуживало ихъ письмо. Если я поступила такъ, то только благодаря увѣренію г. Васильевича, что письмо заключало въ себѣ недостатки, потому что оно писалось въ присутствіи короля.

Г. Васильевичъ не говорилъ мнѣ ни слова о договорѣ съ королемъ. Не будь этого, прежде чѣмъ отвѣтить, я попросила бы его познакомить меня съ этимъ условіемъ и доказала-бы, что статья 72, которою вооружаются противъ меня, не содержитъ ничего подобнаго, и что это условіе заключено вопреки законамъ конституціи.

Я не могу сомнѣваться въ прямотѣ г. Васильевича и я сожалею, въ виду искренней къ нему дружбы, что его легковѣріемъ и искренностью злоупотребили,—возложивъ на него неблагоприятную роль. По моему мнѣнію, его порученіе было ре-

зультатомъ опасенія регентовъ, что я внезапно прїѣду. Это доказываетъ лишь, какъ они меня мало знаютъ.

Теперь позвольте вамъ указать ходъ моихъ мыслей, съ обычной моей глубокой откровенностью.

Г. Ристичъ не опубликовалъ договора не потому, что онъ нашелъ въ немъ фразу, относящуюся до меня и которая ему не понравилась, а потому, что онъ очень хорошо понялъ неприятное впечатлѣнїе, которое произведетъ въ свѣтѣ подобный договоръ. Король Миланъ не можетъ ни желать, ни не желать моего возвращенія: это до него не относится. Что-же касается того, что онъ мнѣ причинить непрїятности, то онъ этого сдѣлать не можетъ и я даже понять не могу, какого рода онѣ могутъ быть.

Король Миланъ даже устроившись, можетъ каждую минуту возвратиться въ Бѣлградъ; если онъ, отрекшись отъ престола, все-таки еще диктуетъ законы, то нѣтъ основанія думать, чтобы дѣло кончилось.

Вы можете спросить мое письмо у Мица и увидите, что въ немъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для регентовъ; но я могу прибавить для васъ, что прошедшее слишкомъ слабая гарантія для будущаго.

Если-бы я была на мѣстѣ регентовъ, я написала бы королевѣ письмо, объявляющее о восшествіи на престолъ и упоминающее о договорѣ. Это было-бы прямо и честно; но я никогда, скрывая истину, не добивалась-бы отъ женщины, которой заперли двери ея дома, похитили ея сына и наносили всевозможныя оскорбленія—письма, котораго она не можетъ написать если только знаетъ истинное положеніе дѣла. Когда мой сынъ вырастетъ, онъ увидитъ, что его мать обманомъ выгнали изъ страны, гдѣ она дѣлала только добро; что его заставили расти одного, окруженнаго иностранцами; что эта мать, будучи одинокою, ни у кого ничего не просила, что у нее вырвали обманомъ поздравительное письмо, котораго не заслуживали. Какія чувства испытаетъ этотъ ребенокъ, когда станетъ молодымъ человекомъ, какое уваженіе можетъ онъ питать къ странѣ, въ которой могли происходить такія вещи и гдѣ никто не возсталъ, не протестовалъ? Вы всѣ имѣете дѣтей въ этой странѣ и всѣ должны желать видѣть ихъ будущаго короля на высотѣ его миссіи; если это такъ, то старайтесь, чтобы его сердце могло еще вѣрить въ добро, а не исполнилось-бы презрѣніемъ и недовѣріемъ.

Я не хочу, чтобы и теперь составилось такое мнѣніе, какъ

это было въ измышленной исторіи о моихъ мнимыхъ политическихъ интригахъ; еще немного и я приму мѣры къ тому, чтобы правда стала извѣстна, не заботясь о томъ,—кому она понравится или не понравится.

Мое сердце до того полно горя, что я боюсь прилива негодования и дѣлаю все, чтобы его сдержать.

Примите увѣренія и пр.

Наталія.

XIV.

Королевъ Наталиі.

Бѣлградъ, 8-го мая 1889 года.

Ваше величество! Мое послѣднее письмо, на которое ваше величество изволили отвѣтить отъ 28-го апрѣля, кажется не достигло цѣли. Такъ какъ вы ни любите не двойственности, ни лжи, то этимъ письмомъ я хотѣлъ успокоить васъ въ отношеніи того, о чемъ вы изволили мнѣ писать въ вашемъ письмѣ отъ 29 марта, о газетной статьѣ, т. е. о циркулярѣ; этотъ циркуляръ не содержалъ въ себѣ ни лжи, ни лукавства, но въ немъ была лишь ошибка. Я дѣйствительно говорилъ, что г. Васильевичу, между прочимъ, было дано порученіе—сообщить вамъ содержаніе той части договора, заключеннаго между королемъ Миланомъ и господами регентами, которое имѣло отношеніе къ вашему величеству.

Эта случайная въ моемъ циркулярѣ ошибка не имѣетъ существеннаго значенія и произошла потому, что, какъ я уже писалъ вамъ, г. Васильевичъ былъ делегатомъ не отъ правительства; а между тѣмъ эта ошибка даетъ вамъ теперь основаніе для подозрѣній совершенно неосновательныхъ и вызываетъ жалобы. Я, ваше величество, ничѣмъ не былъ введенъ въ заблужденіе, такъ какъ я знаю также хорошо содержаніе договора, какъ и письмо регента Ристича. Также я не раздѣляю вашего мнѣнія, что г. Васильевичемъ была принята неблагодарная роль. Онъ, правда, не получилъ приказанія сообщить вамъ договор, заключенный между королемъ и регентами, разрѣшающій вопросъ относительно образованія короля и управленія его доходами, ему было поручено познакомить васъ съ тою частью, въ которой говорится, какъ и въ письмѣ регентовъ, что вы будете два и

три раза въ годъ имѣть свиданіе съ юнымъ королемъ; въ этомъ договорѣ больше нѣтъ ничего, относящагося до васъ, слѣдовательно, никто не имѣлъ причины и намѣренія скрывать что-нибудь отъ васъ.

Вы не имѣли основанія предполагать, что условіе—о которомъ была рѣчь, анти-конституціонное. Статьи, касающіяся образованія юнаго короля и управленія его состояніемъ и доходами, вполнѣ согласуются съ конституціей и законами и актъ этотъ будетъ, вѣроятно, сообщенъ будущему Собранію.

Статья 72, конечно, ничего не говоритъ противъ васъ, но она даетъ королю - отцу неоспоримое право руководить образованіемъ своего сына, и правительство, король и регенты будутъ стоять за то, чтобы всѣ статьи конституціи были-бы неприкосновенны.

Мы относимся съ глубокимъ почтеніемъ къ вашимъ нѣжнымъ материнскимъ чувствамъ и, будьте увѣрены, ваше величество, что регенты и правительство дѣлали и будутъ дѣлать все, что зависитъ отъ нихъ, чтобы облегчить ваше положеніе. Вы должны, съ своей стороны, намъ вѣрить и помогать. Если вы не имѣете лучшихъ и болѣе искреннихъ совѣтниковъ (на всякій случай предостерегаю васъ отъ извѣстныхъ русскихъ журналовъ), то мы будемъ спорить напрасно и никогда не сговоримся.

Прошу ваше величество принять увѣренія въ моемъ глубочайшемъ уваженіи и преданности.

Савва Груичъ.

Молодой король, благодаря Богу, въ прекрасномъ здоровіи. Огъ короля Милана извѣстій мы не имѣемъ. Прошу ваше величество прислать мнѣ копію съ моего послѣдняго письма, потому что мнѣ хотѣлось-бы знать, что я вамъ писалъ.

XV.

Королевѣ Наталіи.

Бѣлградъ, 12-го мая 1889 года.

Ваше величество, всемилостивѣйшая королева! Я прошу вашего разрѣшенія высказаться въ этотъ разъ еще искреннѣе и откровеннѣе.

Въ Сербіи никто, даже король Миланъ, не вѣрилъ, что

вы не возвратитесь тотчасъ послѣ того, какъ узнаете, что вашъ сынъ вступилъ на престолъ и что вашъ супругъ не только покинулъ тронъ, но и страну. Все затрудненіе было въ томъ, что думали, что вы пріѣдете прямо во дворецъ къ вашему сыну руководить его образованіемъ, тогда какъ король-отецъ твердо рѣшилъ этому препятствовать, на что онъ имѣетъ нѣкотораго рода право, даже на основаніи конституціи. Поэтому друзья династіи боялись, чтобы изъ этого спора не возникли непріятности для молодого короля.

Но такъ какъ ваше величество, благодаря своей мудрости и материнской любви, желаете избѣжать всѣ эти затрудненія или, по меньшей мѣрѣ, ихъ не возбуждать, то-есть, такъ какъ вы не намѣрены жить во дворцѣ, даже болѣе, вы не требуете королевскаго дома для жительства, а согласны нанять частное помѣщеніе, напримѣръ виллу Симича, то вашему возвращенію ничто не можетъ мѣшать, и нѣтъ никакого благовиднаго основанія къ тому, чтобы вы жили внѣ страны. Король Миланъ самъ часто говорилъ: „Если она пріѣдетъ, для нея имѣется Грандъ-Отель, гдѣ она и можетъ жить; но я ее не пушу во дворецъ“. Итакъ, не только онъ не противится тому, чтобы вы пріѣхали, но даже согласенъ, чтобы вы жили въ Грандъ-Отелѣ, но только не во дворцѣ.

Вслѣдствіе этого, я не вижу причинъ, могущихъ помѣшать вашему скорѣйшему пріѣзду, чтобы быть въ сосѣдствѣ съ вашимъ юнымъ сыномъ, на котораго, въ столь нѣжномъ возрастѣ, возложена такая тяжелая задача, и который болѣе всего нуждается въ своей матери и ея совѣтахъ. Да, въ возрастѣ, въ которомъ находится вашъ сынъ, слово доброй и умной матери стоитъ больше, чѣмъ всѣ самыя мудрыя педагогическія наставленія.

Я васъ прошу, въ интересахъ вашего сына и вашихъ, а также и родины, пройти гордо мимо незначительныхъ, лишь внѣшнихъ, недоразумѣній и не ждать официального приглашенія, чтобы, такъ сказать, вамъ отворили настежъ двери дворца, чего въ настоящее время сдѣлать нельзя.

Быть можетъ, для извѣстныхъ нашихъ великихъ дѣятелей, тщеславныхъ и не желающихъ быть въ тѣни, было-бы болѣе удобно не имѣть въ странѣ такого значительнаго вліянія, какъ ваше, и особы такой популярной, какъ вы, но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о томъ, что будетъ болѣе пріятно тому или другому изъ нашихъ правителей—всѣмъ не угодить—но о томъ, что лучше для молодого короля и его народа, котораго,

если то будетъ угодно Богу, онъ поведетъ по славному пути. Тотъ, кто думаетъ, что легко заглушить въ сынѣ, такомъ молодомъ, нѣжныя чувства къ матери и, тѣмъ болѣе, къ такой матери, какъ королева Наталія, тотъ ошибается. Но если бы, наконецъ, этого достигли, то это было-бы большимъ несчастіемъ для короля и сербскаго народа.

Въ двухъ словахъ: я нахожу, что не хорошо ни для короля, ни для страны, чтобы его воспитывали какъ птицу въ клѣткѣ. Никто къ нему не ходитъ, онъ никого не видитъ, помимо Докича и Чирича и еще двухъ учителей. Скажу больше: регенты сами видятъ его мало, а министры еще того рѣже.

Вы не хотѣли пріѣхать раньше конца мая; но необходимо чтобы вы пріѣхали ранѣе конца августа.

Вы не должны допускать предположенія и разговоровъ о томъ, что вы не желаете видѣть вашего сына. Въ какое бы время вы не пріѣхали, вы будете приняты блестяще, какъ никто еще не былъ принятъ до сихъ поръ.

Вы, можетъ быть, не знаете, ваше величество, какъ вы популярны и какъ васъ почитаютъ войска, для которыхъ вы были ангеломъ-хранителемъ во времена ихъ бѣдствій.

Считаю долгомъ, какъ человѣкъ и патріотъ, сказать вамъ, моя августѣйшая королева, открыто то, что я думалъ о вашихъ обязанностяхъ по отношенію къ вашему сыну и родинѣ. Теперь должны вы рѣшить: какъ вамъ лучше поступить среди этихъ, дѣйствительно тяжелыхъ, обстоятельствъ.

Вашего величества преданнѣйшій слуга

А. Васильевичъ.

XVI.

Господину Саввѣ Груичу.

Ялта, 15-го мая 1889 года.

Милостивый государь! Вы положительно были введены въ заблужденіе, такъ какъ вы думали и говорили, что договоръ былъ мнѣ сообщенъ, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, это безусловная ложь.

Если порученіе г. Васильевича не было неблагодарнымъ, то, во всякомъ случаѣ, оно умышленно ложно, потому что, если бы онъ ограничился лишь передачею мнѣ письма регентовъ,

не дѣлая словеснаго сообщенія, я-бы, согласно моему убѣжденію, которымъ руководилась всегда и во всемъ — воздержалась бы отвѣчать имъ. Если-же я отвѣтила, то благодаря наставленіямъ, даннымъ генераломъ Бѣлимарковичемъ Мте Лахуниной, просьбамъ моихъ приближенныхъ, а также изъ боязни потомъ упрекнуть себя въ упрямствѣ.

Я и не думаю упрекать васъ въ соблюденіи всѣхъ статей конституціи, даже статьи 72. Если я могу въ чемъ упрекнуть, то лишь въ томъ, что эта статья была принята конституціоннымъ комитетомъ, которому и исторія, со мною вмѣстѣ, никогда не проститъ этой слабости.

Статья 72 даетъ право королю Милану (выраженіе король-отецъ не имѣетъ смысла ни на какомъ языкѣ) руководить образованіемъ своего сына, но отнюдь не право препятствовать мнѣ жить, близъ послѣдняго; противоположное-же толкованіе настолько ошибочно, что я не могу его признать.

Въ наши дни даже негры - невольники не могутъ быть разлучны со своими матерями, а въ отношеніи короля Сербіи эта жестокость сохранена въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Я всегда слѣдовала привычкѣ довѣрять болѣе совѣтамъ своего разума, чѣмъ тѣмъ, которые мнѣ даютъ другіе и будьте увѣрены, что я всегда буду такъ поступать.

Не думайте, что я беру свѣдѣнія изъ газетъ и что когда немѣцкія газеты сообщать о моемъ возвращеніи въ Сербію, я восторжествую.

Несмотря на мою тоску, вызванную желаніемъ увидѣть Сацу, несмотря на все мое желаніе находиться въ странѣ, которой я отдала всѣ лучшія чувства, я никогда не вернусь, не будучи увѣренной, что буду находиться въ томъ положеніи, которое мнѣ подобаетъ.

Наша конституція не признаетъ меня. Но вѣдь и въ другихъ странахъ королевы-матери не играютъ политической роли.

Конституція есть основа жизни страны, но она не можетъ всего предусмотрѣть и каждый сербъ имѣетъ право быть безнравственнымъ, такъ какъ наша конституція въ своихъ постановленіяхъ забыла главнымъ образомъ о нравственности, какъ принципъ государственной жизни.

Я говорила съ перваго дня, что вернусь не иначе, какъ согласія регентовъ, и я стою на этомъ, болѣе чѣмъ когда-ли я съ ужасомъ отношусь къ скандаламъ и борьбѣ. Я въ правѣ требовать, чтобы мнѣ опредѣлили время моего возвращенія.

не хочу, чтобы оно зависѣло отъ фантазій челоуѣка, котораго г. Ристичъ считаетъ „душевно больнымъ“. Если вы думаете отложить коронацію (которая, какъ вы полагаете, даетъ королю Александру болѣе правъ, чѣмъ ихъ имѣлъ его отецъ) съ той цѣлью, чтобы я не присутствовала, скажите откровенно, я отнюдь не оскорблюсь.

Вы мнѣ говорите: имѣть довѣріе; я но натурѣ довѣрчива. Но вотъ два года, какъ я вижу, что правительство помогаетъ королю меня обманывать и это обстоятельство сломило меня: я перестала довѣряться. Пусть скажутъ мнѣ безъ задней мысли: „Вотъ почему мы не желаемъ, чтобы вы пріѣхали“. Но пусть не успокаиваютъ меня изо-дня въ день фразами, я больше имъ не вѣрю. Какъ-же вы хотите, чтобы я повѣрила, что королю Милану будетъ легче дѣлать мнѣ непріятности изъ Ливана, чѣмъ изъ Пешта, Вѣны или Парижа, въ двухъ шагахъ отъ Бѣлграда?

Когда я вамъ писала мое послѣднее письмо, то не имѣла копій съ письма Мича; затѣмъ я у него потребовала ее и, посылая выдержку, которая надѣлала столько шума, предоставляю вамъ судить самому объ этомъ.

Примите увѣренія и пр.

Наталія.

XVII.

Г-ну А. Васильевичу.

Ялта, 29-го мая 1889 года.

Милостивый государь! Я получила ваше любезное письмо и благодарю васъ отъ всего моего сердца. Позвольте мнѣ выразить вамъ мои искреннія сожалѣнія по поводу того, что, давая вамъ порученіе, вашими услугами воспользовались съ цѣлью ввести меня въ обманъ. Но будьте увѣрены, что ни одной минуты я не сомнѣвалась въ вашей личной искренности.

Вы отлично знаете, что я даже и не думаю оспаривать правъ короля Милана въ отношеніи руководства образованіемъ его сына; но я не могу помириться съ тѣмъ, что ему даютъ согласіе препятствовать мнѣ жить во дворцѣ близъ моего сына. Если я предложила три мѣсяца тому назадъ поселиться *временно* въ виллѣ Симича, это потому, что я хотѣла переѣхать *тотчасъ послѣ* отреченія короля Милана.

Въ настоящее время это не имѣетъ болѣе смысла и пока двери дворца моего сына будутъ для меня закрыты, можете быть увѣрены, что я буду также считать для себя вѣздъ въ Сербію запрещеннымъ.

Мой сынъ, воспитанный въ клѣткѣ, какъ вы говорите, сдѣлается бездушнымъ, безсердечнымъ, какъ его отецъ; дворецъ, въ которомъ протечетъ такое-же грустное дѣтство, какъ и его отца, онъ почтетъ за тюрьму. И если позднѣе ваши дѣти будутъ имѣть дурного короля, то васъ—дѣятелей нынѣшняго правительства—они обвинятъ въ этомъ, а исторія—судья безпристрастный нашихъ судебъ, строго заклеимитъ ваше поведеніе.

Теперь я по прошенію болѣе приглашенія регентовъ, потому что пришла къ убѣжденію, что мнѣ его никогда не пришлютъ; и я больше не довѣряю ихъ обѣщаніямъ, но я требую отъ нихъ такого распоряженія, чтобы мнѣ увидѣть моего сына въ концѣ іюня, какъ они мнѣ это обѣщали, и именно здѣсь, у меня, такъ какъ это свиданіе не можетъ состояться у него—въ Сербіи.

Что же касается до осужденія, съ которымъ вы боитесь, чтобы Сербія не отнеслась къ моему поведенію по отношенію къ сыну, если я запоздаю возвращеніемъ, то будьте увѣрены, что мнѣ ничего не остается, какъ сожалѣть о такомъ осужденіи. Регенты много потеряли, благодаря своему поведенію со мною; я еще не жаловалась пока; судите-же: что будетъ послѣ того, какъ я буду жаловаться. Повѣрьте, что есть еще страны, гдѣ не понимаютъ, что такое быть безсердечнымъ.

Прошу вѣрить въ мои лучшія и самыя благосклонныя чувства къ вамъ и къ вашимъ.

Наталія.

XVIII.

Г-ну Ивану Ристичу.

Ялта, 14-го іюня 1889 года.

Милостивый государь! Когда г. Васильевичъ явился въ Ялту съ просьбой отложить мое возвращеніе на нѣкоторое время, я это сдѣлала съ удовольствіемъ, зная, что только на нѣсколько недѣль отлагаю счастье увидѣть вновь моего единственного сына. Теперь прошло уже четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ мой сынъ сталъ королемъ Сербіи, и я полагаю, что тако-

го продолжительнаго времени вполне достаточно, чтобы затрудненія, которыя мѣшали моему возвращенію, были устранены. Но если эти затрудненія не случайны и дѣйствительно существуютъ причины, которыхъ я не могу постичь и которыя мѣшаютъ моему приѣзду въ Сербію, то я поступлю согласно содержанію вашего письма и *записки*, приложенной къ моему: я буду просить короля, моего сына, приѣхать въ теченіе іюля повидаться со мною *сюда*.

Если-же это путешествіе за границу вамъ покажется невозможнымъ, то я не буду больше сдерживать своего желанія, поцѣловать моего единственнаго сына, и съ этой цѣлью приѣду въ Бѣлградъ. Уже годъ, какъ я разлучена съ тѣмъ, который былъ жизнью моею въ продолженіе столькихъ лѣтъ.

Примите, сударь, увѣренія и пр.

Наталія.

XIX.

Королевѣ Наталіи.

Бѣлградъ, 22-го іюня 1889 года.

Ваше величество! Прежде всего прошу у васъ прошенія, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на письмо вашего величества отъ 17 мая и такъ поздно благодарю ваше величество за благосклонность и искреннее ободреніе, въ которыхъ вы выражаете живое участіе къ моему великому горю.

Такъ какъ ваше величество соизволили черезъ г. Симановича выбрать меня посредникомъ между вашимъ величествомъ и гг. Ристичемъ и Груичемъ, то я пожелалъ сначала узнать мнѣніе этихъ господъ по поводу возвращенія вашего величества въ Сербію, чтобы затѣмъ вамъ доложить. Этого, однако, не удалось сдѣлать скоро, такъ какъ регенты и министры очень заняты и не легко ихъ увидать.

Г. Ристичъ не скрылъ отъ меня, что ваше возвращеніе сѣсно-бы его. Перемѣна политики Сербіи, событія 14 и 15 мая, возвращеніе митрополита Михаила, программа либеральной партіи, которая господствуетъ въ Сербіи, по его мнѣнію, служатъ фактами, взволновавшими общественное мнѣніе Австріи. Регенты едва успокоили австрійское правительство и увѣрили его, что въ Сербіи ничего не замышлялось противъ ея интересовъ.

Если при подобныхъ обстоятельствахъ ваше величество,

на которую указали Австріи какъ на ея непримиримаго врага, —возвратитесь, то г. Ристичъ полагаетъ, что это переполнить чашу терпѣнія австрійцевъ и затруднитъ продолженіе добрыхъ отношеній съ державой, которая, конечно, могла-бы подрывать устои настоящаго положенія Сербіи и помѣшать ей укрѣпиться. По этимъ причинамъ регентство хотѣло-бы, чтобы ваше возвращеніе (котораго впрочемъ оно не думаетъ не ускорить, ни устранить) имѣло-бы мѣсто позднѣе, когда положеніе Сербіи будетъ прочнѣе и когда настроеніе Австріи будетъ покойнѣе.

Что касается до намѣренія вашего величества, въ случаѣ возвращенія, поселиться во дворцѣ, то г. Ристичъ думаетъ, что г. Симоновичъ плохо понялъ генерала Белимарковича: этотъ послѣдній утверждалъ, что онъ не говорилъ г. Симановичу, что вы должны жить во дворцѣ. Ни регенты, ни правительство не могли согласиться, чтобы ваше величество жили во дворцѣ, такъ какъ тогда король Миланъ потребуеъ для себя такого-же права. И нельзя будетъ ему въ немъ отказать. Совмѣстная-же жизнь ваша съ королемъ Миланомъ подъ одною кровлею могла-бы повести къ печальнымъ недоразумѣніямъ, которыхъ регенты и правительство желали-бы избѣжать ради юнаго короля.

Въ силу этой причины они не допускаютъ даже возможности позволить королю Милану жить постоянно во дворцѣ, который, согласно конституціи, отданъ исключительно въ распоряженіе царствующаго короля. Довольно уже и того, что они не могутъ ему, какъ гостю, помѣшать прожить нѣсколько дней близъ своего сына.

Другое мнѣніе—г. Груича. Прежде всего онъ сожалеетъ, что ваше величество не имѣете достаточно довѣрія къ его увѣреніямъ и сомнѣваетесь въ искренности его дружбы. Онъ думаетъ, что ваше величество не должны ставить ваше возвращеніе въ зависимость отъ офиціальнаго и формальнаго приглашенія—государственнаго, или частнаго,—но что вы должны смотреть на свое возвращеніе на родину, какъ на ваше право, которое не нуждается въ предварительномъ согласіи кого-либо.

Что-же касается времени, когда ваше величество должны воспользоваться этимъ правомъ, то г. Груичъ полагаетъ, что будетъ лучше имъ воспользоваться въ сентябрѣ или въ октябрѣ, послѣ выборовъ.

Какъ только устроюсь въ Петербургѣ, то возьму на себѣ смѣлость написать вашему величеству.

На прошлой недѣлѣ я ѣздилъ на три дня въ Кроншвар

на церемонію Коссова и закладку порохового погреба въ моемъ прежнемъ помѣстьи.

По этому случаю я имѣлъ честь завтракать у молодого короля, вашего августѣйшаго сына, и, къ моему большому удовольствію, я его видѣлъ часто. Я могу увѣрить ваше величество, что онъ совершенно здоровъ и что онъ развивается физически и нравственно такъ быстро, что ваше величество, увидѣвъ его, будете удивлены и обрадованы. Регенты и министры также его очень хвалятъ, какъ ребенка умнаго, серьезнаго и послушнаго. Онъ очень хорошо выглядитъ и своею веселостью и любезностью покоряетъ всѣ сердца.

Пріемъ ему въ Кроншевацѣ былъ очень сердечный и полный энтузіазма.

Король Миланъ пріѣзжаетъ 10 числа сего мѣсяца на нѣсколько дней и затѣмъ ѣдетъ на выставку въ Парижъ. Онъ имѣлъ намѣреніе пріѣхать въ Коссово, но регентство и правительство его отговорили.

Соизвольте принять, ваше величество, и пр. и пр.

Георгій Симиць.

XX.

Королевъ Наталіи.

Бѣлградъ, 24-го іюня 1889 года.

Ваше величество! Несмотря на то, что я имѣлъ счастье получить письмо вашего величества, которое мнѣ доставило большое удовольствіе, я не посмѣлъ-бы вамъ писать сейчасъ, если-бы г. Протичъ не попросилъ меня сдѣлать это отъ его имени.

Г. Ристичъ давно уже болѣлъ ревматизмомъ, вслѣдствіе котораго онъ не могъ поѣхать съ королемъ на торжество въ Кроншевацъ и Коссово, но въ послѣдніе два-три дня онъ совершенно разнемогся и лежитъ въ постели. Вчера, когда, по его приглашенію, я пошелъ къ нему, то засталъ его въ кровати безъ движенія, т. е. онъ не могъ шевельнуть ни рукой, ни ногой. Онъ позвалъ меня, чтобы сообщить о письмѣ вашего величества и чтобы попросить меня, какъ очевидца его болѣзни, уведомить васъ о ней тотчасъ-же и сообщить, что она мѣшаетъ отвѣтить лично, какъ бы онъ этого хотѣлъ. Какъ толь-

ко, сказалъ онъ, возвратятся король Миланъ, два регента и министры и какъ только онъ въ состояніи будетъ встать, тотчасъ же созоветъ своихъ коллегъ и членовъ правительства, чтобы, посоветовавшись съ ними, отвѣтить на ваше письмо. Но такъ какъ онъ не знаетъ, когда въ состояніи будетъ это сдѣлать, то проситъ васъ не считать поздній отвѣтъ за нѣчто преднамѣренное, а за обстоятельство, независящее отъ него.

Когда же я его спросилъ, могу-ли сообщить вашему величеству: въ какомъ родѣ будетъ этотъ отвѣтъ,—онъ мнѣ сказалъ, что, безъ соглашенія со своими коллегами и министрами, онъ не хотѣлъ-бы рѣшить такой важный вопросъ и въ настоящее время онъ ограничивается извиненіемъ, что не можетъ представить вашему величеству мнѣніе правительства по содержанию вашего письма.

Онъ ничего не можетъ теперь сдѣлать, но мнѣ кажется, что его отвѣтъ послѣдуетъ по пріѣздѣ короля Милана, который, говорятъ, останется очень короткое время.

Я указалъ г. Ристичу, основываясь на вашемъ письмѣ, что король Миланъ скорѣе оставитъ Сербію и будетъ жить за границей, если королева поселится въ Сербіи. Онъ, кажется, сомнѣвается и говоритъ: „когда король Миланъ пріѣдетъ, мы узнаемъ, гдѣ онъ предполагаетъ основать свою резиденцію“.

Я не знаю, каково мнѣніе регентства относительно мѣста, гдѣ будетъ ваше свиданіе съ сыномъ,—но я знаю, что все живущее въ Сербіи вѣритъ, что вы пріѣдете осенью въ Сербію и будете жить близъ вашего сына. Я, придерживаясь этого мнѣнія, совѣтую нынѣшнимъ правителямъ не бояться короля Милана, по крайней мѣрѣ, теперь и не вести себя такъ двусмысленно въ вопросахъ столь ясныхъ, естественныхъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ такъ благопріятно для трона и для народа.

По возвращеніи короля Милана и во время его пребыванія въ Бѣлградѣ, я буду имѣть случай его видѣть и, можетъ быть, говорить съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, во время моего пребыванія здѣсь, я узнаю много вещей, интересующихъ васъ и не премину написать вамъ и извѣстить обо всемъ.

Мои дѣти цѣлуютъ ручки вашего величества, ожидая съ нетерпѣніемъ увидѣть васъ.

Покорнѣйшій слуга вашего величества,

А. Васильевичъ.

XXI.

Г-ну Васильевичу.

Ялта, 1-го іюля 1889 г.

Милостивый государь! Я отлично знала, что г. Ристичъ не отвѣтитъ мнѣ безъ предварительнаго соглашенія со своими коллегами и также безъ того, чтобы не испросить инструкціи у короля Милана, который, какъ я узнала, вскорѣ пріѣдетъ. Запозданіе отвѣта не удивило-бы меня; но я очень тронута усердіемъ, которое г. Ристичъ выказалъ, представивъ мнѣ объясненія.

Я стою на томъ, о чемъ я вамъ уже говорила; король Миланъ сдѣлаетъ все на свѣтѣ для того, чтобы помѣшать мнѣ жить около моего сына. Но разъ ему это не удастся, тогда онъ сдѣлаетъ все, чтобы избѣжать со мною встрѣчи, такъ какъ я — живое угрызение его совѣсти и притомъ такое жестокое, что если-бы онъ не былъ безсердечнымъ, то настали-бы минуты, когда правда восторжествовала-бы.

Сегодня годъ, какъ прусская полиція взяла у меня сына, ребенка, которому я посвятила всю свою жизнь и который былъ для меня прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Чувствуете-ли вы, какъ я страдала съ тѣхъ поръ, и понимаете-ли вы, какъ могу я, живая, согласиться считать себя мертвой для моего ребенка? Даже преступнымъ матерямъ позволяютъ иногда поцѣловать ихъ ребенка, а мнѣ..... въ чемъ могутъ меня упрекнуть? Въ томъ, что я слишкомъ любила свою страну, что я никогда не хотѣла быть сообщницей моего мужа въ торговлѣ этою страшною, чего онъ добивался, и все это не унижая его въ глазахъ народа, а высказывая ему одному, спокойно и откровенно, правду, въ надеждѣ, что онъ ее пойметъ.

Король Миланъ говорилъ часто и писалъ, что онъ ненавидитъ Сербію за свое дѣтство, лишенное всякихъ заботъ и вниманія; мы видимъ теперь, что онъ умышленно, по злобѣ, приготовилъ такую-же судьбу своему сыну. Но довольно! Я не хочу, чтобы Саша принялъ свою страну съ отвращеніемъ, я хочу, чтобы онъ ее любилъ и понималъ и поэтому я не хочу, чтобы онъ позднѣе искалъ себѣ оправданія въ томъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ покинутъ.

Я такъ устала бороться, такъ боюсь всякаго волненія, что

ничего не требую, кромѣ одного блага, видѣть моего единственнаго ребенка взрослымъ и научить его любить то, что его окружаетъ. Вѣрьте мнѣ, что это не жалоба. Прежде всего я откровенна и никогда не умѣла прибѣгать къ уверткамъ.

Примите увѣренія и пр. и пр.

Наталія.

XXII.

Г-ну Саввѣ Груичу.

Ялта, 26-го іюля 1889 г.

Милостивый государь! Письмо, которое я получила сейчасъ отъ сына, извѣщаетъ, что мнѣ хотятъ предложить — привезти его ко мнѣ въ Донуцени, къ моей теткѣ. Я удивляюсь, что послѣ моихъ двухъ категорическихъ заявленій, что я не согласна видѣть моего сына *за границей* и ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, какъ только въ моей нынѣшней резиденціи, то-есть, здѣсь, въ Ялтѣ, — мнѣ дѣлаютъ совершенно иное предложеніе. Домъ моей тетки передѣливается; онъ въ настоящее время необитаемъ; вотъ почему я не провела тамъ лѣта.

Для меня слишкомъ трудно согласиться вновь терпѣть неприятности, послѣ покоя, къ которому я привыкла, но обстоятельства складываются иначе.

Я уже рѣшила покинуть Ялту и ѣхать въ Бѣлградъ 10-го августа, гдѣ и рассчитываю жить въ будущемъ. Если по моему пріѣздѣ, меня не примутъ во дворцѣ моего сына, хотя отца его приняли, то это будетъ позоромъ не для меня, а для другихъ. Это докажетъ изумленной Европѣ, что правящіе круги Сербіи позволяютъ себѣ бояться больного человѣка.

Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ мнѣ говорятъ „имѣйте терпѣніе“; затѣмъ король Миланъ пріѣзжаетъ, кричитъ; его пугаются и дѣлаютъ все ему угодное.

Перваго августа я попрошу прислать императорскую яхту, которой приказано перевезти меня въ Одессу; я выѣду 10-го, а 17-го, около пяти часовъ пополудни, буду въ Бѣлградѣ.

Примите увѣренія и пр. и пр.

Наталія.

XXIII.

Депеши г. Ристича королевѣ Наталіи.

Ея величеству королевѣ Наталіи. Россія. Ялта.

Тяжелая болѣзнь помѣшала мнѣ увѣдомить о полученіи письма отъ 14. Чтобы отвѣтить окончательно, ждемъ скорого пріѣзда короля Милана, согласіе котораго необходимо.

Ристичъ.

Ея величеству королевѣ Наталіи. Россія, Ялта.

Имѣю честь увѣдомить ваше величество, что отвѣтъ сданъ сегодня на почту.

Ристичъ.

(Окончаніе будетъ).

Эмиль Золя о трудѣ и любви.

Не въ первый разъ Золя говоритъ о трудѣ. Кто внимательно читалъ его послѣдніе романы, кто слышалъ его рѣчи къ парижской молодежи, тотъ могъ и вправѣ быть ждать отъ него того, что даетъ онъ въ этомъ новомъ своемъ романѣ. Вы помните его гимнъ плодородію. Въ немъ много было узкаго, низменнаго. Много такого, противъ чего хотѣлось страстно спорить. Безоблачное счастье въ узкой скорлупѣ замкнутой, плодородной и наслаждающейся своимъ счастьемъ семьи на многихъ произвело впечатлѣніе обратное тому, какого ожидалъ Золя *). Но вотъ послѣ гимна плодородію эпопея труда,—труда какъ главнаго двигателя жизни, какъ искупленія прошедшаго и залюга счастья въ будущемъ. Не труда проклятаго, не труда въ потѣ лица, а свободнаго, радостнаго и плодотворнаго. И если смыслъ и оправданіе жизни въ трудѣ, то цѣль и вѣнецъ ея въ любви, тоже свободной, радостной и плодотворной.

Новый романъ Золя носитъ названіе „Трудъ“, далеко не исчерпывающее впрочемъ его содержанія. Нѣтъ, не однимъ трудомъ будетъ спасенъ міръ. Пусть трудъ великая сила; пусть это даже всеильный рычагъ, которымъ перевернуть будетъ міръ,—но что можетъ сдѣлать рычагъ безъ точки опоры? А она въ любви. Итакъ, міръ будетъ спасенъ Трудомъ и Любовью.

Къ этому безсилію труда выполнить что-либо великое безъ помощи животворящей любви, Золя возвращается не разъ — и протяженіи 666 страницъ своего новаго желтаго томика библиотеки Шарпантье.

*). См. „Русское Богатство“ 1899 годъ, ноябрь. „Мѣтко и вѣрно“!

Учитель новой жизни труда и провозвѣстникъ всеобщаго счастья Люкъ Фроманъ (оставимъ въ сторонѣ его генеалогію, которой, однако, очень дорожитъ Золя). Въ безцѣльной прогулкѣ близъ Пропasti (сталелитейный заводъ) онъ замѣтилъ въ темнотѣ наступающей ночи двѣ робкія фигурки,—очень молоденькой женщины и шестилѣтняго ребенка; оба худые, оба въ лохмотьяхъ, молчаливые и неподвижные, они не спускаютъ глазъ съ воротъ завода. Вѣтеръ рветъ въ небѣ облака... Вообще у Золя нерѣдко, какъ въ древнихъ сагахъ, природа, какъ одушевленный факторъ, участвуетъ въ событіяхъ и гармонируется съ настроеніями... Вѣтеръ рветъ въ небѣ облака; все кругомъ такъ грязно, черно и полно мертваго отчаянія, точно наступаютъ конецъ міру.

Но въ умирающемъ зернѣ залогъ новой жизни.

Молоденькая женщина съ малюткой-братомъ ждетъ выхода рабочихъ; одинъ изъ нихъ, любви котораго она повѣрила, оставилъ ее теперь на улицѣ, унеся съ собой ключъ отъ дома. Безобразная сцена на улицѣ; звѣрская сцена въ кабакѣ и озвѣрѣвшій отъ вина рабочій выбрасываетъ на улицу молящую у него крова, еще вчера любимую имъ женщину, и подъ сдернутой повязкой раненая на работѣ рука ея окрашивается кровью. Люкъ видитъ все это, и въ душѣ его зажигается непреодолимая жалость ко всѣмъ обездоленнымъ, искалѣченнымъ и выброшеннымъ изъ общества жертвамъ труда. И сердце его наполняется безконечной любовью къ этой страдающей рабочей женщинѣ. Когда-же, наконецъ, трудъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть? Здоровьемъ и счастьемъ, источникомъ благосостоянія всѣхъ? Отнынѣ цѣлью жизни и дѣятельности Люка сначала безсознательной, а потомъ все болѣе и болѣе сознательной, будетъ спасеніе, искупленіе, счастье этой молоденькой женщины, олицетворяющей для него весь рабочій людъ. Лозунгомъ его отнынѣ будетъ: „пока Жозинъ страдаетъ, ничего еще не сдѣлано“. Эта Жозинъ—почти еще дитя,—измученная, обезсиленная работой, она показалась ему въ первую минуту почти безобразной: худое лицо, голубые исплаканные глаза, растрепанные свѣтлые волосы, блѣдныя страдальческія губы. Растроганный ея несчастьемъ, онъ началъ съ того, что отыскалъ ее, затерявшуюся среди темноты ночи, накормилъ ее (все это высокохудожественныя и такія правдивыя подробности!) украденнымъ ея братишкой хлѣбомъ, вернулъ ей кровь и бесплодную ласку ея рабочаго и незамѣтно для себя привязался къ ней самъ и свято и нѣжно полюбилъ эту хрупкую дѣтскую фигур-

ку „тонкую, очень гибкую, граціозную съ выраженіемъ еще дѣтской шаловливости, простоты и веселья на худенькомъ блѣдномъ лицѣ. Длинные свѣтлые волосы, цвѣта спѣлаго овса, растрепались на затылкѣ, голубые глаза блестѣли нѣжностью. Маленькій ротикъ смѣялся молодымъ смѣхомъ“. А она привязалась всѣми силами своей души, любящей, изстрадавшейся и благодарной къ этому высокому красивому юношѣ, такому доброму, такому прекрасному, казавшемуся ей богомъ по сравненію съ ея рабочимъ, грубымъ и грязнымъ. Она смотрѣла на него съ выраженіемъ такого „обожанія“, она такъ беззавѣтно отдавала ему всю свою довѣрчивую дѣтскую душу. И что-то нѣжное и крѣпкое завязалось между ними, — звено безграничной нѣжности, любви безконечной.

Но интересъ романа не въ этомъ, или центръ интереса и значенія произведенія не въ романѣ, а широкой кистью и яркими красками набросанной картинѣ новаго общественнаго строя, новой организаціи труда. Самъ Золя противопоставляетъ ее мечтаніямъ утопистовъ, какъ нѣчто вполне жизненное, осуществимое, почти осуществленное, — какъ начало мірового переворота, — хотя и строить ее на ученіи одного изъ тѣхъ-же утопистовъ, послѣдователи котораго и теперь еще, а можетъ-быть и теперь, уже считаются далеко не единицами. Я говорю о Фурье. Еще въ своемъ „Парижѣ“ Золя указывалъ на Фурье, какъ на возможнаго провозвѣстника новаго ученія. Потребовалось-же католицизму, говорилъ онъ тамъ, цѣлыхъ четыре столѣтія, чтобы сформироваться и укрѣпиться. Пусть-же дадутъ время и новому ученію возрасти и разцвѣсть прежде, чѣмъ оно станетъ приносить плоды. Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ, которое не всегда только въ романѣ, а часто и въ жизни опредѣляетъ собой начало и успѣхъ дѣйствія, позволяетъ Люку встать во главѣ большого фабричнаго предпріятія, создать его вполне независимо и самостоятельно на основѣ тѣхъ теоретическихъ принциповъ, изъ которыхъ не одинъ взятъ у Фурье. Прежде всего привлекательность труда. Трудъ свободно признанный всѣми, какъ необходимое регулирующее условіе жизни человѣка и общества. Трудъ, обращающій на пользу человѣчества самые недостатки и пороки человѣческой природы, на томъ основаніи, что пороками дѣлаются только извращенныя склонности и способности человѣка. Въдѣ небогато одаренная натура чужда и страсти и порока. Да и не одинъ только Фурье видѣлъ спасеніе въ всеобщемъ трудѣ. Сень-Симонъ, Огюсть Контъ, Прудонъ, Кабэ, Пьеръ Леру, — много ихъ, великихъ апостоловъ мира и всемірнаго

счастія. Золя выводитъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи, правда не очерчивая ея достаточно, сестру одного изъ героевъ труда, которой даже и имени другого не даетъ кромѣ этого прекраснаго названія родства и черты которой остаются неопредѣленными какъ лицо слишкомъ знакомаго и любящаго самоотверженнаго существа и только ея прекрасные, полные нѣжности и участія, глаза встаютъ передъ нами. Еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой ея дѣдъ, старый фурьеристъ и сенсимонистъ, бралъ ее къ себѣ на колѣни и долгими часами разсказывалъ ей длинныя сказки, которыя онъ самъ тутъ же ей и сочинялъ о фаланстерахъ, основанныхъ на прекрасныхъ счастливыхъ островахъ, о далекихъ городахъ, гдѣ осуществлены всѣ мечты о счастіи, гдѣ вѣчная весна....

Итакъ, счастливое стеченіе обстоятельствъ позволяетъ Люку приступить къ осуществленію своей мечты о всемірномъ счастіи на основѣ всеобщаго труда. Съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ читатель за развертывающейся предъ нимъ талантивой картиной: новая фабрика, начало новаго міра, основана; вокругъ нея цѣлое новое поселеніе рабочихъ, осуществлены всѣ возможныя улучшенія въ фабричныхъ строеніяхъ и въ орудіяхъ труда, чтобы, уменьшивъ его тяжесть, усилить производительность труда. Какое почетное мѣсто отводится тутъ наукѣ, олицетворяемой въ романѣ этимъ слабымъ физически, больше—едва связаннымъ съ жизнью нѣсколькими слабыми нитями, героемъ настойчивости и системы Жорданомъ. Достаточно двухчасоваго ежедневнаго труда, чтобы покорить міръ; труда полезнаго, убѣжденнаго, труда, подчиненнаго строгой системѣ, не боящагося неудачъ. — „Что-жъ бы мы стали дѣлать, если-бъ при неудачахъ не начинали съизнова“... Наука въ общемъ дѣлѣ преобразования и правильной организаціи производства представляетъ собой талантъ, который съ трудомъ и капиталомъ обуславливаютъ собой всякое производство. Творцомъ формулы объ ассоціаціи труда, капитала и таланта опять-таки является Фурье. Самое положеніе труда или трудящихся при новой организаціи совершенно измѣняется. Они еще получаютъ заработную плату, но къ ней уже прибавляется распредѣляемая между рабочими часть прибыли, реализуемой предпріятіемъ. Они уже имѣютъ голосъ въ вопросахъ управленія, какъ владѣльцы акцій. То есть и участіе въ прибыляхъ и голосъ въ управленіи вытекаютъ для нихъ по праву изъ самаго факта владѣнія акціями. Слѣдующимъ важнымъ нововведеніемъ являются кооперативные магазины, освобождающіе рабочаго отъ паразитизма мелкой ла-

вочки и торговли вообще. Рабочіе сами непосредственно входятъ въ сношеніе съ производителями. Впрочемъ, все это ужъ извѣстно. И не въ томъ заслуга Золя, чтобъ онъ сказалъ это первымъ,—а въ томъ, что онъ попытался еще разъ сказать это по новому и по хорошему.

Но мелкіе торговцы рѣшили до конца бороться за свое существованіе и именно съ ихъ то стороны и грозила наибольшая опасность новому строю, направленная на творца его и организатора. Это было на четвертый годъ существованія завода. Кооперативные магазины его слишкомъ успѣшно конкурировали съ мелкой торговлей. Глухое недовольство торговцевъ, жившихъ на счетъ своихъ покупателей-рабочихъ, скоро перешло въ открытую ненависть и ожесточенное преслѣдованіе. Ослѣпленные злобой, они дошли до того, что тайной пѣлью Люка искренно считали желаніе повредить лично имъ и ихъ интересамъ: „онъ и заводъ-то основалъ“, торжественно заявляютъ они на своемъ синедріонѣ, нарочно созванномъ для обсужденія способовъ борьбы съ общимъ врагомъ. „Какъ уже будутъ ѣсть, одѣваться и все прочее, когда не будетъ торговли?—наивно спрашиваютъ они одинъ у другого,—и что-же будутъ дѣлать люди, когда ни денегъ, ни торговли, ни наслѣдства, никакой власти, ни судей, ни тюремъ не будетъ?“,—“Да онъ съ ума сошелъ,—кричатъ они всѣ хоромъ,—онъ разорить и обезчестить всѣхъ насъ! Надо дѣйствовать, надо дѣйствовать!“... Но какъ? Одни предлагали подстеречь его гдѣ нибудь вечеромъ на углу улицы и другіе стояли за убійство другого рода, гдѣ бы за нихъ былъ весь городъ. И способъ былъ найденъ,—противъ Люка возбужденъ былъ процессъ. Онъ ’отвелъ изъ загнившей зловонной канавы воду, которая теперь, въ виду процесса, признана всѣми животворящей. Но было слишкомъ очевидно, на чьей сторонѣ справедливость и Люкъ былъ оправданъ. Какой ненависти взрывъ провожалъ его, оправданнаго, изъ залы суда домой! Вся накопившаяся годами злоба, все безсиліе ненависти, мелкая мстительность, раздутая до кровожадности,—все это вылилось въ звѣрскихъ крикахъ—„Смерть, смерть воору, отравителю!“ разъяренной, опьяненной ненавистью толпы, слѣдовавшей по пятамъ за Люкомъ. Это самыя сильныя страсти въ книгѣ, съ которыми можетъ только сравниться трав анархиста Салова въ булонскомъ лѣсу въ „Парижѣ“. Снача Люкъ, глобоко огорченный въ душѣ слѣпой злобой тѣхъ, д кого онъ непосредственно работалъ, думая дать міру, всег міру, формулу счастья и благосостоянія, дѣлалъ видъ, что

замѣчаетъ направленныхъ на него оскорбленій. Но толпа все разрасталась по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ дальше по селенію, не желая прятаться отъ опасности. Мужчины, женщины и дѣти, всѣ, казалось, были одушевлены однимъ общимъ желаніемъ—уничтожить этого человѣка. И возбужденіе толпы все росло,—но въ немъ оно не вызывало злобы. Онъ имъ прощалъ, этимъ темнымъ людямъ, которыхъ онъ пришелъ спасти отъ нищеты и несправедливости,—но какъ обливалось кровью его бѣдное сердце, когда онъ видѣлъ среди самыхъ ожесточенныхъ изъ своихъ преслѣдователей—тѣхъ самыхъ рабочихъ, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать благородными, свободными и достойными счастливаго завтрашняго дня. Крики все усиливались. „Смерть вору! Отравителю! Смерть! Смерть!“ На минуту онъ остановился, обернулся къ нимъ. И вотъ одинъ изъ нихъ, въ этотъ моментъ, поднялъ камень и бросилъ въ него. За нимъ и другіе. Молча и не оборачиваясь пошелъ онъ дальше. Только глаза его наполнились слезами. Одинъ изъ камней задѣлъ ему ухо, другой—руку. Брызнувшая кровь остановила было толпу, но, минута, и преслѣдованіе продолжалось съ новой силой. Отстали лишь болѣе слабые. Онъ уже чудотворилъ за собой горячее дыханіе этой озвѣрѣвшей толпы. Впереди всѣхъ бѣжалъ маленькій человѣчекъ, худой и рыжій, съ мутными глазами и въ изступленіи, не переставая, кричалъ: „Смерть! Смерть!“ Люкъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, остановился. Рука его безсознательно сжалась въ кулакъ и поднялась въ произвольномъ движеніи ужаснаго мщенія. Одного удара достаточно было, чтобъ раздавить маленькаго человѣка. Но Люкъ не опустилъ на него руки. И только двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ,—слезы безконечной грусти, которыя онъ сдерживалъ до сихъ поръ, но которыя теперь онъ былъ больше не въ силахъ скрывать. Онъ плакалъ надъ невѣжествомъ, надъ непониманіемъ этого жалкаго и дорогого народа, который не хотѣлъ спасенія. Послышался смѣхъ, и его оставили наконецъ одного, окровавленнаго, жалкаго и одинокаго.

Но и на этомъ трудности пути еще не кончились. У Золя необыкновенное чутье правды. Потому-то онъ и не представляетъ осуществленіе лучшаго будущаго совершающимся самимъ собой безъ массы неудачъ, безъ постоянныхъ, трудно побѣдимыхъ, затрудненій. Недостаточно-ли большая прибыль на акціи, недовѣріе ли къ успѣшности предпріятія, въ рискъ котораго заинтересованъ и самъ рабочій, привычка ли грустная къ грязи и безшабашной жизни, недовѣріе ли къ собственнымъ

силамъ, но рабочіе стали мало-по-малу оставлять новый заводъ и переходить въ привычную кабалу прежней жизни эксплуатированныхъ. И нужно было еще со стороны Люка не мало борьбы и энергии, чтобъ выйти побѣдителемъ изъ этого періода сомнѣній и испытаній.

Съ какимъ интересомъ слѣдите вы зато потомъ за тѣмъ, какъ мало-по-малу трудности уничтожаются, и здоровый и сильный ростокъ будущаго общества, выходя побѣдителемъ изъ всѣхъ испытаній, роскошно разивѣтаетъ, вѣтвясь и множась.

Но рѣшительницей побѣды труда является все-таки любовь, — и не раньше трудъ побѣждаетъ, какъ дѣло его беретъ въ свои руки всеильная богиня жизни.

Она является Люку въ образѣ той блѣдной, худенькой женщины, почти ребенка Жозинъ, — на которую набрелъ онъ во время своей первой безцѣльной прогулки по заводу. Эта встрѣча и положила для Люка начало новой жизни. Онъ тогда же почувствовалъ, что что-то нѣжное и крѣпкое завязалось между нимъ и этой молоденькой женщиной, олицетворившей для него весь рабочій людъ. Но они долго еще продолжали идти каждый своей дорогой. И только изрѣдка Жозинъ напоминала ему о себѣ. Когда еще только вопросъ о дѣятельности, — о неотложной настоятельности ея, о ея задачахъ и направленіи всталъ впервые передъ нимъ во всемъ своемъ необъятномъ величій съ сложностью и трудностью разрѣшимыхъ только на практикѣ задачъ, ужъ его уловило вдругъ среди безмолвнаго дыханія ночи что-то, что казалось не было ни звукомъ, ни движеніемъ, и взглядъ его различилъ во тьмѣ „какое то тонкое и нѣжное очертаніе, колыхавшееся, казалось, на верхушкахъ травъ“. И маленькій букетикъ пахучей дикой гвоздики задѣлъ его лицо какъ несмѣлая ласка. Онъ угадалъ въ немъ Жозинъ. Это было первое прикосновеніе любви, которой предстояло спасти и передѣлать міръ! Ея образъ прелестный и печальный, въ слезахъ, голодной и одинокой, постоянно встаетъ передъ его воображеніемъ и будить силы къ борьбѣ и рѣшимость добиться, во что бы то ни стало, побѣды.

Вѣдь, по мнѣнію Золя, индивидуальная инициатива всеильна. Факты сами по себѣ ничто, пока не подойдетъ къ нимъ человѣкъ съ дѣйствующей волей, геній свободной мысли, приносящій съ собой осуществленіе новой истины. Ничто не можетъ устоять тогда: и горы, и море отступаютъ передъ нимъ. Люкъ чувствовалъ въ себѣ эту смѣлость, эту рѣшимость дѣйствовать; онъ чувствовалъ себя тѣмъ человѣкомъ

которому предстоитъ выполнить великую задачу. Онъ торжественно взялъ ее на себя. И принятое рѣшеніе было такъ важно, такъ богато послѣдствіями, что Люкъ почувствовалъ и вокругъ себя и въ себѣ торжественное присутствіе какъ бы религіозной дрожи. Онъ весь отдался мысли о счастливомъ будущемъ для этого бѣднаго рабочаго люда, о близкомъ спасеніи и возрожденіи его къ полной человѣческой жизни. И въ это мгновенье вниманіе его привлекало что-то легкое какъ вѣяніе крыла ночной птицы, а сердце его сжалось первой счастливой дрожью, когда онъ почувствовалъ на своихъ губахъ прикосновеніе нѣжное, какъ ласка душистой дикой гвоздики, брошенной ему все той же невидимой робкой и любящей рукой. Да, это была она, Жозинъ, и это была для него первая и самая сладкая награда за первый шагъ рѣшенія на борьбу. Онъ тихо позвалъ молодую женщину и ей первой сообщилъ растроганнымъ шепотомъ о принятомъ рѣшеніи и о своихъ мечтахъ и вѣрѣ въ будущее: „Жозинъ! теперь у меня найдется работа для всякого, кто захочетъ трудиться. Да! я постараюсь, чтобъ отнынѣ были справедливость и счастье для всѣхъ“. И легкая тѣнь ея снова слилась съ ночью,—а онъ продолжалъ стоять и смотрѣть въ темную даль, въ которой вставала передъ нимъ заря завтрашняго дня...

И завтра наступило. И съ каждымъ слѣдующимъ днемъ сумма счастья на землѣ увеличивалась и распредѣлялась все съ бѣльшей и бѣльшей справедливостью. Но тотъ, кто былъ виной всему,—кто силой своей воли и самоотверженнымъ трудомъ помогалъ осуществленію прогресса, искупалъ своими личными страданіями свой великій подвигъ, и надо было имѣть его вѣру въ успѣхъ, непоколебимую вѣру апостола, чтобъ не пасть подъ тяжестью этого желѣзнаго креста. Вспомните ту травлю, которую устроили ему мелкіе торговцы въ безумной надеждѣ стереть съ лица земли того, кто въ ихъ глазахъ былъ виновникомъ всѣхъ ихъ неудачъ. Точно, устраняя съ дороги выдающихся борцовъ, можно помѣшать историческому процессу совершаться!? А въ этомъ-то и была ихъ надежда: не въ отдаленіи неизбѣжнаго, не въ измѣненіи только, а въ совершенной остановкѣ процесса на той стадіи, которая породила и терпитъ ихъ паразитизмъ. Вечеромъ послѣ этой травли, гдѣ умирающій строй общества, не желающій умирать, дѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе остановить ходъ событій, уничтоживъ ихъ руководителя, Люкъ заперся одинъ у себя въ павильонѣ и размышлялъ. Мысли, одна другой грустнѣе, нахлынули на него

Ничто уже, конечно, не может остановить его въ начатой борьбѣ, но непоколебимая рѣшимость не могла все же помѣшать смертельной тоскѣ, которую, впрочемъ, онъ рѣшилъ скрывать отъ всѣхъ. Онъ хотѣлъ выпить свою горькую чашу до дна и одинъ. Въ своей безысходной тоскѣ онъ забылъ въ своемъ одиночествѣ, что въ мірѣ есть любовь, что и въ его существованіе она проникла хотя еще не гласная и не гордая. Въ своемъ несчастіи онъ такъ мало думалъ о себѣ, что даже мысль о возможности утѣшенія не пришла къ нему. И надо было, чтобъ случай самъ привелъ къ нему въ этотъ вечеръ Жозинъ, да и пришла-то она къ нему съ еще лишней дурной вѣстью: рабочіе оставляютъ его, призрачная свобода ихъ прежней безшабашной жизни, среди нищеты и вина, притягиваетъ ихъ.

Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Такъ, значить, ничего еще не сдѣлано, если послѣ четырехъ лѣтъ борьбы онъ не сумѣлъ овладѣть ни сердцемъ ихъ, ни мыслями, ничего, значить, не сдѣлано, если и Жозинъ еще не счастливъ и не вырвана еще изъ подъ власти побоевъ и оскорбленій. Въдѣ Жозинъ для него олицетвореніе всего страждущаго народа... Вдругъ онъ увидѣлъ на глазахъ ея слезы и не выдержалъ самъ и зарыдалъ, отъ безконечнаго состраданія къ этому темному и упрямому пасынку счастья. Ихъ слезы смѣшались. Каждый видѣлъ и хотѣлъ облегчить страданія другого своей нѣжностью, своей любовью. Въ такія минуты высшаго напряженія чувства слова не выражаютъ ничего и нужно крѣпкое объятіе, чтобъ душа почувствовала свое единеніе съ другой душой. Союзъ учителя съ его народомъ былъ заключенъ, и подвигъ его жизни, оплодотворенный женщиной, отнынѣ не будетъ безрезультатенъ. Міръ будетъ спасенъ.

Все это нѣсколько смѣшно,—но если подумать, что вина этому не въ образахъ, а лишь въ языкѣ, которымъ мы не привыкли пользоваться для выраженія высшаго напряженія нашего чувства, тончайшихъ изгибовъ нашей мысли,—смѣхъ скоро смѣнится задумчивой и тихой улыбкой, въ которой начало пониманія и примиренія. Съ тѣхъ поръ Люку все стало удаваться, — лавочки были побѣждены, и стали сами примыкать къ кооперативнымъ магазинамъ; рабочіе ужъ не покидали новаго завода, а, напротивъ, привлекали къ нему все новыхъ и новыхъ варищей, и рабочее поселеніе вокругъ завода все разрасталось. Размѣръ дивиденда и общей прибыли все увеличивался. Одинъ за другимъ и всѣ сосѣдніе заводы, послѣдовавъ примѣру этого, приняла ту же организацію, т. е. допустили рабочихъ къ учас

въ управленіи, передавъ въ ихъ руки часть акцій, и призвавъ ученыхъ къ участию въ общихъ прибыляхъ. Скоро и земледѣльческое населеніе примкнуло и соединилось съ этимъ промышленнымъ центромъ въ одно неразрывное цѣлое, какъ связанные общими интересами и взаимною экономическою зависимостью.

На этой промежуточной стадіи останавливается Золя,—гдѣ капиталъ смѣшивается съ заработной платой,—гдѣ индивидуализмъ сливается съ коммунизмомъ, гдѣ старый міръ проницается новыми началами, не разрушаясь еще окончательно, но уже потерявъ свое безразличное равновѣсіе и опору трехъ китовъ. Правда Золя попробовалъ приподнять завѣсу надъ болѣе далекимъ будущимъ, когда самага воспоминанія ни о китахъ, ни объ орлахъ не будетъ,—но созерцаніе истины лицомъ къ лицу оказалось ему не подъ силу, и онъ поспѣшилъ затушить свой фонарь.

Но вернемся къ Жозинъ. Очень ужъ большой художникъ Золя и очень ужъ широки и захватывающи вопросы, которые онъ затрогиваетъ,—такъ что невольно мысли отвлекаются въ сторону отъ темы романа, какъ ни стараюсь я ихъ сдерживать.

У Золя есть странность необъяснимая и ненужная,—неужели это лишь пристрастіе романиста къ такъ называемымъ ненормальнымъ рискованнымъ положеніямъ,—или объясненіе этого кроется гораздо глубже и обуславливается самымъ характеромъ творчества Золя, неудовлетворяющагося легкимъ прикосновеніемъ къ лишь намѣченнымъ сценамъ. Золя нужно подойти вплотъ, довести всякое положеніе до его сильнѣйшаго выраженія, поставить всякій характеръ въ необходимость высказаться вполне, употребить на обрисовку характеровъ и положеній всѣ краски своей палитры....

Союзъ учителя, Люка, съ народомъ, Жозиной, заключенъ, и навѣки. Но Золя еще не вводитъ ее въ домъ ея спасителя и мужа. Невольно ставится вопросъ—почему?—и отвѣта не находится. Золя оставляетъ ее еще долго въ домѣ ея рабочаго и во власти его побоевъ, грозящихъ, можетъ быть, смертью и матери, и будущему ребенку Люка. Золя даже намѣренно сгущаетъ тутъ краски, и, читая эти страницы, задыхаешься, какъ задыхаешься всегда отъ незаслуженнаго, непонятнаго и безцѣльнаго страданія. И только доведя ужасъ положенія до крайности,—поставивъ Люка на краю пропасти между жизнью и смертью отъ раны, нанесенной ему рукой рабочаго Рагю, мужа Жозины, озвѣрѣвшаго отъ ревности,—увы, отъ законной ревности, но отъ того не менѣе отвратительной и преступной,—

онъ приводитъ наконецъ къ умирающему обремененную материнствомъ Жозинъ. И только теперь, когда секретъ ея выданъ, когда ей нечего больше скрывать, когда ея мужъ, отецъ ея ребенка, въ смертельной опасности,—она входитъ наконецъ открыто въ его домъ, въ свой домъ и съ тѣмъ, чтобъ ужъ больше не покинуть его: „помнишь,—говорить она больному,—я вѣдь общала тебѣ вернуться въ тотъ день, когда ты будешь нуждаться во мнѣ,—когда я буду тебѣ не обузой, а помощью, съ этимъ дорогимъ ребенкомъ, который соединитъ насъ съ новой силой.... Всѣ остальные связи порваны: я твоя жена передъ всѣми,—мое мѣсто здѣсь у твоего изголовья“.

Исполненный счастья, весь проникнутый святой вѣрой въ будущее, Люкъ засыпаетъ спасительнымъ сномъ, повторяя про себя: „наконецъ любовь пришла; и теперь мы побѣдимъ“.

Трудно критиковать это прекрасное произведение. Такъ великій критикъ маленькой швейцарской литературы Александръ Винэ, чуткій къ каждому проявленію прекраснаго, видѣлъ въ твореніяхъ пера только то, что соотвѣтствовало идеалу писателя и его собственному, извиняя, поясняя, дополняя мѣста недостаточно хорошо продуманныя, недостаточно полно и ясно выраженные. Поэтому и по многому другому и я воздержусь отъ такъ называемой критики и ограничусь указаніемъ только на одну особенность, которая вызвала много жаркихъ споровъ между сторонниками Жореса и учениками Фурье: почему Золя строить будущую организацію общества не силами и инициативой тѣхъ, въ видахъ и въ интересахъ которыхъ она создается, а гениальнымъ усиліемъ немногихъ?

Почему и тутъ герои, а не толпа?!

В. Т.

Краткій очеркъ развитія горнаго дѣла на Кавказѣ. *)

(Окончаніе).

Кагызманскій соляной промыселъ находится на правомъ берегу р. Араксъ близъ гор. Кагызманъ. Промыселъ этотъ сравнительно поздно началъ свою дѣятельность. Онъ принадлежитъ нашему правительству съ 1878 года. *Олтинскій* соляной промыселъ находится въ Карсской обл., на лѣвомъ берегу Олти-чай, близъ сел. Шугутъ-Киша, въ 18 верстахъ отъ г. Олты. Дѣйствовать началъ тоже недавно и соли тамъ добывается сравнительно съ другими промыслами очень мало. *Сустинскій* промыселъ находится въ 9 верстахъ къ сѣверу отъ г. Нахичевани, близъ сел. Сустъ. Въ виду неправильной выработки и явившейся вслѣдствіе этого опасности, дѣйствія его прекращены по распоряженію правительства и потому работы на немъ не производятся.

Выработка каменной соли во всѣхъ этихъ пяти промыслахъ за послѣдніе годы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1897 г.	добыто	1.504,285 п.
" 1898 г.	"	1.355,534 п.
" 1899 г.	"	1.820,724 п.
" 1900 г.	"	1.520,843 п.

Кромѣ каменной соли, какъ уже сказано, на Кавказѣ имѣются соляные источники (озерная соль), которые также отдаются на откупъ. Въ 1897 году въ Ставропольской и Бакинской губерніяхъ, въ Дагестанѣ и въ Терской области на частныхъ и казенныхъ промыслахъ добыто всего 595,996 п. соли

въ 1898 г.	"	967,772 п.	"
въ 1899 г.	"	609,154 п.	"

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 10.

Такимъ образомъ годичная выработка соли на всемъ Кавказѣ составляетъ до 3 милл. пуд.

Кромѣ поваренной соли во многихъ мѣстахъ Кавказа распространены залежи и озера *глауберовой соли* (мирабилита), но наиболѣе извѣстныя находятся въ Кубанской обл. и губерніяхъ Тифлисской и Бакинской. Главное производство сосредоточено въ Тифлисской губерніи.

Бароци де-Ельсъ, командированный въ 1828 году для осмотра окрестностей г. Тифлиса, открылъ въ 30 верстахъ отъ Тифлиса каменную глауберовую соль близъ сел. Мухраванъ и Уджармы, что подтвердилъ горный инженеръ Картеронъ, осмотрѣвшій это мѣсто въ 1841 г. и нашедшій тамъ огромное хранилище глауберовой соли почти на поверхности земли. Лѣтъ 15 тому назадъ г. Бахметьевъ устроилъ тамъ заводъ. Получено кальцинированной соли:

въ 1887 г.	70,000	пуд.
„ 1897 г.	150,000	„
„ 1898 г.	150,000	„
„ 1899 г.	42,000	„
„ 1900 г.	35,000	„

Вся получаемая соль вывозится главнымъ образомъ въ Россію и частью за границу.

Каменный уголь встрѣчается во многихъ мѣстахъ, но, къ сожалѣнію, эксплуатируется сравнительно въ незначительныхъ размѣрахъ. Причиной тому служатъ: во-первыхъ, то, что залежи каменного угля проявляются въ такихъ мѣстахъ, вывозъ откуда представляется затруднительнымъ и вслѣдствіе этого не выгоднымъ, а во-вторыхъ: большею частью здѣшній каменный уголь не примѣнимъ при выплавкѣ металловъ.

Для развитія металлургіи на Кавказѣ ощущается недостатокъ топлива; благодаря этому многія ископаемые богатства лежатъ втунѣ. Даже заводы, находящіеся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, чувствуютъ недостатокъ горючаго матеріала. Довольствоваться въ этомъ случаѣ дровами невозможно, такъ-какъ это значило-бы совершенно истребить лѣса, что уже и сдѣлано въ значительной степени.

Но въ послѣднее время въ 30 верстахъ отъ Чернаго моря близъ мѣстечка Очемчири, въ бассейнѣ рѣки Гализги, въ зенной лѣсной дачѣ, обнаружены большія залежи каменного угля на пространствѣ 40 кв. верстъ въ пяти отдѣльныхъ пещадяхъ, изъ которыхъ тщательно изслѣдована пока одна п

щадь въ 14 кв. вер. и опредѣленъ запасъ залежи въ 6.960,600,000 пуд. Очемчирскій уголь отлично коксуется и даетъ 75% кокса, вполне пригоднаго для металлургическихъ процессовъ. Остается желать, чтобы какъ можно скорѣе началась эксплуатація этого мѣсторожденія, такъ какъ появленіе такого каменнаго угля, дающаго необходимое дешевое топливо, создать новую эру въ горной промышленности края. Закавказскій край давно ждетъ этого въ виду того, что многіе изъ его природныхъ богатствъ, какъ, напримѣръ, желѣзо, котораго здѣсь имѣется огромное количество, до сихъ поръ остается нетронутымъ. До сего времени коксъ приходится привозить извнѣ, что обходится весьма дорого.

Каменный уголь добывается въ Кутаисской губерніи, въ Кубанской области и въ Сухумскомъ округѣ. Мѣсторожденіе каменнаго угля Кутаисской губ. находится въ 40 верстахъ отъ г. Кутаиса, въ мѣстности Тквибули. На это мѣсторожденіе еще въ 1830 г. указалъ горный инженеръ Крыжановскій. Въ 1846 г. кн. Воронцовъ, получивъ донесеніе о немъ отъ горнаго чиновника Кульшина, приказалъ въ томъ-же году добыть 2,000 пуд. каменнаго угля и доставить его въ Редутъ-Кале для испытанія на одномъ изъ военныхъ пароходовъ.

Кн. Воронцовъ, имѣя въ виду возможность употреблять его на военныхъ пароходахъ черноморскаго флота, обратилъ на это мѣсторожденіе особенное вниманіе, и въ 1847 г., по приказанію его, приступлено было къ добычѣ угля; въ томъ-же году добыто 23,000 пуд. Впослѣдствіи преимущество было отдано частной разработкѣ.

Геологическое положеніе и удобное залеганіе пластовъ давали большую надежду на выгодную эксплуатацію этихъ копей. Въ 1886 г. проведена была желѣзнодорожная вѣтвь въ Тквибули.

Въ этихъ копияхъ пласты каменнаго угля залегаютъ съ большою мощностью и запасъ его опредѣленъ болѣе 1¼ милліарда пудовъ. Но несмотря на всѣ удобства и на этотъ запасъ, добыча не велика, во-первыхъ потому, что уголь этотъ не коксуется, во-вторыхъ потому, что содержитъ много золы и очень хрупокъ, такъ что при разработкѣ теряется 40% и весь расходъ вслѣдствіе этого раскладывается на остальные 60%. Раньше въ Тквибули дѣйствовали 4 копи, изъ которыхъ однѣ были въ рукахъ г. Новосельскаго, а другія—у товарищества „Нахшии“.

Въ 1888 г. въ копияхъ Новосельскаго добыто было 225,000 въ копияхъ „Нахшири“ 164,000, итого добыто 389,000 пуд.

Въ послѣднее время копи Новосельскаго не дѣйствуютъ, такъ что въ прошломъ 1900 г. правительство назначило торги на разработку каменнаго угля въ этихъ копияхъ. Торги эти не состоялись по неявкѣ желающихъ приобрѣсти ихъ.

Возникло предположеніе Министерства Путей Сообщенія принять эти копи въ свое веденіе, въ цѣляхъ эксплуатаціи ихъ для Закавказскихъ жел. дорогъ.

Общество же „Нахшири“ продолжаетъ до сихъ поръ свою дѣятельность.

Въ 1897 г.	въ ихъ копияхъ	добыто	703,113	пуд. угля
„ 1898 г.	„ „ „ „	1.867,948	„ „	
„ 1899 г.	„ „ „ „	2.182,260	„ „	
а „ 1900 г.	„ „ „ „	3.857,144	„ „	

Кромѣ того еще образовано общество „Тквибульскаго каменно-угольнаго и брикетнаго производства“, которое, кромѣ добычи угля, изъ мелкихъ остатковъ его, посредствомъ особой прессовки, выдѣлываютъ годный къ употребленію уголь. Производительность этого общества сравнительно не велика: въ 1897 году добыто 58,494 пуд. угля и приготовлено брикетнаго угля 207,882 пуд.

На Сѣверномъ Кавказѣ каменно-угольныя копи сосредоточены въ Кубанской области: Хумаринская—близъ сел. Обукоскаго, Баталпашинскаго отдѣла, Георгіевская и Макарьевская—близъ сел. Георгіевска, того-же отдѣла.

Раньше начала дѣйствовать Хумаринская каменно-угольная копъ, на которую въ 1829 г. указалъ архитекторъ Бернадашъ, вызванный начальникомъ бывшей Кавказской области, для устройства кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Въ 1846 г. приступлено было къ разработкѣ этой копи, а въ 1849 г. она была сдана въ частныя руки.

Въ 1860 г. добыто 162,000 пуд.

„ 1897 г.	„	16,700	„
„ 1898 г.	„	18,600	„
„ 1899 г.	„	16,000	„

Макарьевская и Георгіевская копи сравнительно поздно начали дѣйствовать:

въ 1897 г.	въ Макарьевской копи	добыто	4,000	п. угля
„ 1898 г.	„ „ „	4,350	п. „	
„ 1899 г.	„ „ „	4,500	п. „	
Въ Георгіевской копи:	въ 1897 г.	добыто	1,200	п. „
	„ 1898 г.	„	1,000	п. „
	„ 1899 г.	„	18,000	п. „

Въ 1900 г. на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ добыто 57,930 п. угля.

Каменный уголь добывается въ незначительномъ количествѣ еще въ Сухумскомъ округѣ, въ Ткварчельской дачѣ.

На всемъ Кавказѣ въ 1897 г. добыто 1,309,953 п. угля

„ 1898 г. „ 1.901,088 п. „

„ 1899 г. „ 2.220,760 п. „

а въ 1900 г. „ 3.893,008 п. „

Хотя на Кавказѣ во многихъ мѣстахъ имѣются также огромныя залежи торфа, въ особенности въ Дагестанѣ, гдѣ онъ и разрабатывался въ шестидесятыхъ годахъ, но въ настоящее время эта промышленность заброшена и той-же участи подвергся Карадахскій горючій сланецъ въ Дагестанѣ-же.

Во многихъ мѣстахъ Россійской Имперіи, въ особенности на Кавказѣ, имѣются громадныя залежи прекраснаго качества сѣры, тѣмъ не менѣе ежегодно изъ-за границы ввозится въ Россію большое количество этого минерала; а между тѣмъ только дагестанскія и бакинскія залежи сѣры не только могли-бы удовлетворить нуждамъ Россіи, но, пожалуй, могли-бы служить предметомъ вывоза на заграничныя рынки.

Съ давнихъ временъ, въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, мѣстное населеніе, для своихъ нуждъ, добывало сѣру.

Въ то время, когда сѣрные спички еще не были въ употребленіи у европейцевъ, крестьяне кавказскіе изготовляли сухія лучины, обмакивали ихъ въ растворъ сѣры и такимъ образомъ получали первобытный видъ сѣрныхъ спичекъ.

Кавказскіе горцы, во время своей 30-тилѣтней войны, всю сѣру, необходимую для изготовленія пороха, добывали въ дагестанскихъ сѣрныхъ рудникахъ.

Въ Эриванской губерніи еще до сихъ поръ кочующіе курды для своего обихода выстрѣлами ружейными отбиваютъ куски сѣры изъ скалъ горы Алагѣза, гдѣ имѣются залежи сѣрной руды.

Въ настоящее время разработка сѣры производится въ нѣсколькихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ Кхіутѣ, въ Абано, въ Буки и Варандѣ.

Залежи Кхіутской сѣрной руды находятся въ Дагестанѣ, въ Айдинскомъ округѣ близъ сел. Чиркатъ и Артлухъ, гдѣ и производится эксплуатація сѣры. Мѣсторожденіе это лежитъ на лѣвой сторонѣ р. Сулакъ, по склону хребта Салату. Еще съ начала XIX вѣка оно разрабатывалось туземцами, въ 1859 году, оно было изслѣдовано ученымъ геологомъ Абигомъ. Въ 1867 г.

мѣсторожденіе это было отдано князю А. Эрстову на *посессионныя* правахъ и разрабатывалось имъ до 1881 г. Съ 1881—1891 г. Эрстовъ передалъ его французской компаніи а съ 1891 года Эрстовымъ же было образовано новое товарищество, которое и дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Въ 1897 г. добыто 135,500 п.

„ 1898 г. „ 183,000 и проплавлено 22,000 п. сѣры.

„ 1899 г. „ 11,000 п.

Позднѣ начали разрабатываться мѣсторожденія Абано въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., Буковскій и Варандскій рудники въ Грозненскомъ округѣ, Терской области

въ 1897 г. добыто	въ 1898 г.	въ 1899 г.
въ Абано „ 16,000 п.	500	5890 п.
„ Буковскѣ „ 2000 п.	—	3000 п.
„ Варандѣ „ 2000 п.	—	3000 п.

На всемъ Кавказѣ въ 1897 г. добыто 155,000 пуд.

„ 1898 г. „ 188,000 „

„ 1899 г. „ 22,890 „

„ 1900 г. „ 13,000 „

Добываемая сѣра доставляется въ Баку, въ Москву и во Владикавказъ.

Въ настоящее время сдѣлано много заявокъ на новыя мѣсторожденія сѣры и на нѣкоторыхъ изъ нихъ уже производятся развѣдки; въ г. Петровскѣ устраивается заводъ для очистки этого минерала. Мѣсторожденіе это извѣстно было давно, но по отсутствію предпринимателей оставалось безъ правильной разработки,

Тутъ же умѣстно сказать о бакинскихъ сѣрно-кислыхъ заводахъ, которыхъ тамъ дѣйствуетъ четыре и которые обрабатываютъ въ качествѣ сырого матеріала сѣрный колчеданъ и главнымъ образомъ сѣру, получаемую изъ названныхъ сѣрныхъ рудниковъ. Въ 1898 г. на бакинскихъ сѣрно-кислыхъ заводахъ получено 765.000 пуд. сѣрной кислоты.

Сребро-свинцовая руда, которой на Кавказѣ имѣется въ изобиліи, также была предметомъ добычи Кавказа съ древнихъ временъ. Еще въ очень отдаленныя времена мѣстные правители обрабатывали эти руды для звонкой монеты и для другихъ издѣлій.

Грузинскіе цари все серебро получали исключительно изъ кавказскихъ рудъ.

Слѣды серебро-свинцовыхъ рудниковъ до сихъ поръ видны въ Ахталѣ, въ Дамблутѣ, въ Ардви, въ Думанисѣ, находящихся въ Борчалинскомъ уѣздѣ, въ Артвинѣ (въ Батумскомъ округѣ), въ Кутаисской губерніи и во многихъ другихъ мѣстахъ Кавказа. При армянскихъ царяхъ разрабатывался въ Даралагезѣ Гюмишханскій серебро-свинцовый рудникъ. Кавказскіе горцы для литья пуль добывали свинецъ изъ мѣстныхъ рудниковъ. До сихъ поръ у аборигеновъ Кавказа мы видимъ издѣлія, изготовленные изъ мѣстнаго серебра.

Графъ А. Л. Мусинъ-Пушкинъ, очень интересовавшійся горной промышленностью Кавказа и будучи знатокомъ горнаго дѣла, въ 1779 году былъ командированъ въ цѣляхъ ознакомленія съ рудными мѣсторожденіями Кавказскаго края. По пріѣздѣ на Кавказъ, онъ горячо принялся за дѣло и разослалъ свѣдущихъ людей по всѣмъ руднымъ мѣсторожденіямъ, для добычанія образцовъ. Въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ къ нему постоянно присылались и привозились образцы изъ новыхъ мѣсторожденій и, главнымъ образомъ, изъ старыхъ выработокъ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ особенное вниманіе на ахталскій серебро-свинцовый рудникъ, находящійся въ Тифлисской губерніи, въ Борчалинскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Дебета-Чай, при Ахталскомъ монастырѣ.

Время открытія этого рудника неизвѣстно, но видно, что рудникъ этотъ разрабатывался гораздо раньше 1770 года, потому что вышедшіе изъ Анатоліи и поселившіеся въ Алавердскомъ мѣдоплавильномъ заводѣ греки нашли въ Ахталѣ своихъ земляковъ, которые уже добывали тамъ серебряную руду. Слѣдуетъ отнести открытіе этого рудника ко времени постройки Ахталскаго монастыря. Изъ этого рудника кромѣ серебра извлекалось золото.

Съ 1802 года, по иниціативѣ графа Мусина-Пушкина, тамъ снова былъ устроенъ заводъ и съ августа мѣсяца рудникъ началъ разрабатываться правительствомъ и разработка продолжалась до 1816 года; въ 1817 году рудникъ былъ переданъ опять въ распоряженіе греческихъ рудопрмышленниковъ, которые долго продолжали тамъ разработку, но благодаря неправильности ея, рудныя жилы ими были затеряны, отчего греки были принуждены совсѣмъ оставить этотъ рудникъ. Въ 1887 году, одновременно съ Алавердскимъ мѣднымъ заводомъ, ахталскій рудникъ перешелъ въ руки французской компаніи, но, не отыскавъ потерянной серебро-свинцовой жилы, французы принялись за выплавку мѣди.

Близъ Ахталы, въ Алавердскомъ и Шамблудскомъ мѣдоплавильныхъ заводахъ, при грузинскихъ царяхъ, добывалось незначительное количество серебра. Серебро добывалось также въ Дамблудскомъ серебро-свинцовомъ рудникѣ, близъ сел. Дамблудъ, не далеко отъ Ахталъскаго рудника. Время открытія его неизвѣстно, но въ 1799 г., по порученію графа Мусина-Пушкина, Бергъ-Гешворенъ Цлигельмильхъ, осмотрѣвъ этотъ рудникъ, нашелъ тамъ развалины завода и обвалившіеся рудники и узналъ, что греки оставили этотъ заводъ лѣтъ 6 тому назадъ по случаю нашествія лезгинъ. Хотя послѣ того, при субсидіи горной экспедиціи, греки было взялись опять за разработку этого рудника, но такъ какъ они не могли правильно вести дѣло, то и были принуждены оставить это богатое мѣсторожденіе. Вокругъ названныхъ рудниковъ находятся еще серебро-свинцовыя мѣсторожденія: близъ сел. Ардви и Думанись.

Вообще надо сказать, что всѣ названныя серебро-свинцовыя мѣсторожденія сосредоточены почти въ одной цѣпи горъ и тянутся съ востока на западъ. Во многихъ мѣстахъ, отъ Ахталъскаго до Дамблутскаго рудниковъ, разсѣяны серебро-свинцовыя мѣсторожденія.

Въ числѣ разрабатывавшихся кавказскихъ серебро-свинцовыхъ рудниковъ не можемъ не упомянуть о Садонскомъ и Карачайскомъ рудникахъ. Садонскій серебро-свинцовый рудникъ находится въ горахъ Осетіи, въ Алагирскомъ ущеліи, у сѣвернаго подножія Кавказскихъ горъ, на западѣ отъ г. Владикавказа, на лѣвомъ берегу р. Ардонъ, близъ сел. Садонъ.

Еще въ 1767 году изъ этого стариннаго рудника доставлены были въ Петербургъ образцы богатой руды. Болѣе правильная разработка этого мѣсторожденія, съ промышленной цѣлью, утвердилась съ 1839 года.

Жалкій способъ веденія дѣла, отсутствіе дорогъ, трудность доставки припасовъ, раздоръ между пайщиками, понудили ихъ обратиться къ правительству за помощью. Въ 1842 году, Главноуправляющій Грузіи Головинъ отправилъ туда горн. инженера Картерона, а позднѣе горн. инженера Рейке. Донесенія ихъ послужили поводомъ правительству откупить Садонское мѣсторожденіе Чеколова и основательно повести дѣло. Такимъ образомъ это мѣсторожденіе съ 1850 г. перешло въ казну.

Въ томъ же году князь Воронцовъ началъ устраивать около аула Салугорданъ серебро-свинцовый—Алагирскій заводъ. Много трудовъ потребовала правильная постановка дѣла, въ дикой странѣ и въ среди населенія, не довѣрявшаго русскимъ для за-

вода устроенъ былъ поселекъ изъ переселенцевъ Алтайскихъ, Уральскихъ и Лугайскихъ горныхъ заводовъ, въ числѣ 308 человѣкъ.

Съ 1850 г. постоянныя издержки на содержаніе и управленіе заводовъ приносили казнѣ болѣе или менѣе значительныя убытки; тѣмъ не менѣе казна долго держала въ своихъ рукахъ этотъ заводъ, постоянно ассигнуя новыя суммы и только въ послѣдствіи онъ былъ отданъ въ аренду въ частныя руки.

Въ 1897 г. добыто 45,300 пуд. руды

„ 1898 г. „ 751,442 „ „

„ 1899 г. „ 328,910 „ „

Алагирскій заводъ имѣлъ большое значеніе для окрестныхъ жителей осетинъ, обратившихся въ настоящее горнозаводское сословіе и начавшихъ улучшать свой бытъ и смотрѣть на рудникъ, какъ на источникъ своего благосостоянія

Карачайскій серебро-свинцовый рудникъ, находящійся въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ, на правомъ берегу р. Кубани, близъ сел. Индишъ, разрабатывался также въ очень древнія времена; доказательствомъ этому служатъ старинныя раскопки. Подъ этими раскопками въ нѣдрахъ земли покоятся миллионы пудовъ.

Давнымъ давно сюда приходили полудикіе народы и каменными молотками откалывали куски руды, выплавляли въ особливо-приготовленныхъ глиняныхъ горшкахъ и уносили съ собою добытые металлы. Каменные молотки и осколки глиняныхъ горшковъ до сихъ поръ находятъ въ этихъ раскопкахъ. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка; богатства, предлагаемая человѣку природой, были преданы забвенію и никто даже не подозрѣвалъ, что въ этихъ мѣстахъ хранятся ископаемыя сокровища. Благодаря счастливому случаю рудники эти были открыты вновь развѣдочной партіей генерала Эммануила въ 1829 году.

Съ 1889—1891 годъ инженеръ Томашевичъ производилъ изслѣдованія этого рудника, а въ 1891 г. заарендовалъ его у карачайцевъ, приступилъ къ разработкѣ и нашелъ большой запасъ руды. По анализу инж. Кондратьева и Пѣтухова въ одной куб. саж. жильной массы оказалось 13 фун. серебра, что удостовѣрено и геологомъ Барботъ де-Марни. Послѣ серебро-свинцовыхъ рудниковъ австрійскаго Брукенъ-Гиль, испанскаго Эль-Оркайо и германскаго Фрейберга, Карачайскій рудникъ можно считать однимъ изъ богатѣйшихъ.

Въ 1893 г. Томашевичъ передалъ свои права обществу „Эльборусъ“.

Вмѣсто того, чтобы, устроить необходимый заводъ, тотчасъ-же приняться за добываніе руды и выплавку металловъ и постепенно вводить улучшенія, общество „Эльборусъ“ принялось за постройку красивыхъ зданій и опытныхъ плавильнъ. Въ 1896 году окончательно устроили заводъ и, когда всѣ эти прекрасныя сооруженія были готовы, оказалось, что капиталъ весь изсякъ и за недостаткомъ денегъ обществу пришлось прекратить на неопредѣленный срокъ свои дальнѣйшія дѣйствія и миллионныя богатства опять остались въ нѣдрахъ земли.

За послѣдніе годы во многихъ мѣстахъ Кавказа производятся развѣдки серебро-свинцовой руды, которой на всемъ Кавказѣ добыто: въ 1897 г. 508,850 пуд.

„ 1898 г. 800,079 „

„ 1999 г. 356,868 „

„ 1900 г. 112,750 „ руды.

Но плавки нигдѣ не было. Изъ отчетовъ Горнаго Департамента видно, что что за 1898 г. во всей Россійской Имперіи, главнымъ образомъ въ Томскомъ районѣ, выплавлено 8,583 п. свинца и 79½ п. серебра. Ежегодно изъ-за границы ввозится въ Россію, въ томъ числѣ и на Кавказъ, значительное количество слитковъ свинца и разныхъ свинцовыхъ издѣлій, тогда какъ вокругъ насъ лежатъ богатые серебро-свинцовыя руды, которыя могутъ удовлетворить не только потребностямъ Россіи, но также быть предметомъ вывоза. Въ такомъ же положеніи находится кавказское желѣзо.

„Изъ металловъ, которыми обладаютъ горы Грузіи и Арменіи, желѣзо и мѣдь, говоритъ Абихъ, играютъ такую преобладающую роль, что надо полагать, что большое металлургическое значеніе древней Иверіи основывалось единственно на частомъ и обширномъ распространеніи желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ. Накопленія, иногда очень значительныя, желѣзнаго шлака, встрѣчающіяся въ лѣсахъ Имеретіи и Мингреліи, доказываютъ, что туземцы съ очень раннихъ поръ обрабатывали здѣсь желѣзныя руды“. Въ Борчалинскомъ уѣздѣ масса древнѣйшихъ рудниковъ, о размѣрахъ и о продолжительности разработки этихъ рудниковъ въ древности можно судить по тѣмъ покрытымъ первобытнымъ лѣсамъ холмамъ, которые на нѣсколь часовъ пути тянутся вверхъ по долинѣ за предѣлы древесной растительности и состоятъ только изъ желѣзныхъ и мѣдныхъ шлаковъ. Безчисленныя осыпавшіяся ямы встрѣчаются, въ лѣсахъ такъ и въ высихъ областяхъ, свободныхъ отъ лѣса.

вмѣстѣ съ слѣдами плавленія, которыя длинными рядами тянутся по склонамъ“. Подобные безчисленные слѣды встрѣчаются въ восточной части Памбакскаго хребта, въ горахъ Сомхета, въ долинахъ Дзегамы, Шамхора, въ Дашкесанскомъ округѣ, въ долинѣ Тертера и т. д. и т. д.

Въ древности металлы цѣнились очень высоко и центры, гдѣ производилась добыча и обработка ихъ, славились и были извѣстны на большое пространство.

Сравненіе нынѣшняго полнѣйшаго бездѣйствія желѣзнаго промысла на Кавказѣ, съ обширностью его въ отдаленныя времена, невольно возбуждаетъ вопросъ: какой эпохѣ и какому народу принадлежать тѣ обширные слѣды разработки мѣсторожденія желѣза и мѣди, о которыхъ сказано выше. Въ исторіи только извѣстно, что *Халибы*, славившіеся, какъ рудокопы, ковахи, искусные дѣлатели желѣза и стали, жили разсѣянны по разнымъ мѣстамъ Армянскаго плоскогорія и на побережьяхъ Чернаго моря.

У грековъ и римлянъ: „chalybs“ означало сталь. „Мы знаемъ также, говорить Усларъ, что греки нашли халибовъ на верхнемъ Араксѣ и на верхней Курѣ, ~~но~~ вообще халибы жили въ горныхъ мѣстахъ, представлявшихъ выгоды для горныхъ промысловъ“.

Вообще Закавказье, въ глазахъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ, представлялось страной ископаемаго богатства, страной хитрыхъ ковачей: въ библіи—Оуваль былъ ковачемъ всѣхъ орудіи изъ мѣди и *желѣза*, Тубаль и Мосохъ продаютъ мѣдные сосуды; оба эти имени принадлежатъ Кавказу.

Изъ армянскихъ историковъ, Лазарь Парпскій говоритъ, что въ Айрататской области добывалось желѣзо (гл. 20).

Въ послѣдующія и новѣйшія времена кавказскіе народы были чужды горному дѣлу. Горное производство въ Грузіи началось, по народному преданію, только около половины XVIII столѣтія, при царѣ Иракліѣ, который вызвалъ изъ Турціи гюмишханскихъ грековъ для производства горныхъ работъ. Примѣръ грековъ не нашелъ подраженія среди туземнаго населенія и при расширеніи размѣровъ промысла, контингентъ горнорабочихъ увеличился не присоединеніемъ къ нему туземцевъ, а наплывомъ новыхъ выходцевъ грековъ изъ Турціи.

Русское правительство застало на Кавказѣ кустарную добычу желѣза въ незначительныхъ размѣрахъ въ грузинскомъ сел. Цидиси (Рачинскаго уѣзда) и въ Дашкесанскомъ округѣ, на рѣкѣ Кашкаръ (въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ).

По всему ущелью этой рѣки находится неисчислимо мно-

жество рудокопныхъ ямъ, почти на гребнѣ горъ, находящихся на правой сторонѣ р. Кашкары.

Добычей руды и выплавкой желѣза, съ незапамятныхъ временъ, занимались жители селеній, лежащихъ по рѣкѣ Кашкарѣ: Дашкесанъ, Баянъ, Куши, Чендъ и Чавдаръ. Эти пять сел. платили за добычу особую подать Ганджинскому хану, а по покореніи Елизаветополя они обложены были правительствомъ платою 750 рублей въ годъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ на эти рудники вниманіе и хотѣлъ устроить тамъ заводъ. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого района производятся развѣдки.

На всемъ Кавказѣ за послѣднее, и то весьма короткое, время дѣйствовалъ всего только одинъ заводъ, Чатахскій, находящійся въ Тифлисской губерніи, въ Борчалинскомъ уѣздѣ, въ двухъ верстахъ отъ разореннаго города Болнисъ, на правомъ берегу рѣки Болнисъ-Чай. При Логиновѣ, осматривавшемъ этотъ рудникъ въ 1807 году, жители селенія Болнисъ, въ особо устроенныхъ печахъ, выплавляли желѣзо; впоследствии же, по неизвѣстнымъ причинамъ, оставили этотъ промыселъ. Въ 1862 году, при участіи правительства, баденскимъ негоціантомъ Либомъ былъ основанъ чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, названный Чатахскимъ. Заводъ этотъ, по случаю смерти Либана, перешелъ въ 1865 г. во владѣніе Витте. Несмотря, однако, на обстоятельства вполне благопріятныя, желѣзное дѣло на Чатахскомъ заводѣ не могло установиться въ надлежащемъ видѣ. Кромѣ трудностей, неразлучныхъ съ введеніемъ промышленныхъ, новыхъ для края, предпріятій, одною изъ главныхъ тому причинъ было истощеніе капитала у владѣльцевъ. Въ первые два года дѣйствія завода проплавлено 2,500 пудовъ желѣза и 16,685 чугуна въ издѣліяхъ. Въ 1870 г. отлито чугунныхъ издѣлій 21,719 п. и приготовлено желѣза 2009 п. Въ 1875 г., приготовивъ 861 п. 31 фун. желѣза, заводъ прекратилъ свои дѣйствія. Такимъ образомъ мѣстное населеніе, имѣя вокругъ огромные запасы желѣзной руды, крайне нуждалось въ желѣзѣ. Дороговизна этого металла, трудность его пріобрѣтенія и нужда кавказскихъ и сосѣднихъ народовъ въ немъ, доводили стоимость желѣза до невѣроятныхъ размѣровъ. Оно пріобрѣталось главнымъ образомъ для изготовленія оружія. Оружейный промыселъ достигъ совершенства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа, въ особенности въ Дагестанѣ.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, несмотря на огромный привозъ всевозможныхъ желѣзныхъ издѣлій и слитковъ

елѣза, благодаря дороговизнѣ привозимаго, мѣстное население не въ состояніи приобрѣтать всего, что ему необходимо; а потому многіе предметы замѣнены деревянными и деревянная ось о арбы до сихъ поръ скрипитъ такъ, какъ скрипѣла когда-то.

Быстро увеличивающаяся потребность въ чугуиъ и въ елѣзѣ, даетъ надежду на развитіе въ краѣ этого производства.

Кромѣ желѣза въ Дашкесанскомъ рудникѣ съ 1869 года чата добыча и плавка кобальтовыхъ рудъ. Въ Дашкесанскомъ рудникѣ добыто всего около 10,900 пуд. кобальтовой руды, съ содержаніемъ до 18% кобальта, изъ какового количества вывлено 6,576 пуд. кобальтовой шпейзы, которая отправлялась въ границу на изготовленіе кобальтовой краски.

Ртутныя мѣсторожденія сосредоточены главнымъ образомъ въ Дагестанской области. Изъ нихъ извѣстны: Николаевскій ртутный рудникъ, близъ сел. Хпекъ и Рухунъ, Кюринскаго округа, и Гапцинскій—близъ сел. Гапца, того же округа. Рудники эти свои дѣйствія открыли недавно. Въ 1898 г. въ нихъ добыто 6000 пуд. ртути, а въ 1899 г. всего 600 пуд..

Изъ квасцовыхъ мѣсторожденій главное находится въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ, близъ армянскаго сел. Загликъ.

Само названіе Загликъ (персидское заг—квасцы, лигъ—мѣсто) показываетъ присутствіе тамъ квасцовъ. Загликское мѣсторожденіе обильно отличнымъ по качеству квасцовымъ камнемъ.

Въ полутора верстѣ ниже завода находятся, заброшенные совершенно заросшіе кустарникомъ, отвалы. Жители сел. Загликъ издавна имѣли заводъ для выварки квасцовъ на самомъ мѣсторожденіи камня.

По завоеваніи, въ 1804 г., Ганжинскаго ханства, мѣсторожденіе это поступило въ казну и отдавалось на откупъ жителямъ сел. Загликъ. Съ тѣхъ поръ заводъ этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

Въ 1867 г., нѣкій г. Харитоновъ, получая пособіе отъ казны, устроилъ здѣсь новый заводъ и началъ вываривать квасцы. Одиная производительность завода простиралась отъ 3—4 тысячъ пудовъ квасцовъ. Въ послѣднее время заводъ этотъ не дѣйствуетъ.

Ониксъ (разноцвѣтный мраморъ) добывается главнымъ образомъ въ Эриванской губерніи. Въ Карсской же области, въ 3 верстахъ отъ ст. Башкядикляръ, Карсской жел. дороги, при сел. *Джарджи*, также открыто богатое мѣсторожденіе оникса.

Нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Италіи, не имѣется мѣсторожде-

нія оникса. Добывается онъ только въ Мексикѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Алжирѣ. Мексиканскія мѣсторожденія почти изсякли, изъ Соединенныхъ Штатовъ онъ не вывозится, только Алжиръ снабжаетъ Европу этимъ чуднымъ камнемъ. Цѣны на алжирскій и мексиканскій мраморъ очень высоки: такъ первый продается за пудъ необтесанной глыбы по 3 руб., а послѣдній—12 руб.

Въ Джарджинскомъ мѣсторожденіи, на глубинѣ двухъ сажень, нашли очень цѣнный зеленый ониксъ.

Кромѣ приведенныхъ нами выше, на Кавказѣ встрѣчаются мѣсторожденія слѣдующихъ ископаемыхъ: цинкъ, сурьма, вольфрамъ, никкель, мышьякъ, сѣрный колчеданъ, киноварь, торфъ, горная смола, угле-натровая соль (сода), купарось (мѣдный и желѣзный), мѣлъ, абсидіанъ, пемза, горное мыло, трепель, страдаликъ, минеральныя краски (мумія, охра и др.), азбестъ, асфальтовый и литографный камень и др.

Нѣкоторыя статистическія данныя о разнообразной Кавказской горной промышленности, читатель усмотритъ изъ приводимой здѣсь таблицы:

	1890 г.		1897 г.		1898 г.		1899 г.		1890—1899 3а 10 лѣтъ
	Стоим. пуда	На сумму	Стоим. пуда	На сумму	Стоим. пуда	На сумму	Стоим. пуда	На сумму	Всего На сумму
		РУБ.		РУБ.		РУБ.		РУБ.	РУБ.
Нефть	5 к.	12,075,200	7 ₁₀ к.	34,970,080	9 ₁₀ к.	50,318,546	14 к.	77,271,133	224,651,800
Марганецъ . .	10 ₁₀	1,046,810	5 „	617,000	5 ₁₀ „	892,474	5 ₁₀ „	1,734,220	9,055,820
Мѣдь	11 р.	1,531,890	10 ₁₀ р.	1,741,650	10 р.	1,615,000	16 р.	2,743,190	15,421,000
Соль	7 ₁₀ к.	118,180	8 к.	16,180	8 ₁₀ к.	255,000	8 к.	153,660	1,482,220
Камен. уголь.	7 ₁₀ „	45,360	7 „	92,460	6 ₁₀ „	123,560	7 ₁₀ „	169,450	251,220
Сѣра	30 „	2,850	30 „	7,700	30 „	6,600	30 „	5,100	57,800
Серебро	—	—	400 р.	2,430	—	—	—	—	155,700
Свинецъ	—	—	5 р.	22,190	—	—	—	—	54,700
Мирабилитъ . .	20	14,000	20	45,000	20	45,000	20	8,400	—
Итого	—	14,820,290	—	37,514,690	—	53,256,180	—	82,085,453	271,807,600

Эти внушительныя цифры могутъ удвоиться, удесяттериться, если кавказская горная промышленность станетъ развиваться свободно, широко и смѣло.

Широкому распространенію преданія о золотѣ въ древней Колхидѣ много способствовали греческіе герои, которые, согласно сказанію, подъ предводительствомъ Язона, приплыли на быстро несущемся кораблѣ Арго, къ царству царя Эетеса, въ древней Колхидѣ, для похищенія золотого руна. Послѣ этого похода аргонавтовъ, Колхида привлекала вниманіе многихъ народовъ: греки, египтяне, римляне, грузины понтійскіе и другіе народы попеременно владѣли Колхидой.

Самые древніе историки: индейскій законодатель Ману, Геродотъ, Діодоръ, Страбонъ и другіе упоминаютъ между прочимъ о Колхидѣ, какъ о странѣ, доставлявшей большое количество золота.

Страбонъ, повѣствуя о богатствѣ Колхиды и о населявшемъ ее народѣ Соаняхъ, свидѣтельствуетъ, что проточныя воды у г. Діаскуріи (приблизительно между устьемъ р. Ингура и г. Сухумъ-Кале) несли значительное количество частицъ золота, которыя варвары собирали косматою овечьею шкурою.

По свидѣтельству Аппіана, говоритъ армянскій историкъ Инджиджянъ, „многочисленные потоки изъ кавказскихъ горъ приносили съ собою невидимыя частички золота, которыя мѣстный народъ собиралъ посредствомъ опускаемаго въ воду курчаваго руна“.

Плиній, по словамъ того-же историка, говоритъ: „у Кавказскихъ воротъ живутъ валлы и храбрые добыватели золота суарны“, „много золота добывали соаны, которые извѣстны были какъ обладатели золотого руна.

Инджиджянъ, основываясь на историческихъ данныхъ, доказываетъ, что вездѣ, гдѣ только древніе говорятъ о Фазисѣ, дѣло идетъ о р. Чорохѣ. Но и Ріону и Чороху придавали названіе Фазиса.

Золото добывалось, по свидѣтельству армянскаго историка (V в.) Лазаря Парпійскаго, въ Араратской провинціи. Объ этомъ упоминаетъ и Шопенъ.

По мнѣнію инженера Симоновича всѣ кавказскіе рѣки содержатъ въ себѣ золото, о чемъ свидѣлствуютъ также ученые геологи Абихъ и Фавръ. По ихъ мнѣнію коренные россыпы могутъ быть найдены по обѣимъ сторонамъ главныхъ хребтовъ, откуда берутъ свои начала эти рѣки.

Въ 1830 г. инженеръ Горевъ удостовѣрялъ, что онъ въ изслѣдованію р. Кашкары нашелъ несомнѣнные признаки золота.

Въ 1839 г. горный инженеръ Комаровъ дѣлалъ развѣдки въ Казахѣ и открылъ золотоносныя розсыпи.

Въ 1850 году была снаряжена особая золотоискательная партія, которою хотя и были открыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаки присутствія золота, но къ существенной его развѣдкѣ не было приступлено.

Изслѣдованія г.г. Томилова и Гилева 1850—1863 г. показали и поставили вопросъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ извѣстныхъ пунктахъ верхняго теченія р.р. Ингура и Ріона въ наносахъ встрѣчается золото.

Тоже самое показали въ 1864 г. развѣдочныя работы французско-подданнаго Кастена. Онъ долгое время, работая въ Калифорніи, въ золотыхъ приискахъ, случайно попавъ на Кавказъ, открылъ золотосодержащую розсыпь въ Сванетіи по ущельямъ р. Ингура вверхъ отъ впаденія въ нее р. Цхенись-Цхали до сел. Пари. Отведена была ему рудничная площадь для разработки золотоносныхъ песковъ. Имъ были доставлены въ Управленіе горною частью на Кавказѣ образцы довольно значительныхъ самородковъ, которыя хранятся въ музеѣ названнаго Управленія.

Но по неимѣнію достаточнаго капитала, онъ не могъ продолжать работы и оставилъ ихъ.

Особеннаго успѣха въ дѣлѣ кавказской золотопромышленности можно было ожидать отъ командированнаго въ 1864 г. Министерствомъ Финансовъ въ распоряженіе Кавказскаго Намѣстника генераль-маіора Клейманова, служившаго болѣе 20 лѣтъ по управленію золотыми приисками въ Сибири. Открывъ работы въ 1864 г. по рр. Алгету, Храму, Бамбаку, Арпачаю и между Эриванью и Нахичеванью, онъ нашелъ признаки золота, но, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, былъ вынужденъ прекратить работы и оставить здѣшній край.

Во всякомъ случаѣ, всѣ въ этомъ направленіи произведенныя работы ограничивались исключительно промываніемъ наносовъ, безъ всякихъ попытокъ шире обнять вопросъ изслѣдованію этихъ мѣстъ.

„Я лично убѣдился, — говоритъ инженеръ Симоновичъ, — помощью, впрочемъ, весьма примитивныхъ способовъ, въ существованіи признаковъ золота въ наносахъ долинъ, обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на то обстоятельство, что если существуетъ золото въ наносахъ долинъ, то, понятно, что по

слѣднее должно и могло быть занесено сюда только или главною рѣкою или же системою ея побочныхъ притоковъ“—„слѣдовательно, изученіе геологическихъ явленій должно предшествовать и въ то же время служить подспорьемъ для открытія тѣхъ коренныхъ мѣсторожденій, которыя, размываясь, даютъ начало тѣмъ золотоноснымъ наносамъ, какіе наблюдаются во всей области“.

Въ виду всего изложеннаго въ нашемъ краткомъ очеркѣ, остается пожелать болѣе широкой дѣятельности горной промышленности въ Кавказѣ. Ожидаемая же отъ нея блага *неисчислимы* и неоцѣнимы какъ для правительства, такъ и для населенія.

О. Карапетянъ.

КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА.

Съѣздъ представителей кавказской печати.

Къ числу съѣздовъ, устраиваемыхъ совѣтомъ Имп. Кавк. Об-ва Сельскаго Хозяйства, по случаю юбилейной выставки (съѣзды врачей, садоводовъ, пчеловодовъ, лѣсоводовъ, винодѣловъ и т. п.), относится съѣздъ представителей кавказской печати. Проектируемый съѣздъ является въ своемъ родѣ *первымъ* въ Россіи и къ осуществленію его Совѣтъ Об-ва стремится довольно энергично.

Въ совѣщаніяхъ представителей мѣстной прессы была выработана программа занятій съѣзда.

Вопросы, намѣченные для обсужденія слѣдующіе:

- 1) учрежденіе спеціального бюро;
- 2) улучшеніе издательскаго дѣла;
- 3) учрежденіе школы наборщиковъ;
- 4) урегулированіе разсылки и доставки подписчикамъ мѣстныхъ изданій;
- 5) учрежденіе на Кавказѣ отдѣленія „Россійскаго телеграфнаго агентства“;
- 6) освобожденіе отъ вторичной цензуры телеграммъ, процензурованныхъ въ С.-Петербургѣ, при печатаніи ихъ въ мѣстныхъ изданіяхъ;
- 7) урегулированіе взаимныхъ отношеній между редакціями;
- 8) опредѣленіе порядка наложенія взысканій на мѣстныя газеты;
- 9) предоставленіе мѣстнымъ изданіямъ права перепечатывать изъ правительственныхъ изданій статьи и замѣтки безъ разрѣшенія цензора;
- 10) о сообщеніи мѣстнымъ изданіямъ копій съ циркуровъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати;

11) назначеніе особаго цензора въ тѣхъ кавказскихъ городахъ, въ которыхъ частныя изданія цензируются чинами губернской администраціи;

12) предоставленіе мѣстнымъ изданіямъ печатать у себя замѣтки о вечернихъ происшествіяхъ безъ предварительнаго разрѣшенія цензора;

13) предоставленіе мѣстнымъ изданіямъ печататься безъ предварительной цензуры на основаніяхъ, дѣйствующихъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ;

14) о періодическомъ созывѣ съѣздовъ представителей мѣстной печати.

Вотъ четырнадцать вопросовъ, по которымъ предстоитъ высказаться первому съѣзду представителей кавказской печати. Конечно, этими вопросами далеко не исчерпываются нужды печати. Въдѣ кромѣ періодической печати, подѣ которою подразумеваютъ газеты и журналы, существуетъ и неперіодическая — книги, изданіе которыхъ у насъ, въ провинціи, поставлено въ худшія условія, нежели въ столицахъ.

Не касаясь пока тѣхъ вопросовъ проектированной программы съѣзда, которые имѣютъ связь съ современнымъ законодательствомъ о контролѣ надъ періодическими изданіями, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ пунктахъ программы, которые касаются внутренней, семейной жизни нашей прессы и взаимныхъ отношеній ея членовъ.

Улучшеніе печатнаго, собственно издательскаго дѣла, составляетъ желать многого. Недостатокъ типографій, высокая стоимость изданія газетъ, трудность имѣть хорошую, дешевую бумагу — все это затрудняетъ положеніе издателей. Въ особенности затруднительны изданія болѣе или менѣе толстыхъ журналовъ, благодаря чему они и рѣдки у насъ.

Этого вопроса близко касается вопросъ о школѣ наборщиковъ. Серіозный и требующій навыка трудъ наборщика ставитъ необходимымъ учрежденіе отдѣльныхъ школъ для нихъ. Одна изъ русскихъ газетъ, празднуя недавно десятилѣтній юбилей своего существованія, въ яркихъ краскахъ говорила о нуждѣ, которую пришлось вынести издателю (въ Ростовѣ) по приисканію въ первое время удовлетворительной типографіи и работниковъ.

Не менѣе важно для нашихъ газетъ учрежденіе отдѣленія „Россійскаго телеграфнаго агентства“ на Кавказѣ въ цѣляхъ децентрализаціи его органовъ. Содержаніе спеціальныхъ кор-

респондентовъ для отдѣльныхъ изданій крайне дорого, а случайныя телеграфныя корреспонденціи вызываютъ иногда недоумѣніе, такъ какъ зачастую редація не можетъ ни провѣрить факта, ни убѣдиться въ личности корреспондента. Во всякомъ случаѣ, предоставленное выборнымъ представителямъ мѣстной прессы, Кавказское телеграфное агентство не доставляло вздорныхъ и порою пошлыхъ по содержанію телеграммъ, какіе встрѣчаются нынѣ въ газетахъ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ нами вопросамъ предлагается съѣзду выработать форму участія Кавказской прессы на предстоящемъ въ 1903 году празднованіи *200-лѣтія русской печати*. 7-го октября въ Москвѣ происходило собраніе, при дирекціи литературно-худож. общества, московскихъ редакцій для разработки вопроса о предстоящемъ праздникѣ русской печати.

По мнѣнію собранія, организуемый праздникъ долженъ носить возможно широкій характеръ; съ этою цѣлью—предполагается разослать приглашеніе принять участіе въ подготовительныхъ работахъ редакціямъ всѣхъ русскихъ періодическихъ изданій. Юбилейный праздникъ предполагается ознаменовать со-
сывомъ всероссійскаго съѣзда дѣятелей печати, при чемъ ходатайство о созывѣ съѣзда будетъ возбуждено дирекціею кружка: для предварительной разработки программы съѣзда образована комиссія изъ 6 лицъ.

Можно надѣяться, что тѣ вопросы, которые не удастся рѣшить на предстоящемъ Кавказскомъ съѣздѣ печати, будутъ рѣшены на Всероссійскомъ съѣздѣ. Изъ перечня 14 вопросовъ, указанныхъ ранѣе, почти каждый касается нуждъ всѣхъ органовъ печати въ Россіи.

В—iii.

Обиліе съѣздовъ. Второй съѣздъ кавказскихъ врачей.—Юридическая безпомощность населенія: консультація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ при Тифлискомъ окружномъ судѣ.—Двѣ школы.—† Г. Г. Евангуловъ.

Кавказская юбилейная выставка вдохнула жизнь въ нашу сонную общественность, пробудила интересъ къ мѣстному сельскому хозяйству и промышленности, выдвинула на разрѣшеніе рядъ специальныхъ вопросовъ и породила, такимъ образомъ, серію съѣздовъ: дѣятелей а) по садовымъ культурамъ, б) по молочному хозяйству и скотоводству (съ 1 октября), в) по кустарной промышленности (съ 9 октября), г) виноградарей и винодѣловъ (съ 14 октября), е) по садовымъ культурамъ (съ 9го

сентября), и пр. Всѣ эти сѣзды, занявшись каждый своей сферой, обнаружили во многомъ недочеты нашего сельского хозяйства и предложили, разумѣется, мѣры къ устраненію этихъ недочетовъ. Не касаясь въ частности предложенныхъ мѣръ, скажемъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы онѣ не получили осуществленія, было-бы несправедливо отнести отрицательно къ дѣятельности указанныхъ еще сѣздовъ. Мѣстные сѣзды, объединяя группу лицъ, связанныхъ одной профессіей, одними интересами, вызываютъ между дѣятелями однородныхъ специальностей весьма желательный обменъ мнѣній, тѣмъ болѣе необходимый, что большинство нашихъ сельскихъ хозяевъ, не обладая достаточной научной подготовкой, не имѣетъ возможность заняться рациональной постановкой своего хозяйства; имъ нужно авторитетное указаніе, нужна школа и такой школой являются, до извѣстной степени, сѣзды, занятые разрѣшеніемъ вопросовъ мѣстной культуры, выясняющіе ея нужды. Поэтому, можно-бы было только сочувствовать широкой огласкѣ, среди заинтересованнаго населенія, обсуждаемыхъ сѣздами вопросовъ и сдѣланныхъ ими постановленій.

Одновременно съ нѣкоторыми изъ перечисленныхъ сѣздовъ происходилъ въ Тифлисѣ 2-й сѣздъ кавказскихъ врачей (съ 1 октября). Само собою разумѣется, что къ конгрессу врачей, затрагивающему широкую область насущнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни, надлежитъ предъявлять совсѣмъ иныя требованія, нежели тѣ, которыя предъявляются къ сѣздамъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ мѣстной культуры. Врачебный сѣздъ помимо научнаго имѣетъ еще социальное значеніе. Народное здравіе составляетъ одну изъ первенствующихъ заботъ государства и общества и они вправѣ требовать отъ собранія врачей, имѣющаго цѣлью всесторонне освѣтить нужды даннаго района въ медицинскомъ отношеніи, представленія, примѣрно, полной картины климатическаго, гигиеническаго и санитарнаго состоянія этого района и постановки въ немъ дѣла врачебной помощи населенію. Съ этой точки зрѣнія 2-ой кавказскій сѣздъ врачей нельзя назвать вполне удачнымъ. Мы надѣялись узнать отъ медиковъ, сѣхавшихся со всѣхъ концовъ Кавказа, о жизненныхъ условіяхъ мѣстнаго населенія и пр., мы надѣялись услышать серіозныя доклады по климатологіи и бальнеологіи Кавказа, такъ мало изслѣдованнаго въ этомъ направленіи, несмотря на обиліе всевозможныхъ минеральныхъ источниковъ

и превосходныхъ по климату мѣстностей, но, увы, надежды наши не оправдались. Съѣздъ врачей свелся въ концѣ концовъ къ ряду засѣданій многолюднаго медицинскаго общества съ его обычными рефератами. Между послѣдними, были, однако, достойные особаго вниманія и въ ихъ числѣ докладъ представителя Кутаисскаго медицинскаго о—ва д-ра Назарова—„О необходимости введенія земскихъ учреждений въ Закавказьѣ съ точки зрѣнія подачи медицинской помощи“. Сравнивъ организацию медицинской помощи населенію въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ, г. Назаровъ, рядомъ цифровыхъ данныхъ, неопровержимо установилъ фактъ колоссальной отсталости послѣднихъ губерній и, въ частности, Кутаисской. Въ Нижегородской, Воронежской и др. земскихъ губерніяхъ, на населеніе, равное Кутаисской губ., приходится, напримѣръ, отъ 40 до 70 врачей, тогда какъ въ послѣдней—только 8; для стационарныхъ больныхъ въ Нижегородской губ. имѣется 770 кроватей, въ Кутаисской-же всего 32 и т. д. Въ такомъ-же, если не въ худшемъ, положеніи находится дѣло подачи врачебной помощи населенію и въ другихъ Закавказскихъ губерніяхъ. Понятны отсюда шумныя одобренія аудиторіи съѣзда, выпавшія на долю постановленія, по поводу, доклада д-ра Назарова, о возбужденіи подлжащаго ходатайства объ организациі врачебной части на Кавказѣ на подобіе существующей въ земскихъ губерніяхъ. Другими словами съѣздъ высказывается за введеніе у насъ земскихъ учреждений. На эту тему писалось и говорилось столько, что распространяться мы считаемъ положительно излишнимъ.

Если врачебная помощь населенію, особенно сельскому, организована у насъ, на Кавказѣ, настолько слабо, что ее можно считать какъ-бы вовсе несуществующей, то что-же сказать о юридической безпомощности не только сельскаго люда, но и громаднаго большинства невѣжественныхъ и неимущихъ обитателей нашихъ городовъ! Только въ самое послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ Закавказья стали функционировать особыя учрежденія—консультанці изъ представителей мѣстной адвокатуры, для подачи юридическихъ совѣтовъ и составленія дѣловыхъ бумагъ за весьма незначительную плату и даже бесплатно. Такимъ образомъ, простой людъ имѣетъ казалось-бы возможность обращаться въ консультанці за необходимой юридической помощью. Но, во-первыхъ, консультанці эти существуютъ лишь въ немногихъ губернскихъ городахъ Закавказья (Тифлис

Баку, Кутаисъ) и, во-вторыхъ, не принимаютъ на себя веденія дѣлъ, т. е. самой существенной части всякаго процесса. Просителю даютъ въ консультаціи совѣтъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, пишутъ нужную бумагу, но не ведутъ его дѣла, не защищаютъ его интересовъ на судѣ или въ другомъ какомъ присутственномъ мѣстѣ, не оппонируютъ его противнику и т. д. Стало-быть нуждающійся въ веденіи дѣла проситель не удовлетворяется консультаціей, не получаетъ должной юридической помощи и, слѣдовательно, попадаетъ вновь въ лапы безпощаднаго эксплуататора, подпольнаго адвоката, всегда зорко выслѣживающаго себѣ жертвы. Конечно, консультаціи приносятъ населенію извѣстную пользу, вселяютъ въ немъ уваженіе и довѣріе къ присяжной адвокатурѣ, но пока они функционируютъ въ настоящемъ своемъ видѣ, они не могутъ пресѣчь зло, причиняемое невѣжественному классу продажной „аблакатурой“, не могутъ оказать ему радикальнаго пособія въ его юридической безпомощности. А что послѣдняя обходится населенію слишкомъ дорого—это ясно каждому. Въ особенности страдаетъ деревня, не имѣющая рѣшительно никакого юридическаго свѣточа. А между тѣмъ суровое и вмѣстѣ необходимое правило: никто не можетъ отговариваться невѣденіемъ законовъ — дѣйствительно и въ деревнѣ. Можно догадываться сколько злоупотребленій, и при томъ юридически законныхъ, творится въ нашихъ селахъ и городахъ на почвѣ невѣжества и безпомощности населенія!

Мы упоминали выше о недавно открытыхъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ Закавказья юридическихъ консультаціяхъ изъ представителей мѣстной адвокатуры. Въ Тифлисѣ такая консультація присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ—учреждена лишь 10-го минувшаго октября при окружномъ судѣ и, несмотря на короткій срокъ своего существованія, успѣла уже принести замѣтные плоды. По 25-е октября, включительно, консультаціей дано свыше 70 устныхъ совѣтовъ, большею частью бесплатно, и составлено около 20 прошеній исковыхъ и др.; просители—все больше невѣжественный народъ изъ простаго рабочаго класса приходятъ за совѣтами, преимущественно, по гражданскимъ дѣламъ; любопытно отмѣтить, что были также случаи жалобъ на эксплуатацію со стороны подпольныхъ адвокатовъ. Мы говорили уже о значеніи юридическихъ консультацій при современномъ ихъ состояніи. Въ частности, относительно тифлисской, замѣтимъ, что дѣятельность ея будетъ много плодотворнѣе, если въ ближайшемъ будущемъ откроются

ея отдѣленія въ различныхъ частяхъ города, населенныхъ рабочимъ, неимущимъ людомъ. На 160—180 тысячъ жителей одной консултации, да еще при судѣ, недостаточно. Юридическая помощь у населенія должна быть, такъ сказать, подъ рукою поэтому желательно учрежденіе хотя-бы упрощеннаго типа консултанцій (при одномъ дежурномъ членѣ, нѣсколько разъ въ недѣлю и пр.) въ округѣ каждаго изъ мировыхъ отдѣловъ, въ которыхъ имѣетъ главнымъ образомъ нужду низшій классъ населенія.

Школами мы не избалованы. Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать одновременное открытіе въ Баку и Тифлисѣ двухъ весьма необходимыхъ учебныхъ заведеній. 7-го октября открыта въ Баку первая русско-мусульманская женская школа, въ тотъ-же день открыто въ Тифлисѣ художественное училище. Мусульманская школа всецѣло обязана своимъ возникновеніемъ извѣстному бакинскому крезу и благотворителю Г. З. А. Тагіеву. Вышедшій изъ народа и, благодаря счастливой случайности, нажившій громадное состояніе, этотъ филантропъ-мусульманинъ, не получивъ самъ никакого образованія, высоко цѣнитъ просвѣщеніе и является его горячимъ поборникомъ. Онъ, между прочимъ, искренній врагъ затворничества мусульманскихъ женщинъ, лишшающаго ихъ плодовъ культуры и просвѣщенія; и вотъ, съ цѣлью помочь имъ выйти изъ мрака невѣжества, Г. З. А. Тагіевъ строитъ для женской школы стотысячное зданіе и даритъ ей капиталъ въ 125 тысячъ рублей. Пока принято въ школу 58 ученицъ - мусульманокъ. За ними потянутся другія и не долго уже ждать того времени, когда образованіе пустить настолько глубокіе корни среди женъ и дочерей правовѣрныхъ, что возвратъ къ былому затворничеству станетъ невозможнымъ. И благодарныя мусульманки не разъ тогда помянутъ добромъ Г. З. А. Тагіева, впервые указавшаго имъ путь къ эмансипаціи. Другое училище, открытое уже въ Тифлисѣ, — художественное — содержится отчасти на средства Министерства Двора, отчасти на средства гор. Тифлиса. Художественное училище — это въ сущности среднеучебное заведеніе съ специальными классами живописи, архитектуры, скульптуры и пр. Окончившіе его пользуются извѣстными льготами при поступленіи въ Императорскую академію художествъ. Впрочемъ, по свѣдѣніямъ изъ достовѣрнаго источника, только что открытое училище имѣется въ виду преобразовать современемъ въ самостоятельную академію

художествъ, для чего Министерство Двора проектируетъ ассигновать солидную сумму—200,000 р.—на постройку специально приспособленнаго зданія. Конечно, академія художествъ явилась бы на Кавказѣ очень кстати. Богатая разнообразіемъ, живописная природа наша, то величественная и суровая, то нѣжная и ласкающая, этнографическая пестрота населенія, его впечатлительность, благодатный южный климатъ, жгучее солнце—все это признаки, заставляющіе думать, что на Кавказѣ зарыто не мало художественныхъ дарованій, лежащихъ втунѣ, благодаря отсутствію специальной школы. Художественное училище не можетъ замѣнить академіи художествъ, этой высшей школы, музея искусствъ, способнаго оказать эстетическому развитію края неоцѣнимыя услуги. Кавказъ вскормилъ богатую талантами туземную поэзію, вдохновилъ музу корифеевъ русской поэтической литературы, но не далъ намъ выдающихся художниковъ и скульпторовъ. Очередь теперь за ними.

16-го сентября скончался тифлисскій городской голова Георгій Григорьевичъ Евангуловъ. Родился онъ въ 1843 г. въ Тифлисѣ, получилъ среднее образованіе въ мѣстной губернской гимназіи, высшее—въ Петербургскомъ университетѣ и, по окончаніи здѣсь курса со степенью кандидата правъ, вернулся въ 1867 г. въ родной городъ. Послѣдовательно, затѣмъ, занимая въ новомъ судѣ должности помощника мирового судьи, товарища прокурора, Г. Г. переходитъ въ 1876 г. на службу по администраціи—дѣлопроизводителемъ VI класса въ бывший департаментъ Главнаго Управленія намѣстника-кавказскаго, но съ упраздненіемъ этого департамента (1883 г.) выходитъ въ отставку и вступаетъ въ ряды молодой кавказской адвокатуры. Съ этого времени и начинается, въ сущности, разнообразная и полезная общественная дѣятельность покойнаго. Какъ ревностный гласный, предсѣдатель училищной комиссіи, онъ завоевываетъ въ тифлисской думѣ почетное мѣсто; какъ талантливый адвокатъ, ораторъ и добросовѣстный защитникъ, активный членъ многихъ благотворительныхъ обществъ и просвѣтительныхъ учреждений, онъ пріобрѣтаетъ широкую извѣстность и въ 1897 г. избирается думой въ городскіе головы Тифлиса. Въ послѣдней должности и застала его смерть, подкравшись къ нему внезапно, предательски, чуть-ли не наканунѣ юбилейныхъ торжествъ, по случаю столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи. Г. Г. Евангуловъ скончался отъ грудной жабы, далеко не старымъ человекомъ, полнымъ силъ и энергіи, скончался, быть-можетъ, весь въ думахъ

о предстоявшихъ празднествахъ, на которыхъ ему, какъ представителю столицы бывшаго грузинскаго царства и неюжинному оратору надлежало сказать талантливое слово. Въ бумагахъ покойнаго найденъ проектъ этихъ рѣчей Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу и Е. И. В. Королевъ Греческой, которыя мы и позволяемъ себѣ привести, какъ послѣднюю дань памяти уважаемаго дѣятеля, такъ рано сошедшаго въ могилу.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Въ текущемъ году исполнилось столѣтіе со времени присоединенія Грузинскаго царства, съ его столицею Тифлисомъ, къ Россійской Имперіи. Съ присоединеніемъ Грузіи началось естественное расширеніе за Кавказомъ предѣловъ Великой Сѣверной Державы и принятіе подъ ея сѣнь народовъ и областей за долго до сего искавшихъ ея защиты и покровительства. Связь христіанскихъ народовъ Закавказья съ Россією — связь историческая, связь традиціонная, а традиціи — сильнѣе всякихъ временныхъ соображеній.

Подъ владычествомъ Россіи мы воспріали новую силу для продолженія культурной жизни, начавшейся съ первыхъ временъ христіанства, но прерванной жестокими политическими условіями. Страна умиротворилась, прекратились набѣги полудикихъ горцевъ, нашествія вражьихъ силъ изъ сопредѣльныхъ странъ, прекратились внутреннія смуты и волненія, „утвердилась личная и имущественная безопасность, каждому дана защита закона“, распространилось просвѣщеніе, создались сѣть шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ два моря, омывающія берега нашего края, города были призваны къ завѣдыванію мѣстными нуждами, промышленность, сельское хозяйство получили мощное развитіе, поставившее нашъ край въ положеніе, которому, по справедливости, завидуютъ народы, живущіе въ сопредѣльныхъ намъ государствахъ.

Управляясь въ теченіе столѣтія по Высочайшимъ указаніямъ Самодержцевъ Всероссійскихъ, проникнутыхъ довѣріемъ и любовью къ мѣстному населенію, мы оставаясь тѣмъ, чѣмъ создала насъ наша многовѣковая исторія, искренно и нелицепрібно вошли, и вошли навсегда, въ составъ государства Россійскаго, клали и кладемъ на алтарь общаго отечества жизнь и достоинство наше, ставъ младшимъ братомъ великаго русскаго народа и вѣрноподданными его Великихъ Монарховъ.

Населеніе города Тифлиса, осчастливленное еще тѣмъ, что на Ваше Императорское Высочество, возлюбленнаго бывшаго нашего Августѣйшаго правителя и главнокомандующаго славною Кавказскою арміею по Всемилоствѣйшему соизволенію Государя Императора возложено высшее представительство на юбилейныхъ торжествахъ, благодарно вспоминаетъ пройденный въ теченіе столѣтія путь мирнаго труда, и дерзаетъ просить Ваше Высочество повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества—нашего обожаемаго Государя—выраженіе вѣрноподданической преданности.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Отъ имени населенія города Тифлиса, поднося хлѣбъ-соль, приношу почтительнѣйшую признательность за благоволеніе, съ коимъ Ваше Величество почтили наши юбилейныя торжества пребываніемъ въ стѣнахъ нашего города. Въ Августѣйшей особѣ Вашего Величества, населеніе города Тифлиса привѣтствуетъ Великую Княгиню обожаемой нашей Императорской фамиліи и Монарха, дающаго народу, дающаго міру просвѣщеніе и нашей странѣ святую христіанскую вѣру.

И. Д.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Турція.—Розыски похищенной американки миссъ Стонъ.—Безпорядки въ Арменіи и представленія державъ.—Постановленіе „международнаго конгресса мира“ въ Глазговѣ, и телеграмма Общества мира въ Америкѣ.—Франко-турецкій конфликтъ.—*Персія.*—Развитіе торговыхъ сношеній между Россіей и Персіей.—*Авганистанъ.*—Новый эмиръ и старая политика.

Разбойники, похитившіе американскую миссіонерку, миссъ Стонъ, требуютъ за ея выкупъ 600,000 франковъ. Такъ какъ предполагается, что миссъ Стонъ находится на Балканскомъ полуостровѣ, потому всѣ власти, по распоряженію своихъ правительствъ, приняли здѣсь энергичнѣйшія мѣры къ ея розыску. Дѣло дошло до того, что самъ князь Фердинандъ телеграфировалъ правительству Соединенныхъ Штатовъ, что съ своей стороны онъ сдѣлалъ все, чтобы найти и освободить плѣненную американку, но все было тщетно, такъ какъ миссъ Стонъ, очевидно, находится внѣ болгарскихъ границъ. Вся американская печать пришла въ волненіе. Слышатся требованія отсылки флота въ болгарскія воды (хотя путь туда отрѣзанъ Босфоромъ). Всѣ пограничныя линіи на Балканскомъ полуостровѣ охраняются войсками. Въ Америкѣ идетъ усиленная подписка для выкупа гражданки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Можно сказать, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, что о миссъ Стонъ пишется теперь не меньше, чѣмъ писалось о кровавыхъ событіяхъ въ Македоніи и Старой Сербіи, гдѣ производились и производятся и понынѣ всевозможныя насилія надъ сотнями и тысячами славянъ и грековъ. Буря нѣ-

сколько улеглась здѣсь; на смѣну ей подымается другая, болѣе страшная и опасная по своимъ послѣдствіямъ,—въ Битлисскомъ вилайетѣ Азіятской Турціи, вокругъ Муша и Сассуна. Вотъ тутъ-то рѣзко бросается въ глаза возмущающій душу человѣка контрастъ. Въ то время какъ участь одного человѣка сдѣлалась темой громовыхъ статей и подняла такой шумъ во всѣхъ сопричастныхъ правительственныхъ сферахъ, десятки армянскихъ деревень истребляются, вызывая въ печати едва слышный отголосокъ.

Проникающія въ европейскую печать свѣдѣнія о новыхъ ужасахъ въ Мушѣ и Сассунѣ проливаютъ все болѣе и болѣе свѣта на положеніе дѣлъ въ означенныхъ мѣстахъ, несмотря на мѣры, принятыя турецкимъ правительствомъ къ огражденію этихъ событій отъ гласности. Трудно разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ, въ виду ихъ недостаточной ясности, и точности, но, во всякомъ случаѣ, то, что подтверждается одновременно различными источниками, европейскими, русскими, армянскими и турецкими представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Безпорядки, о которыхъ идетъ рѣчь, судя по корреспонденціямъ, начались давно, еще въ концѣ мая мѣсяца настоящаго года. Какъ обыкновенно, вопросъ о дѣйствительныхъ причинахъ безпорядковъ покрытъ мракомъ неизвѣстности. Приходится вѣрить, какъ указано въ одномъ мѣстѣ, что турецкое правительство создало ихъ само въ цѣляхъ искорененія христіанскаго населенія въ Зейтунѣ и Сассунѣ и заселенія этихъ мѣстъ мусульманскими эмигрантами.

Чтобы вызвать ропотъ въ народѣ, а затѣмъ путемъ тяжелыхъ притѣсненій и сопротивленій, турецкіе чиновники требуютъ отъ зейтунскихъ армянъ немедленной уплаты недоимочныхъ податей, прощенныхъ султаномъ въ 1896 году. Кромѣ того они требуютъ отъ нихъ, какъ и отъ армянъ Сассуна, постройки извѣстнаго числа казармъ. Армяне отказываются исполнить эти требованія, ссылаясь на свое печальное экономическое положеніе, руководствуясь отчасти и сознаніемъ того, что эти казармы строятся противъ нихъ же. По всему Мушскому и Сассунскому округу снуютъ теперь отряды сельской жандармеріи, наводя ужасъ на христіанъ и вызывая фанатическое броженіе среди мусульманъ. Отказъ армянъ строить казармы повлекъ за собой распоряженіе изъ Ильдизъ-Кіоска о концентраціи войскъ вокругъ Сассуна подъ начальствомъ Махметъ-Али паши и о примѣрномъ наказаніи „повстанцевъ“. Два три различныхъ источника подтверждаютъ также, что командиръ курдскихъ войскъ

Зеки-паша получилъ приказъ расположить курдскія кавалеріи (гамидіэ) по армянскимъ деревнямъ. Было бы конечно удивительно, если бы такое опасное сожительство не повело къ кровавымъ послѣдствіямъ и безчинствамъ всякаго рода, такъ какъ близость курдскихъ нерегулярныхъ войскъ и разбойничьихъ шаекъ не ведетъ къ инымъ послѣдствіямъ, какъ именно къ этимъ даже и тогда, когда правительство считаетъ необходимымъ удерживать ихъ отъ насилій, при помощи оттоманскихъ войскъ. Корресп. газеты „Гетръ“ сообщаетъ о совершившихся кровавыхъ столкновеніяхъ между войсками гамидіэ и армянами. Пишутъ также, что курдскія и черкесскія разбойничьи шайки, пользуясь общимъ безначаліемъ, довершаютъ картину грабежа и крови. О числѣ убитыхъ армянъ достовѣрнаго ничего неизвѣстно; по частнымъ свѣдѣніямъ число убитыхъ доходитъ до 4000. Указываются разграбленныя и сожженныя деревни, Авзутъ, Могункъ, Хацыкъ, Марникъ, Шейхъ-Юсуфъ, Арагъ, Альваринджъ и др.; до 80 сельскихъ старостъ заключено въ тюрьму, а также много молодыхъ людей и видныхъ представителей народа. Въ петиціи, поданной армянами французскому министру г. Делькассэ, говорится, что, яко-бы за неимѣніемъ мѣста въ мушской тюрьмѣ, 400 армянъ отравлены.

Неточность и запоздалость свѣдѣній объясняется задержкой со стороны турецкихъ властей не только частныхъ но и консульскихъ донесеній. Говорятъ даже, что вокругъ Муша установленъ кордонъ. По сообщенію „Frankfurter Zeitung“ задерживался эрзерумскимъ вали самъ драгоманъ французскаго консульства въ Эрзерумѣ, который два раза вызывался въ Константинополь для доклада о послѣднихъ событіяхъ. Пабстъ, представитель Франціи при Портѣ, телеграфировалъ этому вали, что въ случаѣ возникновенія новыхъ препятствій къ выѣзду драгомана, онъ возлагаетъ на него личную отвѣтственность. Русскій посолъ, г. Зиновьевъ, предложилъ ванскому консулу, г. Юманскому отправиться и разслѣдовать положеніе дѣла. 18-го сентября онъ телеграфировалъ въ посольство: „Положеніе дѣлъ дурное“. Онъ же сообщаетъ, что рѣзни не было, но что курды грабятъ и жгутъ армянскіе деревни, что назначена комиссія для наказанія виновныхъ и что составъ ея ничего утѣшительнаго не обѣщаетъ.

Что обстоятельство дѣлъ въ указанныхъ провинціяхъ въ настоящее время не нормально, на это указываетъ косвенно самъ циркуляръ турецкаго министра внутреннихъ дѣлъ, напечатанный въ константинопольскихъ газетахъ. Въ немъ говорится между прочимъ: „Вслѣдствіе полученія изъ нѣкоторыхъ

мѣсть тревожныхъ свѣдѣній о нарушеніи общественнаго спокойствія злонамѣренными людьми. Его Величество Падшахъ соизволилъ приказать, чтобы вали съ неослабной бдительностью слѣдили за поддержаніемъ во вѣреннѣхъ имъ областяхъ покоя и порядка“.

Весьма прискорбно, что при этомъ печальномъ и опасномъ состояніи дѣлъ, можемъ повести къ грандіозному пожару, на подобіе 1894—96 годовъ, нѣтъ достаточно энергичной руки, которая могла бы во время затушить начинающійся огонь. Державы не могутъ никакъ столкнуться относительно мѣръ, идущихъ дальше обычныхъ нотъ: одной сегодня неудобно оказывать давленіе на султана, другой—завтра. Пока сдѣлано слѣдующее: какъ пишутъ въ „Berl. Tagebl.“ изъ Константинополя, русскій посолъ г. Зиновьевъ обратился къ Портѣ со строгой нотой, требующей прекращенія безпорядковъ въ Арменіи; то же самое сдѣлалъ французскій министръ иностр. дѣлъ, г. Делькассэ. Впрочемъ, одна парижская корреспонденція „Daily News“—а совсѣмъ не согласуется съ циркулирующимъ слухомъ, что г. Делькассэ рѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры для прекращенія смутъ въ армянскихъ провинціяхъ. Въ этой корреспонденціи говорится, что французскій министръ старается сдерживаться изъ опасенія созданія серьезнаго дѣла. Тамъ же говорится, что по предложенію Россіи и Франціи, державы „вырабатываютъ теперь основанія для совмѣстныхъ представленій оттоманскому правительству и т. д.“.

Лондонскіе армяне представили президенту французской республики г. Лубэ въ Компьенѣ просьбу о заступничествѣ за ихъ преслѣдуемыхъ соотечественниковъ, а парижскіе армяне подали г. Делькассэ петицію о томъ же, подробное содержаніе котораго изложено въ „С.-Пет. Вѣд.“ № 264. „Международный конгрессъ мира“, состоявшійся въ Глазговѣ отъ 10 по 13 сентября, свое второе засѣданіе посвятилъ положенію армянъ въ Турціи и постановилъ: послать петицію всѣмъ державамъ, подписавшимъ Берлинскій трактатъ, съ просьбой созвать официальную конференцію для разрѣшенія армянскаго вопроса въ Турціи посредствомъ приведенія въ исполненіе проекта реформъ 1895 года, составленнаго Россіей, Англіей и Франціей и принятаго султаномъ. Упомянутый конгрессъ получилъ 10-го сентября телеграмму изъ Америки слѣдующаго содержанія: „Общества мира въ Соединенныхъ Штатахъ приготовили адресъ подписываемый американскимъ народомъ для врученія президенту Штатовъ, дабы послѣдній ходъ

тайствоваль предъ великими державами о созывѣ конференціи въ цѣляхъ разрѣшенія армянскихъ дѣлъ“.

Согласно послѣднимъ телеграммамъ, франко-турецкій конфликтъ на пути къ улаженію. Когда конфликтъ будетъ разрѣшенъ окончательно, г. Константъ, посолъ Франціи при Портѣ, прїѣдетъ въ Константинополь. Его будетъ сопровождать броненосецъ. По требованію г. Делькассэ, какъ только будетъ поднятъ флагъ надъ дворцомъ французскаго посольства, изъ турецкихъ укрѣпленій долженъ раздаться салютъ.

Русско-персидская торговля, какъ доказываетъ Нижегородская ярмарка, дѣлаетъ большіе шаги впередъ. Русскіе фабриканты наконецъ-то догадались сами хлопотать о болѣе или менѣе гарантированной доставкѣ русскихъ товаровъ на персидскіе рынки. Такъ, по увѣренію одной газеты, группа московскихъ и ивановскихъ (Иваново-Вознесенскія фабрики) коммерсантовъ отправила въ Персію своего представителя для болѣе детального ознакомленія съ условіями сбыта русскихъ товаровъ въ Персіи и для организации здѣсь постоянного склада русскихъ фабрикантовъ. Кромѣ того, другая группа фабрикантовъ ужъ открыла въ Тегеранѣ торговый складъ. Тутъ было приложено даже стараніе, чтобъ складъ этотъ обнималъ весь обиходъ персіянина. Къ тегеранскому складу тѣсно примыкаетъ мануфактурный складъ въ Мешхедѣ; онъ находится главнымъ образомъ въ армянскихъ рукахъ. Очень успѣшно ведетъ свои дѣла также русскій складъ въ Тавризѣ.

Къ сожалѣнію усилія русской торговли завязать тѣсныя сношенія съ Персіей разбиваются о страшныя неудобства транспорта

Причиной тому являются плохія дороги, примитивныя постоянныя дворы и разбойничьи шайки, хозяйничающія даже на главныхъ трактахъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ ни страховыя общества, ни русско-персидскій ссудный банкъ не берутся страховать товаръ, идущій по персидскимъ трактамъ.

Эмиръ Авганистана, Абдурахманъ-ханъ, скончался. Авганскій престолъ наслѣдовалъ, сынъ его, Хабибулла-ханъ. Эта перемѣна вызвала интересъ къ вопросу объ отношеніи новаго эмира къ Англіи и Россіи, хотя, какъ говорятъ, покойный эмиръ, умирая, взялъ со своего наслѣдника слово въ томъ, что онъ будетъ держаться по отношенію къ Англіи политики отца, иначе говоря, предпочтетъ англійское вліяніе русскому. Самъ

Хабибулла уже высказался въ своей, такъ сказать, программной рѣчи, произнесенной въ день похоронъ отца, въ этомъ духѣ, и этому надо вѣрить. Россія касается авганскихъ предѣловъ самыми отдаленными окраинами своей территоріи, англійская же Индія подъ бокомъ Авганистана, къ границамъ котораго ведетъ цѣлая сѣть индійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а потому было бы чрезвычайно рискованно вооружать противъ себя могущественнаго сосѣда во имя гадательнаго сѣвернаго протектората. Покойный эмиръ, при всемъ своемъ стремленіи держаться независимой политики, принужденъ былъ принять предложеніе англійскаго правительства (въ 1880 г.)—не входить безъ разрѣшенія послѣдняго въ союзъ съ какой бы то ни было державой (Россія), взамѣнъ чего англійское правительство обязывалось платить эмиру около полутора милліона рублей въ годъ, а также помогать ему военной силой въ степени, указанной обстоятельствами, въ случаѣ, если границы Авганистана подвергнутся нападенію. Когда, въ 1888 г. Россія заняла Мервъ и стала претендовать на болѣе дальнія границы, чѣмъ она имѣетъ теперь съ юга, Англія, послѣ урегулированія вопроса о сѣверныхъ границахъ Авганистана, сильно укрѣпила ихъ помощью своихъ инженеровъ

К. М.-Каракозовъ.

Критика и библиографія.

Beiträge zur Volks-und Völker kunde. VII Band. Anthologie aus der asiatischen Volks litteratur. Herausgegeben von A. Seidel, herausgeber der Zeitschrift für afrikanische und ozeanische Sprachen. Weimar. Verlag von Emil Felber. 1898.

Авторъ книги, заглавіе которой выписано, еще въ 1896 г. выпустилъ книгу, посвященную исторіи и поэзіи африканцевъ (Geschichten und Lieder der Afrikaner, Berlin, 1896). Онъ въ ней хотѣлъ представить картину духовной жизни африканцевъ и засвидѣтельствовать предъ „большой публикой“, а не только въ глазахъ фольклористовъ, что африканцы должны сочтены за *людей* вообще по своимъ внутреннимъ запросамъ. Въ настоящей книгѣ онъ предлагаетъ образцы литературнаго (устнаго) творчества народовъ азіатскихъ: японцевъ, остяковъ, монголовъ, китайцевъ, жителей Аннама, Бирмана, Тонкина, племень тюркскихъ, малайскихъ, семитическихъ (арабовъ и сирійцевъ), Индостана, Туркестана, Персіи и Авганистана. Онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для характеристики поэзіи извѣстнаго народа, нерѣдко ограничиваясь однимъ какимъ-либо видомъ его творчества. Главная же цѣль автора—собрать литературу вопроса и указать тѣ источники, откуда онъ заимствовалъ свои образцы. Въ концѣ книги приложенъ библиографическій перечень подобныхъ сочиненій, преимущественно на иностранныхъ языкахъ, при чемъ на русскомъ языкѣ онъ не называетъ ни одного изъ нашихъ почтенныхъ оріенталистовъ за исключеніемъ акад. Радлова. Въ началѣ книги онъ приложилъ „Обзоръ азіатскаго населенія“ съ точки этнографической и лингвистической. Читатели найдутъ здѣ между прочимъ и *Кавказскую вѣтьвь*, заключающую въ себѣ 1

этнографическому распредѣленію: 1) сѣверо-кавказцевъ (черкесы, абхазцы, чеченцы или кисты и лезгины); 2) южно-кавказцевъ (лазы, сванеты, тушины, пшавы, хевсуры, грузины, мингрельцы; и 3) осетины. Армяне, курды, персы отнесены къ индо-европейской группѣ. Что-же касается до дѣленія по языку, то кавказцы у него разбиты на четыре группы: а) языкъ грузинскій, лазскій, мингрельскій, сванетскій; б) лезгинскій, аварскій, казыкумукскій; в) кистинскій (тушинскій) и г) черкесскій, абхазскій. Эта классификація, очевидно, заимствованная у фонъ-Эркerta, нынѣ требуетъ переработки и значительныхъ измѣненій. Не входя въ разборъ книги, скажемъ только, что для фольклористовъ образцы, приведенные авторомъ, и его указанія не лишены интереса и значенія.

Антонинъ.

Grundriss der Iranischen Philologie, herausgegeben von Wilh. Geiger und Ernst Kuhn. I Band, I Abtheilung, 3 Lieferung. Strassburg. 1901.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается первая часть перваго тома „Основъ иранской филологіи“, задуманной и осуществляемой при участіи выдающихся иранистовъ. Правда, первоначальный планъ иранской филологіи отчасти нарушенъ, но въ общемъ, намѣченная программа съ рѣдкой солидностью реализуется къ удовольствію всѣхъ, интересующихся персидской исторіей, литературой и пр. Въ составъ иранской филологіи войдетъ глава объ осетинахъ. Въ этомъ же солидномъ трудѣ имѣется много полезныхъ свѣдѣній объ Арменіи и Грузіи.

Вышедшій недавно выпускъ заключаетъ въ себѣ очеркъ средне-персидскаго языка г. Залемана, при чемъ *Vorgeschichte* иранскихъ языковъ уже была представлена г. Бартоломеемъ и имъ-же напечатанъ очеркъ: „авестійскій языкъ и языкъ древнеперсидскій“. Подъ именемъ средне-персидскій языкъ въ широкомъ смыслѣ понимается языкъ Ирана въ эпохѣ Аршакидовъ (пароянъ) и сассанидовъ (226—642 по Р. Хр.). Изъ памятниковъ языка древняго времени мы не имѣемъ ничего больше, кромѣ собственныхъ именъ. Изъ эпохи сассанидовъ впервые имѣемъ надписи на памятникахъ, монетахъ, геммахъ, сосудахъ, дешифрованіе которыхъ пока еще не установлено. Языкъ этихъ памятниковъ идентиченъ языку богатой литературы, расцвѣтшей въ эпоху сассанидовъ, и сохранившейся среди

послѣдователей Зороастра въ Персіи и Индіи. До насъ, впрочемъ, не дошли рукописи ранѣе начала XIV вѣка. Языкъ этой письменности и есть въ тѣсномъ смыслѣ средне - персидскій языкъ, называемый также книжнымъ „пеглеви“ въ отличіе отъ древняго пеглеви другихъ памятниковъ. Переписчики памятниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что они находились подъ вліяніемъ ново-персидскаго языка. У сассанидовъ вначалѣ было два алфавита, оба арамейскаго происхожденія. Авторъ прилагаетъ таблицу, которая даетъ представленіе о связи этихъ алфавитовъ съ арамейскимъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ исторію персидскихъ звуковъ, словообразование различныхъ частей рѣчи. Этотъ трудъ г. Залемана, русскаго академика, извѣстнаго за границей, ручается за основательность разработки фонетики персидскаго языка.

Антонинъ.

„Въ Барсовой кожѣ“ (картины для сцены) по грузинской поэмѣ того-же названія **Шота Руставели**, составилъ Р. Кинвари. Съ портретомъ Ш. Руставели и 5-ю иллюстраціями въ текстѣ. СПб. 1901 г.—Ц. 1 р.

Г. Кинвари задался пѣлюю—передѣлать извѣстную поэму „Барсова кожа“, для сценическаго исполненія и, главнымъ образомъ, для опернаго либретто. Содержаніе поэмы, вѣроятно, извѣстно нашимъ читателямъ, а потому не станемъ говорить о немъ; въ передѣлкѣ для сцены, конечно, много сокращеній и включено нѣсколько новыхъ эпизодовъ. Переводъ сдѣланъ бѣлыми стихами. Изданіе чистенькое (не лишенное досадныхъ опечатокъ); цѣна его не дорогая.

А. В.

Николай Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Спб. Изд. О. Н. Поповой 1901 г. Ц. 2 р. 25 к. Стр. LXXXIV+267.

Авторъ лежащей передъ нами весьма интересной и мастерски написанной книги является талантливѣйшимъ представите

лемъ того новаго направленія въ русской соціологической мысли, которое, пройдя черезъ рѣшето методологической критики извѣстное ученіе „историческаго матеріализма“, кантіанизируетъ его. Какъ извѣстно, гениальная концепція матеріалистическаго пониманія исторіи слаба именно въ своихъ философскихъ и гносеологическихъ (теоретико-познавательныхъ) основахъ, потому главной задачей такъ-называемыхъ „кантіанизирующихъ марксистовъ“ и является освѣтить и обосновать названную соціологическую доктрину съ точки зрѣнія научной философіи и критической теоріи познанія. Рѣшенію этой благодарной задачи отводится въ настоящее время слишкомъ много мѣста и вниманія какъ въ западно-европейской, такъ и въ русской соціологической литературѣ. Объ этомъ трактовали и трактуютъ Зиммель, Штамmlеръ, Зомбартъ, Вольтманъ, Масаржикъ, Кистяковский и др. на Западѣ, П. Струве, Н. Бердяевъ и др. у насъ въ Россіи.

Свои взгляды г. Бердяевъ излагаетъ въ настоящей книгѣ въ формѣ критики ученій нашего талантливаго публициста-соціолога Н. К. Михайловскаго, общественно-философскіе взгляды котораго отличались, какъ извѣстно, несистематичностью, хотя (или именно потому) и не были лишены размаха мысли. Во главѣ угла соціологическаго міросозерцанія г. Михайловскаго стоитъ вопросъ объ отношеніи субъективизма къ объективизму и личности къ обществу, т. е. ученіе о „субъективномъ методѣ въ соціологіи“ и теорія „борьбы за индивидуальность“. Г. Бердяевъ съ неподражаемой объективностью и глубиной пониманія критикуетъ эти два кардинальных вопроса и утверждаетъ полнѣйшую несостоятельность ихъ постановки и рѣшенія у г. Михайловскаго, отмѣчая при этомъ тѣ или иныя достоинства писаній этого замѣчательнаго публициста. Философски глубже образованный г. Бердяевъ точнѣе и вѣрнѣе формулируетъ гносеологическія и этическія проблемы соціологіи, чѣмъ это удавалось г. Михайловскому. Объ этомъ послѣднемъ онъ пишетъ въ заключеніи: „...Но произведенія нашего соціолога-публициста дѣйствуютъ и до сихъ поръ возбуждающимъ образомъ на мысль. Г. Михайловскій превосходный будильникъ мысли... Но, конечно, прежде всего, какъ блестящій, очень талантливый публицистъ, чутко отражавшій лучшія стремленія своего времени и ненавидящій враговъ свѣта, онъ займетъ подобающее мѣсто въ исторіи русской литературы и общественности 70-хъ годовъ“ (стр. 266).

Замѣчательному критическому этюду Н. Бердяева предше-

ствуесть длинное (88 стр.) предисловіе извѣстнаго, сходнаго съ нимъ по общему складу мысли, экономиста-философа П. Струве, выступающаго въ полемику съ авторомъ книги по нѣкоторымъ вопросамъ чистой философіи. Ратуя за возрожденіе философскаго идеализма во всѣхъ его пунктахъ и стоя на точкѣ зрѣнія имманентной философіи П. Струве расходится съ г. Бердяевымъ въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ теоріи познанія, метафизики и этики. О его предисловіи мы скажемъ его же словами, которыми онъ охарактеризовалъ книгу г. Бердяева: „У автора цѣнна не одна только критическая мысль: у него съ критическою мыслью стройно сочетается и душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ“.

Проф. Зомбартъ какъ-то писалъ о замѣчательной книгѣ Рудольфа Штамmlера „Хозяйство и право“ слѣдующее: „Въ будущемъ никто не осмѣлится говорить о вопросахъ общественной философіи, не познакомившись какъ слѣдуетъ съ книгой проф. Р. Штамmlера“. То-же самое можно будетъ смѣло сказать про книгу гг. Н. Бердяева и П. Струве, обращаясь съ этими словами къ тѣмъ изъ русскихъ интеллигентовъ, которыхъ занимаетъ развитіе русской соціологической мысли.

П. К.-Мурза.

„Время“. Арм. научно - литературный журналъ. Парижъ. № 1.
ԺԱՄԱՆԱԿ. Հանդէս գրական, գիտական գիշարտեսական և քաղաքական.
1 տարի.

Въ руководящей статьѣ, „Право на существованіе новаго изданія“, редакція журнала *Время* такъ опредѣляетъ свое назначеніе: „журналъ *Время* ставитъ своей задачей прійти на помощь и содѣйствовать одному общему идеалу, именно тому, чтобы армянскій народъ *сознательно и дѣйствительно* (курс. авт.) пріобщился къ европейскому умственному движенію, и чтобы онъ любилъ свой родной языкъ, какъ единственно правильный и сильный факторъ для усвоенія знанія и цивилизаціи“. Что касается направленія, котораго будетъ держаться журналъ, редакція, находя обычныя выраженія для характеристики того или другого направленія бессмысленными, — опредѣляетъ свое правленіе словами — правда, знаніе, искусство. Слова эти бы бы чрезвычайно содержательны и характеристичны для новаго изданія, если-бы только имъ не противорѣчили двѣ вылазки маго обыденнаго „партійнаго“ характера, допущенныя по ад-

су двухъ собратовъ: парижскаго, редактора котораго редація обзываетъ безчестнымъ лгуномъ, и тифлискаго, серьезную полемику съ которымъ редація приправляетъ нападками совершенно личнаго характера (стр. 78). Въ общемъ содержаніе перваго номера не богато: въ первомъ отдѣлѣ находимъ картинку г. В. Папазяна „Голосъ земли“, выхваченную изъ жизни турецкихъ армянъ и начало разсказа г. П. Просяна „Учитель“, переводы изъ Майкова, съ краткой біографіей его, изъ Ибсена и юмористическій разсказикъ Канюса. Въ научномъ отдѣлѣ помѣщены статьи о снахъ и о венерическихъ болѣзняхъ. Книжка заканчивается полемической статьей противъ *Мурча*, главнымъ образомъ противъ статей г. Лео. Намъ кажется, что подобнымъ подборомъ статей редакціи новаго журнала не удастся осуществить свою задачу: приобщить армянскій народъ къ европейскому умственному движенію.

Ал. Х.

Чума. Д-ра Н. Теръ-Саакяна. Александрополь. ՉՄԵՏՈՒՑ կամ 2 ուժն. Բժ և Տէր-Խաչապետեանց.

Названная брошюра, предназначенная для народа, сжато, но достаточно полно, выясняетъ симптомы, виды и лѣченіе чумы, говоритъ о профилактикѣ и общественномъ значеніи борьбы съ чумой,—и, какъ доступно написанное народное изданіе, можетъ быть съ удовольствіемъ отмѣчено.

Въ послѣдніе годы армянская популярная медицинская литература оживилась,—явленію этому мы отъ души сочувствуемъ, особенно потому, что, судя по газетнымъ сообщеніямъ и наблюденіямъ врачей, народъ съ охотой и интересомъ читаетъ популярно-медицинскія книжки.

Ал. Х.

„Юбилейный сборникъ къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи 1801—1901“. Матеріалы собралъ Е. С. Сталинскій. Т. ц. 1 р.

Юбилейный сборникъ даетъ краткую біографію главноуправляющихъ и главноначальствующихъ Кавказа: Кнорринга, князя Циціанова, графа Гудовича, Тормасова, Котляревскаго, Маркиза Паулуччи, Ртищева, Ермолова, кн. Бебутова, графа Паскевича-Эриванскаго, барона Розена, Головина, Нейдгардта,

князя Воронцова, Муравьева, князя Барятинского, Великаго Князя Михаила Николаевича (намѣстника), князя Дондукова-Корсакова, Шереметева и князя Голицына. Біографіи снабжены хорошо исполненными портретами этихъ лицъ.

Кромѣ того въ книгѣ имѣются и другіе рисунки историческаго содержанія.

Часть сборника составляетъ „Поэтическій Кавказъ въ его легендахъ, пѣсняхъ и пословицахъ“. Содержаніе книги въ общемъ интересно и читается она легко.

* * *

А. Луговой. „Тенета“, ром. въ 3 частяхъ. Ц. 1 р. 50 к. СПБ., 1901 года.

Медленное развитіе нашей общественной жизни, по сравненію съ развитіемъ отдѣльной личности, способствуетъ укрѣпленію пессимистическихъ взглядовъ на жизнь. Такой социальный строй создаетъ „Тенета“, выйти изъ которыхъ не всегда возможно отдѣльной личности.

Герои романа „Тенеть“ Константинъ Николаевичъ Осокинъ и Елена Григорьевна Знойко. Елена Григорьевна еще дѣвочкой-подросткомъ влюбилась въ серьезнаго чиновника, чистѣйшаго бюрократа—Осокина, и вышла за него замужъ... У Осокина была уже сѣдина въ волосахъ, а Знойко—игриво и шаловливо смотрѣла на жизнь.

Бюрократизмъ у насъ на Руси развился какъ нельзя болѣе. Онъ проникаетъ всюду, онъ не входитъ въ жизненное море глубоко, онъ, какъ жиръ, разстилается по поверхности, но забивается во всякую береговую извилину. Онъ, бюрократизмъ, можетъ лишь все оформить, дать массу инструкцій, положеній и наказовъ, но все это годно лишь для него, а для живыхъ людей эта дѣятельность является тенетами. Тутъ нѣтъ ни геройскихъ подвиговъ, ничего, кромѣ смѣщеній, назначеній и распредѣленій.

Романъ „Тенета“ Лугового—просто пугаетъ читателя своимъ содержаніемъ: Осокиныхъ и Знойко у насъ слишкомъ много и они надолго устранили отъ дѣла мелкихъ общественныхъ героевъ, какъ Рудинъ и такихъ любящихъ мужей, какъ Ларецкій.

П. Я.

М. С. Бетановъ. „О кавказскомъ мраморномъ ониксѣ“ (Къ кавказской юбилейной выставкѣ).

Настоящій ониксъ (мраморъ, прозрачно-бѣлый, безъ трещинъ и ноздреватости, красивой окраски и пр.) находятъ въ штатахъ Калифорніи, Аризоны и Юта Сѣверной Америки, въ графствѣ Валенція въ Новой Мексикѣ. Имѣется *ониксовый мраморъ* въ Алжирѣ, въ Египтѣ, въ Южной Америкѣ. Отсюда въ большомъ количествѣ онъ идетъ въ Европу, гдѣ въ сотняхъ фабрикъ выдѣлываются всевозможные предметы и откуда таковыя разсылаются по всему міру. Между тѣмъ у насъ есть свой ониксъ, не уступающій качествомъ лучшимъ американскимъ.

Ониксовые плиты сохранились въ Кашветской церкви на могилахъ князя Джамбакуръ-Орбеліановыхъ. Во множествѣ ониксовый мраморъ можно видѣть въ оградѣ Ванкского собора и др. мѣстахъ Тифлиса.

Въ Закавказьѣ залежи ониксоваго мрамора встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, въ особенности близъ Ардагана въ Арсіанѣ, близъ Эривани и при сел. Джарджи, Зарушатскаго участка, Карсской области.

Брошюра М. С. Бетанова заслуживаетъ вниманія, какъ краткій и систематическій указатель свѣдѣній объ этомъ цѣнномъ мраморѣ.

П. Я.

С М Ъ С Ь.

Эль-Азаръ, мусульманскій университетъ въ Египтѣ

находится въ Каиро и считается первымъ университетомъ въ мусульманскомъ мірѣ. Эль-Азаръ (значить цвѣтушій) расположенъ въ старинной части Каиро, сохранившей до сихъ поръ свой самобытно-живописный характеръ. Главный входъ въ зданіе университета называется: Воротами Цырульниковъ, такъ какъ прежде студенты имѣли обыкновеніе здѣсь бриться у брадобреевъ. При входѣ находится надпись на воротахъ: „Каждый поступокъ долженъ быть опредѣленъ на основаніи его побудительныхъ причинъ; каждому человѣку воздается согласно побудительнымъ причинамъ его поступковъ“. За воротами находится громаднй дворъ, окруженный аркадами, на востокѣ отъ котораго находится главная училищная зала со 140 мраморными колоннами, освѣщенная 1200 лампами. Такъ какъ училище это является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мечетью, то къ залѣ расположена въ сторонѣ Мекки *кибла* (ниша для молитвы). Къ сѣверу отъ двора расположены двѣ малыя залы или т. н. ливаны.

Залы раздѣлены рѣшетками на отдѣленія, называемыя ривакъ, онѣ предназначены для студентовъ разныхъ странъ и провинцій. Тутъ, какъ въ прежнія времена на западѣ, строгое дѣленіе студентовъ по національностямъ; большинство, понятно, египтяне, но кромѣ нихъ встрѣчаются слушатели изъ Мекки, Сомалійскихъ береговъ, Берберіи (Триполи и Туниса), Судана, Багдада, Турціи и т. д.

Эль-Азаръ основанъ въ 362 г. геджры (973 нашего счисленія) при фатимидскомъ Калифѣ Муизѣ. Съ теченіемъ времени: училище все болѣе и болѣе расширялось, число студентовъ: ходило до 12,000, а преподавателей было свыше 300. Въ настоящее время число слушателей не превышаетъ 7,000, а препода-

вателей около 250 человекъ. Продолжительность ученія колеблется отъ четырехъ до шести лѣтъ. Плату за ученіе не взимаютъ, но нѣкоторыя отдѣленія получаютъ больше или меньше суммы на свое содержаніе отъ мечети. Существуетъ въ Эль-Азарѣ особенное отдѣленіе для слѣпыхъ. Преподаватели (шеки) не получаютъ гонорара, но должны, въ случаѣ нужды, зарабатывать себѣ деньги перепискою, частными уроками, исполненіемъ разныхъ религіозныхъ обязанностей. Только самый старшій изъ профессоровъ, исполняющій соотвѣтствующія у насъ ректорскимъ обязанности, получаетъ ежегодно 20 кошельковъ (около 1,000 руб.).

Система преподаванія въ мусульманскомъ университетѣ производитъ на европейца, можно сказать, комическое впечатлѣніе. Съ поджатыми ногами сидитъ на циновкѣ учитель, прислонясь спиной къ колоннѣ, полукругомъ возлѣ него сидятъ студенты, то безбородые юнцы съ наивнымъ выраженіемъ лица, то бородатые юноши съ серьезными лицами и нахмуренными бровями будущихъ фанатиковъ Ислама. Разнообразіе сектъ суннитскаго толка не мѣшаетъ преподавателямъ и студентамъ сидѣть здѣсь рядомъ и тутъ, бокъ-о-бокъ, идетъ преподаваніе и толкованіе корана представителями четырехъ главныхъ сектъ: ганефитами, шафитами, малекитами и амбалитами.

Преподаватель начинаетъ обыкновенно свой курсъ чтеніемъ и разборомъ предложеній изъ корана или другихъ религіозныхъ книгъ и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ученикъ не будетъ достаточно знакомъ со всей книгой и будетъ умѣть давать нужныя толкованія на тексты проштудированной книги. Для лучшаго уясненія прочитываемаго, слушатель повторяетъ нараспѣвъ прочитанное, покачиваясь всѣмъ тѣломъ взадъ и впередъ (по утвержденіямъ преподавателей этотъ способъ весьма дѣйствителенъ для запоминанія). Насколько аудиторія во время урока серьезна и внимательна, настолько шумны и подвижны студенты во время *паузы* (перемѣнъ). Тутъ проявляется вся живость южнаго темперамента; наряду со студентами появляются въ это время продавцы свѣжей воды, лимонада, всевозможной живности, сластей—словомъ, дворъ превращается въ настоящій рынокъ, но какъ только раздастся голосъ муэдзина, призывающаго къ молитвѣ, мгновенно, какъ по мановенію жезла, все стихаетъ и молодые студенты, совмѣстно съ почтенными преподавателями, падаютъ ницъ съ распростертыми руками по направленію къ киблѣ.

Научное образованіе мусульманъ всецѣло основано на изу-

ченіи корана, который является не только источником вѣры, но и всѣхъ отраслей знанія.

Свой курсъ студентъ начинаетъ съ грамматики, затѣмъ слѣдуетъ *теологія*, которая вначалѣ знакомитъ учащагося съ 13 свойствами Бога и пророка и затѣмъ погружаетъ его во всѣ тайны мусульманской догматики: далѣе слѣдуетъ юридическій курсъ, логика, риторика, поэзія, правильный выговоръ и сознательное чтеніе корана.
